

Г. П. Турмов, В. И. Калинин, Н. Б. Аюшин

По следам старой фотографии

**150-летию Владивостока
посвящается**

Г.П. ТУРМОВ, В.И. КАЛИНИН, Н.Б. АЮШИН

ПО СЛЕДАМ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

**ВЛАДИВОСТОК
2010**

УДК 908 (470)

ББК 63.3 (2)

Т86

Турмов Г. П.

Т86 По следам старой фотографии / Турмов Г. П. , Калинин В. И., Аюшин Н. Б. – Владивосток: Изд-во «Дальневост. ун-т», – 2010. – 192 с.: ил.

ISBN 978-5-7444-2447-3

В книге рассказывается о фотографии, случайно найденной одним из авторов в небольшом антикварном магазинчике Москвы, и прослеживаются судьбы интересных людей, запечатленных «придворным фотографом» Ф. И. Подзоровым, который на некоторых визитках именовал себя «Придворным фотографом Его королевского высочества наследного принца Сиамского».

ISBN 978-5-7444-2447-3

© Турмов, Г. П., 2010
Калинин В. И., 2010
Аюшин Н. Б., 2010

© Изд-во «Дальневост. ун-т», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена интересной групповой фотографии, найденной одним из авторов в небольшом антикварном магазинчике Москвы. Великолепной по качеству и по сохранности, с указанием имени автора – харьковского и дальневосточного фотографа Ф.И. Подзорова, и с интересными людьми, запечатленными на ней – группой офицеров с женами. Определив нескольких участников съемки, мы довольно легко выяснили, что на фотографии изображена группа военных инженеров из Временного управления Строителя Владивостокской крепости и Владивостокского крепостного инженерного управления, и что снимок сделан в период с 1911 по 1914 г. Идентификация только части изображенных на фотографии людей, выяснение более точной даты и обстоятельств этой торжественной съемки потребовали от нас нескольких лет напряженных поисков, а также использования всего багажа знаний, накопленных при изучении истории Владивостокской крепости в течение нескольких десятилетий.

Случилось удивительное – после первой же публикации этой фотографии люди, изображенные на ней, стали искать нас практически сами, то есть, естественно, не они сами, а их потомки и родственники. В наше распоряжение попало несколько семейных архивов с уникальными фотографиями и документами, семейные хроники-воспоминания, рассказы-важные о том, что случилось, впоследствии, с героями фотосъемки и как сложилась судьба их семей. Произошло невероятное – люди с фотографии заговорили! Это оказалось настолько захватывающим, что мы решили рассказать обо всей этой удивительной истории, начавшейся в одном из московских антикварных магазинов, как можно подробнее.

В настоящей книге рассказывается о том, как эта фотография была найдена, о фотографе, который ее сделал, и о людях, которых удалось опознать на этом снимке, а также о судьбе их родственников и потомков.

Авторы будут признательны за все замечания, пожелания и дополнительную информацию, касающуюся данной книги. Контактный адрес: kalininv1957@mail.ru или kalininv@hotmail.com

Офицеры Управления Строителя Владивостокской крепости с женами по случаю прощания с помощником Строителя Владивостокской крепости по работам на п-ове Муравьев-Амурский Г.Б. Кригером-Войновским, получившим новое назначение. Конец мая – начало июня 1914 г. В центре начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости генерал-майор А.П. Шошин (пятый слева во втором ряду). В первом ряду в центре (шестой слева) военный инженер полковник Г.Б. Кригер-Войновский, пятая слева его сестра Изабелла Брониславовна Федорова, седьмая слева его жена Евгения Константиновна Кригер-Войновская. В третьем ряду четвертый слева помощник Строителя Владивостокской крепости по работам на Русском острове военный инженер полковник А.А. Федоров. В последнем ряду в центре (шестой слева) военный инженер подполковник В.А. Свинын, седьмой слева военный инженер капитан П.В. Заглядимов. Во втором ряду третья справа стоит его жена Екатерина Никифоровна Заглядимова. В первом ряду крайние слева военный инженер полковник Э.О. Маак с супругой Анной Ивановной Маак. Из фондов Дома Музеев ДВГТУ

Глава 1. ЖИЛ БЫЛ ФОТОГРАФ ОДИН

Групповая фотография офицеров с женами, приобретенная одним из авторов этой книги у московского антиквар-коллекционера, не содержала никаких поясняющих надписей, за исключением того, что ее автором является «Придворный фотограф Ф.И. Подзоров». Узнать об этом фотографу первоначальную информацию нам помогла опубликованная в одном из номеров московского журнала «Филокартия» за 2010 год статья харьковского коллекционера А.Е. Хильковского «Пропавший фотограф Подзоров». А.Е. Хильковский является весьма серьезным исследователем фотографического дела в Харьковской губернии и выпустил в соавторстве с коллегами книгу-альбом «Фотографы Харьковской губернии. 1851–1917 гг.» В этом издании выявлено и описано около 250 фотографов и фотографических заведений. Благодаря работе Хильковского мы узнали о Подзорове довольно много [1].

Истоки биографии фотографа ведут в Харьковскую губернию, из государственных крестьян которой он и происходил. Где и когда он обучился фотографическому делу неизвестно, чем-то особенным не выделялся, но фотографом-профессионалом он был хорошим, работал серьезно, добротнo, как, впрочем, и большинство его харьковских коллег. Известно, что он был управляющим в фотографическом заведении фотографа Ромуальда Леонардовича Туккера, которое открылось в Харькове 4 июня 1892 г. по адресу ул. Екатеринославская, 6. Через некоторое время Подзоров выкупил заведение у Туккера, но с условием, что оно будет работать под прежним названием «Фотография Р.А. Туккера».

Поскольку Подзоров был человеком достаточно честолюбивым, то, поднакопив

денежные средства, он решил обойти соглашение, формально его не нарушив. И вот 9 апреля 1897 г. буквально в соседнем доме № 8 на Екатеринославской улице открылось новое фотографическое заведение «Фотография Ф.И. Подзорова», и мастер получил возможность работать уже под собственным именем. Проработав чуть более года, не позднее августа 1898 г. Федор Иванович Подзоров внезапно продал все свои заведения и... «пропал»! Более поздних упоминаний о нем ни в харьковских газетах, ни в харьковских деловых справочниках не встречается.

А.Е. Хильковскому удалось найти следы пропавшего харьковского фотографа в... собственном альбоме с открытками обменного фонда, где он обнаружил серию открыток Ф.И. Подзорова с видами Порт-Артура. На великолепных, качественных пронумерованных открытках «Привет из Порт-Артура», отпечатанных в приятном голубовато-зеленом тоне, он с изумлением прочитал: «Издание Фот. Ф.И. Подзорова, Порт-Артур». Адресная сторона открыток не разделенная, т.е. выпущены они были до 1904 г. С помощью коллеги из Москвы К.Г. Сокола, указавшего, что имеется такая же серия открыток Подзорова «Привет из Дальнего», удалось составить небольшой каталог. Каталог, к сожалению, пока не полный, т.к. открытки из этих серий довольно редки [2].

«Исчезновение» Ф.И. Подзорова из Харькова было не случайным. Достаточно давний интерес преуспевающего харьковского фотографа к дальневосточной окраине Империи был связан с тем, что после начала строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали здесь постепенно разворачивалась бурная экономическая

деятельность, связанная с ее освоением. После начала строительства в 1896 г. Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и занятия в 1898 г. Порт-Артура центр политической, военной и экономической активности России на Дальнем Востоке переместился в Маньчжурию, причем центрами экономической активности стали Харбин, где разместилось правление КВЖД, и коммерческий порт Дальний, а военной – крепость и военноморская база Порт-Артур.

Перемещение деятельности Ф.И. Подзорова на Дальний Восток попытался объяснить корреспондент газеты «Комсомольская правда. Владивосток» И. Голубев, обративший внимание на групповую фотографию владивостокских офицеров, которой посвящена настоящая книга и которая была представлена на выставке материалов из собрания одного из авторов, проходившей во Владивостоке в 2005 году. Голубев отмечает «...великолепно сохранившуюся большую фотографию, на которой запечатлены офицеры владивостокского гарнизона и члены их семей. Автор снимка – придворный фотограф Подзоров – был послан делать фоторепортажи с места событий во время Русско-японской войны. По дороге остановился во Владивостоке!» [3]

А.Е. Хильковский справедливо, как показали и наши исследования (датировка фотографии по персоналиям не ранее 1911 года) [4], усомнился в версии Голубева, поскольку все открытки были изданы до героической обороны Порт-Артура, и на них нет никаких намеков на боевые действия. Обнаруженная салонная фотография, на фирменном бланке которой указано: «Фотография Ф.И. Подзорова. Харбин», подсказала Хильковскому другую версию. Быстро строящаяся Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), бурно развивающийся Харбин, были для россиян в конце XIX века мощным центром притяжения. Восточный Харбин был как «Дикий Запад» для американцев. Вот как об этом пишет известный историк «русской Маньчжурии» Н.Е. Аблова: «Бурный рост Харбина отмечался современника-

ми как явление феноменальное. Функционирование дороги и быстро растущее население города требовали не только рабочих и служащих, но и различных ремесленников и мастеровых, торговцев, промышленников, учителей, врачей, адвокатов, священников и т.д. ...Действительно, Харбин стал привлекать внимание дельцов самого разного толка, кинувшихся «делать деньги» на девственных просторах Маньчжурии. Со всех концов Российской империи сюда хлынули коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты, а также и простой люд – рабочие, ремесленники, лавочники, прислуга и т.п. Архивные документы зафиксировали массовый приток на КВЖД населения из западных губерний России (особенно белорусских и украинских), представителей самых разных специальностей» [5]. Среди них, по-видимому, был и харьковский фотограф. И дела его пошли хорошо – очень скоро он приобрел собственный дом, о чем тут же сообщил своим клиентам. На его фотографических бланках появилась надпись: «Фотография Ф.И. Подзорова Харбин Собств. Дом». А если судить по издательской надписи на открытках, можно предположить наличие фотомастерской Подзорова и в Порт-Артуре. Когда – точно неизвестно, возможно, с началом боевых действий, а возможно, и несколько позднее (но не позднее 1909 г.), фотограф Ф.И. Подзоров перебирается во Владивосток, где на Светланской улице в доме N 49 (впоследствии N 51) открывает новое фотографическое заведение, которое очень быстро завоевало большую популярность у горожан. В 1909 г. фотограф получил за свои работы Гран-при и Большую золотую медаль на Международной выставке в Милане, а в 1910 г. он был отмечен медалью выставки в Ростове-на-Дону. Неизвестно, чем угодил фотограф Подзоров наследнику сиамского (тайландского) престола, но на его фотографических бланках этого времени красуется надпись «Придворный фотограф Его Королевского Величества наследного принца Сиамского». Впоследствии Подзоров оставил лишь более «скромную» версию этой надписи – «Придворный

Визитка фотоателье Ф.И. Подзорова в Харьбине. 1904 г. Из собрания Г.П. Турмова

Визитка фотоателье Ф.И. Подзорова во Владивостоке. Из собрания Г.П. Турмова

Визитка фотоателье Ф.И. Подзорова во Владивостоке. Из собрания Г.П. Турмова

Визитка фотоателье Ф.И. Подзорова во Владивостоке. Из собрания Г.П. Турмова

Визитка фотоателье Ф.И. Подзорова во Владивостоке. Из собрания Г.П. Турмова

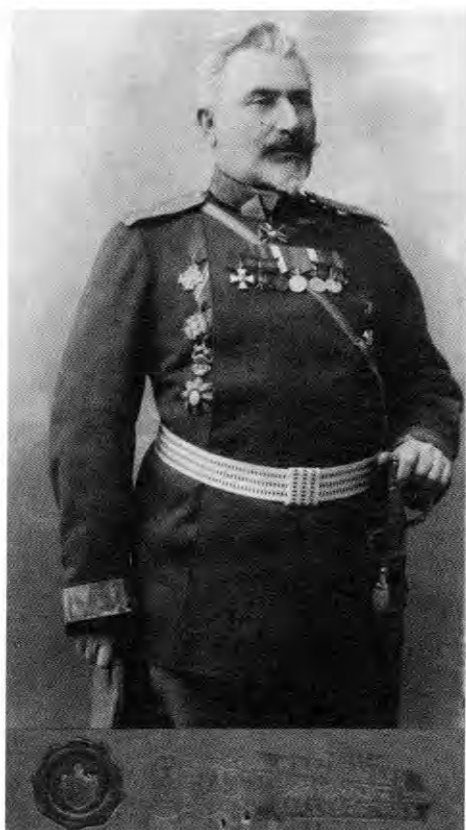
фотограф». Неясно, почему он решил в 1910 г. продать свое фотографическое заведение за 2000 рублей, о чем дал соответствующее объявление в фотографическом журнале. Скорей всего продажа не состоялась, так как в справочниках за 1912 год заведение Подзорова все еще фигурирует. Дальнейшая судьба фотографа Федора Ивановича Подзорова харьковскому исследователю не известна вовсе... [6]

Тем не менее, нам удалось обнаружить «следы» Ф.И. Подзорова в каталоге «Миг между прошлым и будущим» о фотографах г. Владивостока, выпущенном автором-составителем И.Н. Клименко. Каталог был подготовлен по материалам Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева, и некоторые сведения о Ф.И. Подзорове нам удалось оттуда почерпнуть. Эти материалы показали, что по популярности фотоателье Подзорова не уступало аналогичным фотографическим заведениям Владивостока. Оно располагалось, как уже было отмечено, в центре Владивостока по ул. Светланской, 49 (позднее 51) в доме М.К. Федорова, а на

паспорту своих работ Федор Иванович рекламировал себя как «Придворного фотографа», а в некоторых случаях, как «Придворного фотографа Его королевского высочества наследного принца Сиама».

В фотоателье Ф.И. Подзорова заказывали свои автопортреты известные в городе люди: профессор Восточного института Н.В. Кюнер, первый журналист Владивостока Н.П. Матвеев, владивостокский предприниматель В.А. Жариков, крупный лесопромышленник Дальнего Востока А.Г. Свицерский, семьи известных предпринимателей М.И. Янковского и М.Г. Шевелева, редакторов и издателей Н.В. Сологуба и В.А. Панова, многие военные деятели, как например герой обороны Порт-Артура командир 2-й Владивостокской крепостной артиллерийской бригады И.А. Тохателов.

Популярность ателье Ф.И. Подзорова среди состоятельных владивостокцев очень ярко и образно характеризует цитата из повести израильского историка и писателя Феликса Канделя «Дикое поле»: «...Борух никуда не поехал, а мог бы. Да и как было

Командир 2-й Владивостокской крепостной артиллерийской бригады Исаак Артемьевич Тохателов, герой обороны Порт-Артура. Фото Ф.И. Подзорова. С Интернет-сайта «Тифлис в лицах и фотографиях» <http://sites.google.com/site/mateshg1/>

уезжать – красавцу, баловню, удачливому до невозможного? Вот он выходит из лучшей гостиницы Владивостока: свежевыбритый, надушенный, только что от парикмахера; вот он шагает по Светланской улице и раскланивается со знакомыми: залетная пташка с манящих южных морей; вот он заглядывает на минутку к фотографу Ф.И. Подзорову, чтобы остаться для моего обозрения: строгое пальто с малыми отворотами, костюм-тройка, стоячий воротничок крахмальной сорочки, глаза – светлого, должно быть, маляхита, брови вразлет, усы закручены, а на ногах лаковые полуботинки, на голове шляпа, в руке шегольская тросточка: куда ты уедешь от удачи?...» [7].

Ателье Подзорова продолжило свою работу и в советское время, когда его владелец прославился, как специалист по изготовлению групповых фотографий. С его визиткой были изготовлены групповые портреты сотрудников «Дальрыбы» (вместе с известным путешественником В.К. Арсеньевым), курсантов первого набора Техникума

водных путей сообщения, преподавателей Государственного дальневосточного университета (ГДУ), делегатов различных съездов, учащихся различных курсов и школ, а также многих других. Судя по тому, что последние снимки, изготовленные в этом фотоателье, датируются 1926 годом, фотоателье Ф.И. Подзорова работало во Владивостоке чуть меньше 20 лет. Кроме того, в коллекции музея есть три фотографии, изготовленные в фотоателье этого же мастера, но в Харбине (датованы 1904, 1907, 1908 гг.) [8].

При изучении коллекции фотографий Ф.И. Подзорова удалось также установить его преемника. На паспорту фотографии, где изображен коллектив бюро ВЛКСМ ГДУ, есть чернильный оттиск штампа с надписью: «Фот. М.А. Тамм быв. Подзорова». Фотография датирована 1927 годом.

Таким образом, более или менее разобравшись с личностью автора фотографии, нужно было приступить к идентификации запечатленных на ней людей и определить ее примерную датировку.

Глава 2. НЕЛЕГКИЙ ПОИСК

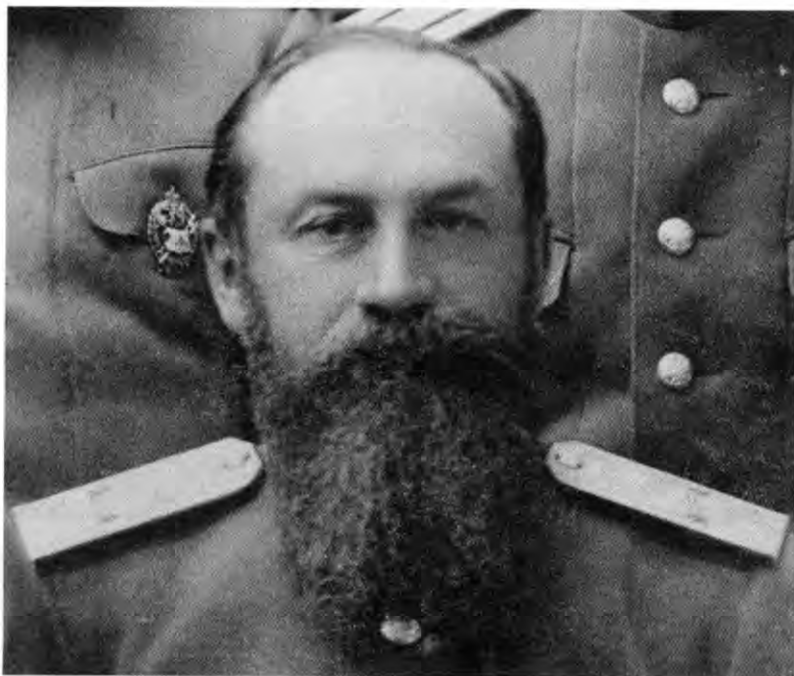
Фотография группы офицеров, во главе с генералом, и нарядных женщин, расположившихся в фотоателье Ф.И. Подзорова на фотосъемку по какому-то явно торжественному случаю не могла не привлечь внимания. Благородные, открытые, умные лица людей, полных собственного достоинства и в то же время лишенных даже признаков высокомерия, невольно располагали к себе. Но что это за люди, по какому поводу сделана съемка? На эти вопросы еще только предстояло ответить.

Первым нам удалось опознать сидевшего в центре генерал-майора с окладистой бородой и уверенным властным взглядом. Дело в том, что двое из авторов, свыше тридцати лет тому назад, будучи еще студентами, выяснили, изучая сборники приказов по Владивостокской крепости, что строительством фортификационных сооружений с 1911 по 1915 г. руководил военный инженер генерал-майор Шошин [1]. Совершенно случайно в руках у одного из авторов оказался путеводитель по Военно-историческому музею артиллерии, инженерных войск и войск связи, расположенному в Петербурге, где было сказано, что бывший генерал-майор стал в 1918 г. одним из организаторов инженерных войск Красной Армии и что в фондах музея имеется коллекция его документов [2]. По нашей просьбе Приморское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры сделало официальный запрос в музей и через какое-то время мы получили справку о деятельности Алексея Петровича Шошина, к которой прилагалась его фотография. Поскольку в

центре фотографии сидел именно он, то напрашивался вывод о том, что это группа офицеров Временного управления Строителя Владивостокской крепости и Владивостокского крепостного инженерного управления, поскольку А.П. Шошин возглавлял эти обе очень тесно связанные между собой организации.

Один из этих военных инженеров, сидящий в первом ряду, был опознан как полковник Эрнест Оскарович Маак – ветеран Владивостокской крепости, служивший здесь как до Шошина, так и после него [3], в том числе даже в советский период. Вернувшись на военную службу в 1932 г. он стал (в возрасте 72 лет!) начальником Проектного отдела Управления начальника инженеров Морских сил Дальнего Востока [4]. Сидящая рядом с ним дама – его супруга Анна Ивановна. Этих людей удалось опознать на плохого качества любительской фотографии, снятой в 1930-е годы на даче семьи Маак на Седанке, и около двадцати лет назад предоставленной одному из авторов человеком, назвавшим себя потомком Эрнеста Оскаровича. И хотя дальнейшее расследование показало, что это было не совсем там (он имел отношение к семье прислуги, работавшей в доме инженера), тем не менее, Эрнест Оскарович и Анна Ивановна на фотографии были вполне узнаваемы, хотя с момента торжественной съемки прошел не один десяток лет.

В последнем ряду удалось обнаружить подполковника Владимира Алексеевича Свинына, который в советское время был заместителем начальника Управления осо-

Начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости военный инженер генерал-майор А.П. Шошин. 1914 г. Фрагмент групповой фотографии. Из собрания Дома музеев ДВГТУ

бого инженерного строительства Особой Дальневосточной Краснознаменной Армии (УПРОИС ОКДВА) и проживал в Хабаровске. Его фотопортрет, сделанный в 1928 г. и предоставленный родственниками, был на редкость схож с его изображением на групповом снимке, хотя даты съемок разделяло более десяти лет.

Шестой справа офицер, стоящий в последнем ряду рядом с В.А. Свиным, оказался военным инженером капитаном Петром Васильевичем Заглядимовым, на тот момент заведующим Инженерными мастерскими Временного управления Строителя Владивостокской крепости на Второй Речке и заведующим эксплуатацией подвесных канатных дорог на п-ове Муравьева-Амурского и узкоколейной железной дороги на паровой тяге. Женщина в темном платье с отложным воротником, стоящая третьей справа во втором ряду – жена Петра Васильевича, Екатерина Никифоровна Заглядимова, урожденная Шоппо. Их также надежно идентифицировали по фотографиям, предоставленным родственниками,

которые и опознали их на групповой фотографии [5].

Одной из ключевых фигур на снимке был сидящий в центре в первом ряду представительный полковник, о личности которого мы не могли сделать даже каких-то предположений, однако, известный владивостокский краевед и историк Алексей Михайлович Буюков, определил его, как военного губернатора Приморской области И.Н. Свечина. Указ о назначении нового губернатора был подписан еще в первой половине 1911 г. и предположение, что И.Н. Свечин оставался во Владивостоке до лета 1912 г. представлялось совершенно невероятным. Поскольку нахождение Свечина на данном групповом снимке не противоречило нашему предположению о том, что фотография сделана в декабре 1911 г. по случаю производства в генерал-майоры и назначения начальником инженеров и Строителем Владивостокской крепости А.П. Шошина, то на этой дате мы первоначально и остановились, как наиболее вероятной [6].

Однако, вскоре молодой владивостокский историк Роман Сергеевич Авилов, изучающий историю Приамурского военного округа, выяснил, что И.Н. Свечин был произведен в генерал-майоры еще в 1905 году и, соответственно, он никак не мог быть полковником в 1911 году. Таким образом, идентификация Свечина оказалась ошибочной. Этот факт заставил нас самих более внимательно изучить послужные списки военных инженеров Э.О. Маака и В.А. Свинына. Удалось выяснить, что Э.О. Маак был произведен в полковники в 1912 году [7], а В.А. Свинын стал подполковником только в 1913 году [8]. Соответственно, датировка снимка сдвигалась на период не ранее 1913 года, а повод для столь торжественной съемки был вообще не понятен.

Загадка разрешилась совершенно неожиданно и на удивление быстро. Ключевым здесь оказалось письмо от Татьяны Георгиевны Федоровой, внучки бывшего начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости генерал-майора А.А. Федорова (в 1915–1919 гг.), в котором она прислала семейную фотографию Александра Львовича и его супруги Изабеллы Брониславовны с детьми, причем сообщила, что Изабелла Брониславовна – родная сестра помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского полковника Генриха Оскара Брониславовича Кригера-Войновского [9]. Александра Львовича и его супругу удалось сразу же опознать, причем Изабелла Брониславовна сидела в первом ряду слева от «загадочного» полковника, а ее портретное сходство с этим полковником было видно, как говорится, невооруженным взглядом, что позволяло предполагать, что это действительно брат и сестра. Чем-то была похожа на них и женщина, сидевшая справа от полковника. Через какое-то время по просьбе Татьяны Георгиевны Федоровой с

нами связался внук Генриха Брониславовича Кригера-Войновского – Игорь Степанович Пашковский [10], который прислал нам несколько копий документов из семейного архива, включая удостоверение личности Генриха Брониславовича Кригера-Войновского с фотографий и печатью. Таким образом, центральная фигура на фотографии была установлена абсолютно надежно. Поскольку по левую сторону Генриха Брониславовича сидела его супруга Евгения Константиновна (которая была его двоюродной сестрой), то благодаря Татьяне Георгиевне Федоровой и Игорю Степановичу Пашковскому мы достоверно установили еще четверых участников съемки. А вот ответ на вопрос о поводе столь торжественной съемки и ее датировке могли дать только подробности биографии самого Г.Б. Кригера-Войновского.

Фотография семьи Федоровых, присланная Татьяной Георгиевной Федоровой, была достоверно датирована 1914 годом, поскольку на ней также присутствует сын Г.Б. Кригера-Войновского Константин в студенческом мундире военного покроя Института инженеров путей сообщения Императора Александра Первого с соответствующими вензелями на погонах. Константин приезжал во Владивосток в этом статусе только в 1914 году для того, чтобы совершить на каникулах с родителями морское путешествие из Владивостока в европейскую часть России [11]. Лица Александра Львовича Федорова и его супруги Изабеллы Брониславовны практически ничем не отличались от их же изображений на групповой фотографии офицеров Управления Строителя Владивостокской крепости. Соответственно, и групповую фотографию можно было уверенно датировать, как отснятую в 1914 г.

Генрих Брониславович Кригер-Войновский был одним из ключевых участников оборонительного строительства

По следам старой фотографии

1910–1914 гг., занимая ряд ответственных должностей в Управлении Строителя Владивостокской крепости, последней из которых была должность помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на п-ове Муравьев-Амурский. В марте 1914 г. полковник Кригер-Войновский получил повышение по службе и высочайшим приказом переводился в Петербург, исполнять должность генерала для поручений при Главном военнотехническом управлении. В приказе по Владивостокскому крепостному инженерному управлению и Временному управлению Строителя Владивостокской крепости № 144 от 24 мая 1914 г., подписанном начальником инженеров и Строителем Владивостокской крепости генерал-майором А.П. Шошиным, о службе Г.Б. Кригера-Войновского во Владивостоке говорится следующее:

«...Ныне, расставаясь с военным инженером полковником Войновским-Кригером, я от лица службы благодарю его за полезную во всех отношениях службу его в Управлении и, вместе с сим, прошу принять мои личные и всех бывших его подчиненных и сослуживцев наилучшие пожелания здоровья и полного успеха в новом месте его службы и дальнейшей жизни» [12].

Нахождение Генриха Брониславовича Кригера-Войновского на самом почетном месте – в первом ряду и в центре, в окружении сестры и супруги, а также текст вышеприведенного приказа убедительно свидетельствуют о том, что поводом для торжественной фотосъемки послужило прощание

Г.Б. Кригера-Войновского с сослуживцами в конце мая 1914 г. по случаю перевода в Петербург с повышением.

Таким образом, снимок, привезенный из Москвы и выставленный в экспозиции Дома музеев ДВГТУ, отражает весьма интересный и важный момент в истории Владивостокской крепости и представляет собой большую историческую ценность. К настоящему времени достоверно установлены личности уже десяти человек, запечатленных на фотографии. Тем не менее, авторы надеются, что очередная публикация этой фотографии с комментариями к ней поможет установить личности и остальных участников этой торжественной съемки. И надежды на это дают комментарии, иногда появляющиеся в Интернете, как например комментарий к статье «Старые фотографии» в журнале «Восточный базар» № 6 за 2006 г.: **«Маркус Винтер. Я правнук инженера Бориса Викторовича Винтера, который именно в это время (1908–1914 гг.) строил крепость во Владивостоке. Думаю, что он тоже должен быть на большой фотографии – вероятно, это молодой человек в нижнем ряду крайний справа – по крайней мере, похож. 25.10.09»**. Таким образом, есть надежда на идентификацию одиннадцатого участника торжественной съемки.

А теперь пришло время рассказать о людях с фотографии 1914 г., о жизни и судьбе их семей более подробно и вообще о том, как старая фотография «заговорила» и как от нее протянулись многочисленные «ниточки» к людям, ныне живущим.

ГЛАВА 3. **ВОЕННЫЕ ИНЖЕНЕРЫ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ШОШИН И ПОЛКОВНИК ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ЗАГЛЯДИМОВ**

Об Алексее Петровиче Шошине, выдающемся русском военном инженере, начальнике инженеров и Строителе Владивостокской крепости писали достаточно много. Первой большой публикацией на эту тему была статья на польском языке, напечатанная в материалах международной научной конференции «Фортификация Первой мировой войны на землях Польских» [1]. Затем подробные материалы о Шошине печатали в обоих вариантах книги о Владивостокской крепости [2]. Источниковой базой для этих публикаций была коллекция документов генерала, хранящаяся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге, включающая в себя послужной список, а также дневниковые записки, касающиеся периода его службы во Владивостоке [3]. Само собой разумеется, что какими бы полными эти материалы ни были, всегда оставались и невыясненные вопросы, главным из которых был вопрос о судьбе семьи бывшего генерала после смерти Алексея Петровича в 1924 г., поскольку последующие годы российской истории были весьма непростыми и полными разнообразных трагических событий. Также было интересно, кто и при каких обстоятельствах сформировал столь значимую коллекцию документов и передал ее в музей, так как в 1920-е–1940-е годы не многие смельчаки отваживались хранить у себя столь подробные семейные архивы.

Авторы вряд ли бы вернулись к биографии Шошина, которая и так была достаточно подробно разработана относительно биографий других военных деятелей, свя-

Военный инженер генерал-майор Алексей Петрович Шошин. 1915 г. Из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург

занных с историей Владивостокской крепости, если бы не редкое в работе историка везение. После выхода второго варианта книги о Владивостокской крепости с одним из авторов связалась по Интернету Татьяна Ивановна Шошина, внучка генерала, проживающая в настоящее время в Бухаресте (Румыния) и попросила прислать ей книгу.

По следам старой фотографии

Она исправила наши ошибки в идентификации людей на той самой групповой фотографии 1914 г., которой посвящена настоящая книга и прислала нам уникальные фотоматериалы из своего семейного архива. Кроме того, она связалась с потомками одного из сыновей генерала, ученого-агронома Аполлинария Алексеевича Шошина, проживающих в Воронеже, и правнук Аполлинария Алексеевича Максим Мараев по ее просьбе также поделился с нами материалами из своего семейного архива.

Однако на этом находки, связанные с семьей генерала Шошина, не закончились. На групповой фотографии строителей Владивостокской крепости, ошибки в подписи к которой исправила Татьяна Ивановна, она опознала еще одного из строителей Владивостокской крепости, а именно брата своей матери военного инженера капитана Петра Васильевича Заглядимова и его жену Екатерину Никифоровну. Поскольку Татьяна Ивановна поддерживала контакты и со своими родственниками по материнской линии, то она связала нас с братьями Сергеем и Александром Заглядимовыми, правнуками Петра Васильевича, в распоряжении которых находился личный архив бывшего владивостокского военного инженера, полнота которого произвела на нас сильное впечатление.

Среди документов П.В. Заглядимова был его полный дореволюционный послужной список, выписки из метрических книг, копия рескрипта Николая II о награждении орденом Св. Анны 4-й степени, различного рода удостоверения, мандаты и другие документы времен гражданской войны, один из которых был подписан В.К. Блюхером, а другой – Р.А. Муклевичем, копия телеграммы о его назначении армейским инженером, одним из отправителей которой был Г.А. Пятаков, а одним из адресатов – Л.Д. Троцкий, разного рода удостоверения и справки, относившиеся к многолетней службе в различных гражданских ведомствах, курировавшихся А.И. Микояном, несколько автобиографических справок, материалы о его участии

Военный инженер капитан Петр Васильевич Заглядимов. Владивосток, 1911 г. Из фондов Дома Музеев Дальневосточного государственного технического университета. Владивосток

в оборонительном строительстве во время Великой Отечественной войны и, наконец, прошение, поданное им в восьмидесятилетнем возрасте, когда он все еще находился на ответственной руководящей инженерной работе, с просьбой о назначении персональной пенсии и адресованное Микояну.

Петр Васильевич был исключительно смелым человеком, позволив себе сохранить все личные документы, вне зависимости от того, кто их подписал, а также семейные фотографии, где он запечатлен в офицерской форме. Надо было действительно ничего не бояться и быть очень уверенным в своих близких, что никто из них не дрогнет и не донесет о «крамоле», хотя хранение таких бумаг представляло по тем временам смертельную опасность не только для самого Петра Васильевича, но и для его родных.

Скрывать такие материалы от читателей было бы с нашей стороны непростительным, а рассказ о старой фотографии как раз и дал нам повод не только вновь вернуться к биографии генерала Шошина, но также рассказать и о породнившемся с ним его бывшим подчиненным подполковнике П.В. Загладимове. [4]

ПУТЬ В ВОЕННЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

Алексей Петрович Шошин родился 1861 г. в г. Костроме. Вот, что буквально сказано об этом событии в заверенной нотариально выписке из соответствующей метрической книги:

«В метрической книге города Костромы Успенской, что при реке Волге церкви, тысяча восемьсот шестьдесят первого года в 1-й части родившихся под № 9, записано под: августа тридцать первого родился Алексей, крещен сентября третьего числа. Родители его: Костромской мешанский сын Петр Яковлевич Шошин и законная жена его Александра Павловна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: Костромской мешанин Павел Семенович Беклемишев и Костромская мешанская жена Параскева Петровна Шошина. Таинство крещения совершал означенной церкви священник Петр Веселовский с дьячком Симеоном Смирновым и пономарем Захариею Скворцовым. Города Костромы Успенской, что при реке Волге церкви священник Георгий Левашев. Дьякон Иоанн Кудрявцев. Июля 15 дня, 1880 года № 27-й.

По реестру № 3375 1911 года июля 15 дня Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что копия эта слово в слово сходна с подлинником ее, представленным мне, Нотариусу Владивостокского Окружного Суда в г. Владивостоке Александру Петровичу Бужко, в конторе моей по Светланской улице, в доме под № 41, мешанином Иваном Николаевичем Родзевичем.

При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем приписок, подчисток, зачеркнутых слов и вообще особенностей не было. Подателем оплачен гербовый сбор в шестьдесят копеек. Нотариус А. Бужко» [5].

В 1880 г. Алексей Петрович закончил Костромское реальное училище и поступил в Военно-топографическое училище в Санкт-Петербурге, которое он в свою очередь закончил в 1883 г. по первому разряду с занесением на доску училища и был произведен в подпоручики Корпуса военных топографов. Большая часть его дальнейшей службы была связана с Польшей, а точнее с той ее частью, которая называлась Царством Польским или Привислянским краем и входила тогда в состав Российской империи. С октября 1883 г. по февраль 1885 г. он работает как топограф на съемке юго-западного пограничного пространства, которая проводилась в рамках подготовки карт будущего Передового театра военных действий. Однако рамки службы военного топографа были слишком тесными для молодого офицера, и он добивается прикомандирования с 10 февраля 1885 г. к 10-му саперному батальону 4-й Саперной бригады, расквартированном в крепости Новогеоргиевск (в настоящее время Модлин, Польша) для испытания в службе, сменив тем самым военную специальность. В батальон он прибыл 10 марта, а уже 16 апреля Шошина откомандировали в распоряжение коменданта крепости Брест-Литовск. Во время командировки в августе 1885 г. его произвели в поручики, а 17 декабря он вернулся в батальон. В течение 1886 г. он служил в должности обучающего в унтер-офицерском классе, а затем был заведующим Гальванической учебной команды батальона. Приказом по бригаде в августе–сентябре он был прикомандирован к 9-му саперному батальону, но уже с октября его вновь назначают заведующим Гальванической учебной команды и обучающим в гальваническом классе. В ноябре–декабре

Поручик Алексей Петрович Шошин и его супруга Анна Ивановна. 1888 г. Санкт-Петербург. Из семейного архива Т.И. Шошиной

1886 г. поручик Шошин командирует в Санкт-Петербург в распоряжение Главного инженерного управления, а затем вновь переводится в 10-й саперный батальон, куда возвращается в январе 1887 г.

В том же году Шошин готовится к поступлению в Николаевскую инженерную академию в Санкт-Петербурге, поэтому когда его батальон выступает в летние лагеря, он остается в крепости Новогеоргиевск с командой нижних чинов для присмотра за батальонным имуществом. Шестнадцатого августа 1887 г. он отправляется в академию, куда прибывает 1 сентября, выдерживает приемные экзамены и зачисляется 27 октября в ее младший класс. В октябре 1889 г. Шошин окончил академию по первому разряду и был переведен для продолжения учебы в дополнительное отделение старшего класса академии с правом ношения академического знака. Пятого ноября 1889 г. его производят в штабс-капитаны [6].

Во время обучения в Академии Алексей Петрович женился на уроженке Новгородской губернии Анне Ивановне Протопоповой, о чем сохранилась следующая выписка метрическая выписка:

«1888 года января 8 дня состоящий при Николаевской Инженерной Академии поручик 10-го Саперного батальона Алексей Петрович Шошин вступил в брак с дочерью умершего Дьякона девицею Анной Ивановой Протопоповой. Поручителями были: Горный инженер Коллежский Советник Василий Евгеньевич Ле-Дантью, состоящий при Николаевской Инженерной Академии Поручик Геннадий Родионович Новиков, Поручик 1-го саперного батальона Евгений Васильевич Ле-Дантью и студент Медико-Хирургической Академии Василий Васильевич Ле-Дантью. Таинство брака совершено мною и акт сей значится под N 1-м.

*В чем с приложением церковной печати свидетельствую 27 января 1888 г.
Г. С.Петербург
А.Г.С. Московского полка Протоиерей
Иоанн Паславский» [7].*

Из метрической выписки следует, что венчание происходило в полковой церкви Лейб-гвардии Московского стрелкового полка, а поручителями были товарищи Алексея Петровича по академии поручики Новиков и Ле-Дантью, а также отец и брат последне-

НОВОГЕОРГИЕВСК И ЛОМЖА

го, что указывает на то, что Шошин был вхож в эту семью потомков выходцев из Франции, среди которых были военные инженеры и архитекторы, оставившие заметный след в российской истории.

От этого брака еще в Петербурге у Алексея Петровича Шошина родилось двое детей – Николай (17 ноября 1888 г.) и Аполлинарий (1 мая 1890 г.). Остальные дети – Алексей (5 ноября 1891 г.), Иван (23 февраля 1895 г.), Анна (7 ноября 1896 г.) и Наталья (14 июля 1902 г.) родились уже на территории современной Польши (Алексей, Иван и Анна – в Новогоргиевске, а Наталья – в Ломже), в тогдашнем Привислянском крае, где прошла большая часть службы Алексея Петровича [8].

Как свидетельствуют автобиографические материалы одного из сыновей А.П. Шошина, Аполлинария Алексеевича, Анна Ивановна была учительницей, преподавала в начальной и средней школе, много работала по специальности, накопив более 30 лет педагогического стажа [9]. Даже если допустить, что она работала преимущественно при советской власти вплоть до своей смерти в 1940 г., получается, что она работала по специальности и в дореволюционное время. Вряд ли это было возможно, когда дети были маленькими, а Алексей Петрович, соответственно, служил в относительно небольших чинах. Следовательно, наиболее вероятно, что Анна Ивановна работала, будучи женой полковника, а затем генерала, что было крайне необычно для дореволюционной России. Может быть именно этим (то есть занятостью на работе) и объясняется ее отсутствие на групповой фотографии инженеров Владивостокского крепостного инженерного управления и Управления Строителя Владивостокской крепости с женами и дочерьми, сделанной в декабре 1910 г. по случаю производства А.П. Шошина в генералы и назначения его начальником инженеров и Строителем крепости [10].

В мае 1890 г. по окончании Николаевской инженерной академии и причислении к Инженерному корпусу А.П. Шошина направляют в распоряжение начальника инженеров Варшавского военного округа и затем в Новогоргиевское крепостное инженерное управление. 14 июня 1890 г. А.П. Шошин переводится в военные инженеры, а 17 августа 1890 г. его назначают членом Ремонтного комитета. За успешную службу в этой должности в августе 1892 г. штабс-капитана Шошина награждают орденом Св. Станислава 3-й ст., а в марте 1893 г. высочайшим приказом Шошина производят в капитаны. В апреле того же года капитан Шошин назначается производителем работ Хозяйственного комитета, и в 1895 г. его награждают орденом Св. Анны 3-й ст. В январе 1898 г. Шошин назначается председателем Ремонтного комитета и в декабре того же года награждается орденом Св. Станислава 2-й ст.

Тридцатого октября 1900 г. приказом по военно-инженерному ведомству капитан Шошин назначается состоять в распоряжении Главного инженерного управления в Санкт-Петербурге с оставлением его на старом месте службы. Это означало признание его заслуг в качестве инженера и давало Главному инженерному управлению возможность в любой момент привлечь его к решению вопросов, связанных с инженерной подготовкой театров военных действий страны. В январе 1901 г. Шошина производят в подполковники [11].

Самым крупным и самостоятельным делом А. П. Шошина в польский период его творческой деятельности является создание им долговременной предмостной позиции в Ломже.

Крепость Ломжа защищала одну из важнейших переправ через реку Нарев на пути к стратегически важному Белостокскому железнодорожному узлу. В 90-х годах XIX века здесь построили предмостную позицию временного характера, для чего

Военный инженер капитан А.П. Шошин (стоит слева) с семьей и родственниками. Сидит вторая слева А.И. Шошина. Дети (слева на право): Аполлинарий, Иван (на коленях у матери), Алексей и Николай. 1895 г. Крепость Новогеоргиевск (в настоящее время Молдин). Из семейного архива Т.И. Шошиной

силами саперов возвели несколько земляных редутов с деревянными блиндажами. В 1901 г. было решено построить на правом берегу Нарева центральную ограду, удаленную от переправы на 1,5 км в виде гласисообразного вала и рва треугольной профили с тремя опорными пунктами. Опорные пункты решили рассчитывать на устойчивость против бомбардировки 203-мм снарядами, соответственно несколько уменьшив толщину бетонных покрытий относительно принятой для долговременных фортов того времени. Во вторую очередь предполагалось построить пять долговременных фортов, удаленных от переправы на четыре километра и двух фортов на левом берегу Нарева. Фортификационные сооружения второй очереди так и не были построены [12].

Проект Ломжинских укреплений А.П. Шошин представил военному министру. За личный доклад Военному министру по проектам фортификационных сооружений, а также за работы, произведенные ранее в крепости Новогеоргиевск, в январе 1902 г. подполковник Шошин был вне очереди награжден по особому докладу военного министра орденом Св. Владимира 4-й ст.

Двадцать пятого июня 1902 г. приказом начальника инженеров Варшавского военного округа за № 128 А.П. Шошина прикомандировали к окружному инженерному управлению с назначением производителем работ по постройке на коммиссионерском праве Ломжинских укреплений и 2 июля он отправился к новому месту службы. В декабре 1902 г. Шошина произвели в полковники [13]. Ломжинские укрепления, спроектированные и построенные А.П. Шошиным, отличались большой оригинальностью. В качестве опорных пунктов ограды (А, Б и В) Шошин мог использовать или типовой «форт Величко 1897 г.», уменьшив количество подземных сообщений и казематированных сооружений, а также толщину бетонных сводов и стен или воспользоваться типовым решением «полудолговременного форта Буйницкого 1898 или 1901 г.», наоборот, несколько увеличив

Военный инженер подполковник А.П. Шошин. Варшава, 1902 г.
Из семейного архива И. Сувориной

толщину бетонных покрытий [14]. Однако Шошин пошел нестандартным путем. Предмостное укрепление у Ломжи строилось на моренной возвышенности, господствовавшей над окружающей территорией. Поэтому Шошин, одним из первых в российской инженерной практике, полностью подчинил конфигурацию опорных пунктов рельефу местности, фактически не используя при этом каких-либо типовых решений. Опорные пункты А и В имели несимметричное начертание, их лобовые и боковые рвы фланкировались из одиночного и двойного кофров, соединенных между собой контрэскарпной галереей. Одиночный кофр сообщался также потерной с казематом дежурной части, расположенным под главным валом. Этот каземат мог использоваться и как убежище противотурмовых орудий. В главный вал также был врезан еще один такой отдельный каземат. К расположенной в горже казарме пристраивался горжевой капонир. Опорный пункт Б, расположенный в центре позиции,

По следам старой фотографии

имел более сложную конфигурацию и его ров фланкировался из двух одиночных и одного двойного кофров, связанных отдельными потернами с его внутренним двориком. Еще два кофра с потернами располагались справа и слева от этого опорного пункта, фланкируя соответствующие участки ограды. Шошин также широко использовал открытые капониры, представляющие собой убежища выкатных пушек и земляные барбетты для фланкирования промежутков и обеспечения флангов ограды.

Чтобы максимально уменьшить вероятность поражения артиллеристов, обслуживавших пушки в кофрах, осколками сна-

рядов, проникающих в их боевые казематы через амбразуры, Шошин предельно уменьшил размеры амбразур и сделал их круглыми. Кроме того, он заблаговременно построил начальные участки контрминных галерей, защищавших кофры от возможности подземной минной атаки. Для усиления препятствий против штурма Шошин установил во рвах опорных пунктов и во рву ограды двухрядную металлическую решетку, конструкцию которой он также разработал сам. В кофрах и капонирах Ломжинских укреплений была использована оригинальная схема принудительной вентиляции боевых казематов, под которыми устраивали подземный

Военный инженер полковник А.П. Шошин с семьей. Ломжа, 1910 г. Слева направо. Во втором ряду (стоят): Аполлинарий, Николай, Анна Ивановна, Алексей Петрович и, по-видимому, сестра Анны Ивановны. В первом ряду (сидят): Алексей, Анна, Наталья и Иван. Из семейного архива И. Сувориной

этаж или «подполье», из которого воздух подавался в казематы через отверстия, расположенные возле фундаментов орудий и в тыльных стенах позади пушек. Впоследствии такая схема вентиляции использовалась и в других русских крепостях. Наличие подземных этажей или вентиляционных подполий дало возможность также переоборудовать фланкирующие казематированные постройки Ломжинских укреплений для установки там береговых 57-мм пушек Норденфельда на высоких тумбах, для чего в междуэтажных перекрытиях под амбразурами прорубили специальные проемы.

В целом, опорные пункты и связывающие их участки ограды представляли собой мощную укрепленную группу, являвшуюся весьма сильным и оригинальным укреплением «горного» типа, т.е. группу тесно связанных между собой сооружений, в максимальной степени примененных к холмистой местности. Ломжинские укрепления, которые с 1919 г. занимали подразделения Войска Польского, с честью выдержали боевой экзамен в сентябре 1939 г., остановив продвижение немецких танковых колонн через Ломжинское предмостье и вынудив немцев переправляться через Нарев в менее удобных местах, затратив на это немало времени. [15].

Интересно отметить, что участки ограды между опорными пунктами были спроектированы помощником Шошина – молодым штабс-капитаном Алексеем Владимировичем фон-Шварцем – впоследствии выдающимся русским военным инженером, героем обороны Порт-Артура, крупным военным писателем и видным полководцем Первой мировой войны [16]. Таким образом, получается, что основная революционная рекомендация фон-Шварца, во многом предвосхитившая дальнейшее развитие фортификации, о том, что местность, на которой строятся форты, не должна изменять своей формы, сделанная в книге «Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных кре-

постей», опубликованной в 1910 г. [17], была продумана им задолго до обороны Порт-Артура, и что учителем фон-Шварца в этом вопросе был А.П. Шошин.

Ломжинский период жизни Шошина, продолжавшийся с 1902 по 1910 г., был, несомненно, одним из наиболее счастливых в его жизни. Если Новогеоргиевск, где Шошин прожил более десяти лет, представлял собой сугубо военное поселение, то есть огромную крепость, внутри оборонительного обвода которой не было какого-либо крупного города, то Ломжа являлась намного более удобным местом для жизни. Небольшой красивый город удивительным образом сочетал в своем облике черты польского средневекового городка и типичного русского губернского города того времени, с массивными административными зданиями, построенными в стиле классицизма. Ломжа несомненно была более культурным местом, нежели закрытый военный гарнизон и, в частности, славилась среди русских офицеров и их семей отличной классической гимназией, где дети русских офицеров и чиновников, служивших в Привислянском крае, не только усваивали программу, обычную для российских учебных заведений такого рода, но также получали хорошие знания польского языка и в какой-то мере приобщались к польской культуре. Не была исключением и семья Шошина, члены которой, безусловно, знали польский язык и были достаточно глубоко погружены в местную общественную жизнь. Об этом, в частности, свидетельствует тот интересный факт, что сын А.П. Шошина, Иван Алексеевич, учившийся в свое время в Ломжинской гимназии, даже многие десятилетия спустя, называл себя в кругу близких людей на польский манер – «Януш», и даже подписывался этим именем в письмах к близким людям, что по тем временам в СССР было небезопасно [18]. О том, что Алексей Петрович Шошин строил Ломжинские укрепления и жил со своей семьей в Польше в Ломже, помнят до сих пор и гордятся этим, как об этом свиде-

тельствуется недавняя публикация в местной бесплатной газете «Нарев» [19].

Строительство Ломжинских укреплений вывело Шошина в число наиболее известных русских военных инженеров. В 1908 г. он становится членом Главного крепостного комитета Военного министерства и участвует в разработке планов по усилению и модернизации крепостей Европейской России с учетом данных борьбы за Порт-Артур. Из всех инженеров, не бывших на фронтах русско-японской войны, только Шошин, как писал впоследствии участник обороны Порт-Артура, известный русский военный инженер А.В. фон-Шварц, придавал особое значение укрытию стрелков на валах от действия неприятельского артиллерийского огня и призывал устраивать для стрелков бетонированные позиции [20]. Это мнение Шошина было учтено в проектах всех типовых русских фортов, разрабатывавшихся в то время.

С октября 1908 г. по декабрь 1909 г. полковник А.П. Шошин участвует в разработке проектов усиления крепостей Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Гродно, Варшава, Зегрж и Осовец. Однако в декабре 1909 г. военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов приказал, согласно разработанному под его руководством новому мобилизационному плану (т. н. 19-е расписание), упразднить четыре крепости Привислянского края – Варшаву, Новогеоргиевск, Ивангород и Зегрж в связи с изменением района сосредоточения войск. А.П. Шошин вместе с другим членом Главного крепостного комитета полковником А.В. фон-Шварцем выразили решительный протест против этого решения, в значительной степени ослаблявшего обороноспособность России и сводившего на нет более чем пятидесятилетние труды по инженерному оборудованию Передового театра военных действий [21].

Критика этого решения министра со стороны Шошина и фон-Шварца была отнюдь не просто эмоциональным ответом на

«покушение на их инженерное ремесло», в чем впоследствии обвиняли инженеров бывшие сотрудники Сухомлинова. Впоследствии один из сотрудников Сухомлинова писал, что размещение 40 % сухопутных войск Российской империи в Привислянском крае было лишь «благотворительностью» в отношении польских крестьян, имевших огромные доходы от поставок продовольствия столь крупному и платежеспособному клиенту, и было само по себе крайне неразумным, поскольку подставляло эти войска под внезапный удар более сильного неприятеля. Это соображение было вполне правильным. Однако требование не только вывести войска, но и уничтожить инженерную инфраструктуру, готовившуюся десятилетиями, в частности, укрепленные позиции, чтобы ими не мог воспользоваться неприятель, было ошибочно, поскольку не учитывало возможности тогдашних железных дорог сосредотачивать войска на Передовом театре военных действий достаточно быстро и, соответственно, быстро занять заранее подготовленные оборонительные рубежи, если этого требовала обстановка и как это реально произошло в 1914 г.

Противники крепостей также утверждали, что оборонять с помощью крепостей длинные оборонительные рубежи, растянутые вдоль рек Висла, Буг, Нарев и Бобр было невозможно, поскольку это требовало строительства слишком большого числа укрепленных пунктов. Это возражение также отражало недопонимание географических особенностей Привислянского края, которые военные инженеры, прослужившие там многие годы, понимали гораздо более полно, чем петербургские генштабисты.

Дело в том, что долины рек, по которым проходили основные естественные оборонительные рубежи, были заболочены и мест, где участки обоих берегов были бы пригодны для свободного прохода к рекам, не так уж и много. Именно в этих местах у рек селились люди и устраивали там переправы, и защи-

та именно этих ключевых точек средствами долговременной фортификации могла дать обороняющимся огромное преимущество. Борьба за эти рубежи даже в Германопольской войне 1939 г. во многом свелась к боям за т.н. «предмостья» [22]. Более того, крепостей на театре явно было мало. Русские инженеры в некоторых «предмостьях» возводили земляные форты, рассчитывая их потом перестроить в бетонные, что, к сожалению, во многих случаях не было осуществлено. Более того, такие дефиле, обеспеченные с флангов болотами, в Привислянском крае вообще были не редкостью, в том числе и не на реках и об их укреплении также требовалось подумать заранее, что, однако, не было сделано. Вне учета особенностей театра (равнинный характер и заболоченность) невозможно, например, понять ожесточенный характер борьбы в Первую мировую войну за небольшое и мало кому известное даже в Польше местечко Прасныш, стоившей обеим сторонам не менее 150 тыс. чел. убитыми. Этот узел дорог, расположенный к северо-востоку от Варшавы, был окружен болотами. Немцы пытались во что бы то ни стало выбить из него русские войска зимой, пока болота не растаяли, и они могли атаковать на широком фронте, беспрепятственно снабжая свои войска по замерзшим болотам. Соответственно и русские не могли оставить там немцев до вскрытия ледового покрова болот, поскольку потом этот узел дорог, ведущих к Варшаве, остался бы под немецким контролем, создавая угрозу выхода противника в тыл русским войскам, оборонявшимся под Варшавой. В январе–марте 1915 г. Прасныш по многу раз переходил из рук в руки, потери сторон были огромными и примерно равными, и в конце-концов немцы отступили, боясь утонуть в болотах [23]. Только в июле 1915 г. сосредоточив огромное количество тяжелой артиллерии и обрушив на русские войска убийственный ураганный огонь немцы смогли овладеть Праснышем. Тем не менее, русские войска,

потеряв от артиллерийского огня до 70 % личного состава, оставили свои позиции только по приказу и в рамках общего планомерного стратегического отхода русских войск с Передового театра военных действий. Заблаговременное укрепление этого дефиле и других подобных узловых точек могло бы во много раз уменьшить потери русских войск, но развитие оборонительной системы Привислянского края было остановлено как раз накануне войны, решающие события которой развернулись именно там.

Подрыв фортификационных сооружений поручили военным инженерам соответствующих крепостей, и они, весьма не спеша, приступили к работе, затягивая ее, как могли. Ими разрабатывались подробнейшие планы подрыва, составлялись сметы, запрашивались кредиты и т.д., а тем временем протест Шошина и фон-Шварца возымел определенное действие – Новогеоргиевск и Осовец, наоборот, решили усилить, укрепления Ивангорода, Зегржа, Ломжи и Рожан оставили в прежнем виде, однако форты Варшавской крепости, расположенные на их беду слишком близко к штабу округа, были частично подорваны. Однако и здесь военные инженеры не торопились выполнять безумные фантазии кавалеристов и общевойсковиков. Правобережные форты Варшавы, оборонительное значение которых было второстепенным и которые могли бы составить основу оборонительного рубежа против русских войск, в случае захвата их противником, уничтожались медленно, но основательно. Там не только подрывались бетонные и кирпичные кубатурные сооружения, но тщательнейшим образом срывались валы, засыпались рвы и производилась нивелировка территории. А вот на левобережных фортах первой линии были демонстративно для начальства подорваны лишь несколько кофров, что не слишком сильно уменьшило обороноспособность фортов, поскольку большинство из них имело широкие водяные рвы, которые могли обстрели-

ваться фронтальным огнем с брустверов, а второлинейные форты вообще никто не трогал, поскольку они изначально использовались и как склады. В 1913 г. начальство слегка опомнилось и разрушение левобережных фортов приказали остановить [24]. Именно на рубеже «упраздненных» фортов Варшавы русские войска и остановили немецкое наступление осенью 1914 г.

Неслыханное нарушение военной субординации не прошло даром для протестующих – их обоих вывели из состава Крепостного комитета. А.В. фон-Шварц стал преподавателем Николаевской инженерной академии, а А.П. Шошину предложили занять должность помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского [25]. Шошину пришлось согласиться с этим предложением, хотя, как вспоминал он впоследствии, *«...оно во всех отношениях было невыгодно и тяжело для семьи»*. Ему не дали даже заехать за семьей в Ломжу и прямо из Петербурга отправили во Владивосток, куда он и попал 23 марта 1910 г. Семья приехала только к 23 июня [26].

ВЛАДИВОСТОК

Двадцать восьмого апреля 1910 г. А.П. Шошин был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. за строительство Ломжинских укреплений, и в тот же самый день он принял новую должность [27]. Во Владивостоке в то время разворачивались грандиозные работы по полному переустройству крепости. Главным руководителем работ по усилению Владивостокской крепости был назначен сам Главный начальник инженеров инженер-генерал А.П. Вернандер, бывший в 80-е годы XIX столетия строителем левобережных фортов Варшавы, а начальником инженеров и строителем крепости стал военный инженер генерал-майор В.А. Кухарский, переведенный из Кронштадта. Предполагалось построить 11 новых мощных фор-

тов, несколько десятков береговых батарей и противодесантных береговых капониров, промежуточные опорные пункты, пороховые погреба и другие объекты инфраструктуры [28]. Работы проводились на сильно пересеченной горной местности, что давало огромный простор для творческой мысли инженеров-проектировщиков, поскольку пользоваться здесь какими-либо теоретическими шаблонами и типовыми решениями было совершенно невозможно. При участии А.П. Шошина во Владивостоке были созданы максимально примененные к местности так называемые расчлененные форты, многие из которых не имели аналогов в практике мировой фортификации того времени. Шошину также удалось добиться применения во всех новых владивостокских фортах конструктивных решений, обеспечивающих более надежную защиту стрелков и артиллеристов от поражения шрапнельным огнем и осколками снарядов – круглых амбразур минимального размера в кофрах и индивидуальных подбрустверных ниш-укрытий на бетонных линиях огня. В других русских крепостях, строившихся примерно в тот же период, таких усовершенствований сделано не было. Владивосток был первой из русских крепостей, столь кардинально перестраивавшихся с учетом опыта русско-японской войны. Аналогичные работы в крепостях в европейской части Российской империи начались по ряду причин с опозданием на два–три года.

Фактически А.П. Шошину пришлось возглавить все работы по переустройству Владивостокской крепости самому, хотя он вначале и не обладал никакими официальными полномочиями. Схема руководства строительством была весьма оригинальна. Все основные решения Шошин вынужден был проводить как советы Кухарскому, которые тот, в свою очередь, должен был доводить до Вернандера. И эта схема, при которой полковник был вынужден командовать через голову двух вышестоящих генералов, как ни странно, работала, поскольку Шошин имел высочайший авторитет среди офицеров ин-

женерного корпуса. Само собой разумеется, что подобный способ руководства работами требовал от Шошина огромных нервных издержек.

По инициативе Шошина на строительстве крепости был в самых широких масштабах применен труд рабочих, законтрактованных в европейской части Российской империи, которые находились на полном казенном обеспечении и которым платили очень хорошую заработную плату, переводившуюся на специальные банковские счета или пересылавшуюся семьям, чтобы избежать пьянства. А чтобы такой труд был не менее эффективен, чем намного более дешевый труд китайцев, которых нельзя было использовать на строительстве по соображениям секретности, Шошин предложил в самых широких масштабах механизировать строительство, что и было сделано. Он выступил инициатором использования на фортах всех возможных строительно-технических новинок того времени – механических перфораторов (пневматических отбойных молотков), электрических бетономешалок, подвесных канатных дорог и т. д., что позволило довести работы во Владивостокской крепости до самой высокой степени законченности оборонительных сооружений, относительно всех остальных русских крепостей. По окончании строительного сезона большинство рабочих возвращалось домой, хотя закрепление их во Владивостоке всячески поощрялось.

Кухарский, плохо переносивший здешний климат и не выдерживавший темп и объем работы, часто болел и тогда Шошин уже официально исполнял обязанности Строителя Владивостокской крепости. В ноябре 1911 г. он был произведен в генерал-майоры и назначен Строителем Владивостокских укреплений и начальником инженеров Владивостокской крепости [29].

Отдаваясь целиком работе по постройке новых фортов, Шошин также придавал огромное значение внешнему виду возводимых сооружений. Уже официально возглавив все строительство, он издал в мае

1913 года следующий приказ по Временному управлению Строителя Владивостокской крепости: «...1. Все без исключения сооружения, кроме прочности и устойчивости должны быть безупречно выполнены и с внешней стороны. 2. Отсутствие тщательности работ в этом отношении, грубый и некрасивый вид постройки характеризует недостаточное внимание и любовь строителя к своим произведениям, а на постороннего наблюдателя производит впечатление небрежности. Все до последних мелочей должно быть сделано аккуратно, правильно и чисто. Все линии постройки, углы, ребра, линии пересечения сводов, плоскости, поверхности и прочее должны быть геометрически совершенно правильны, отвесные линии действительно отвесные, а горизонтальные действительно горизонтальные...» [31].

Сохранился очень интересный документ, свидетельствующий о том, насколько тщательно Шошин продумывал все детали организации работ, включая прием и отправку обратно законтрактованных рабочих:

*«Начальник Инженеров и Строитель
Владивостокской крепости.
12 октября 1913 года № 2615/10534.*

*Военному Губернатору
Приморской области*

С 20-го сего октября начнется отправка на родину контрактных рабочих Строительства, в общем до 3000 человек, разделенных на четыре партии.

Для поддержания необходимого порядка при посадке и устранения пьянства между рабочими, прошу Ваше Превосходительство не отказать в назначении наряда полицейских чинов, в числе 8-10 человек, в помощь жандармским унтер-офицерам, и о воспрещении продажи крепких напитков в районе местности Первая Речка, где будет произведена посадка людей в дни отправки, с утра до 125 часов пополудни.

По следам старой фотографии

Отправка рабочих будет произведена в следующие числа: 20-24, 27 со станции Первая Речка и 31 Октября со станции Владивосток.

Военный Инженер Генерал-Майор
Шошин

Помощник Строителя крепости,
Заведующий хозяйственной частью
Военный Инженер Подполковник
Торопов

Инженерный Чиновник Коллежский
Советник неразборчиво» [32].

Приведем здесь фрагменты из личных записок Шошина, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге и касающиеся работ по усилению Владивостокской крепости [33]:

«Организация работ по всей крепости выпала вся на мою долю, а равно и участие в составлении проектов. Главным руководителем оказался Вернандер, который до 15 октября успел утвердить проекты 11 фортов и двух береговых батарей (моих проектов 7 фортов и 2 батареи). Начаты работы, но дело плохо организуется... Выписать рабочих из России до 3000 человек удалось, хотя пришлось выдержать борьбу против применения арестантского труда и призыва подрядчиков. К счастью, то и другое оказалось неудачно, провалив оба проекта. Как всегда, организация работ шла вначале трудно и медленно, что особенно волновало генерала Вернандера. При нерешительности Кухарского приходилось руководить всеми делами, что при зависимом положении было крайне тяжело. Проводя лично почти все важные вопросы в Распорядительном Комитете и давая советы Кухарскому для доводов Вернандеру, оставалось мало времени для организации работ, а потому не успевал, напрягая свои силы насколько хватало организма...

Неприятно такое зависимое положение — однако дело интересное и, в конце

концов, несмотря на зависимое положение, меня уже начали слушаться. Удалось организовать механическое производство работ с помощью электромоторов для бетонных заводов, камнедробилок, водоснабжения, провести устройство подвижных канатных дорог, а также устроить механическую мастерскую.

...При сырой квартире, простудившись после ночной работы первого бетона, ехал ночью мокрый домой и заснул в экипаже, заболел ревматизмом или артритом (до сих пор не знаю). Проработав больной целый месяц, 19 августа 1911 г. в день отъезда Вернандера свалился, пролежал в постели более месяца и не поправился совсем, но уже к концу года мог работать, хотя и с трудом ходил. Вообще год очень тяжелый.

Однако, организация работ оказалась задуманной правильно и выполнена удовлетворительно. Бетона до сентября и октября только за два месяца сделано 3120 куб. саженей, что для начала надо считать хорошим успехом. По земляным работам недоделано от плана работ очень немного и работы обошлись недорого - для первого года и первого опыта привоза рабочих из России.

В общем, форты полуострова были к концу года обороноспособны и могли в безопасности принять свои гарнизоны. При отъезде генерал Вернандер помирился со мною. При переходе Кухарского помощником начальника инженеров Петербургского военного округа, 22 ноября я был произведен в генерал-майоры с назначением Строителем и Начальником Инженеров крепости. В виду оконченной почти организации работ убедил Вернандера в необходимости ассигнования 8 миллионов рублей, а не 5. Он обещал подтвердить это ассигнование телеграммой. Поэтому я настоял на выписке 7,5 тысяч землекопков.

Назначение строителем выводило из тяжелого зависимого положения, к которому я не привык, хотя и приходилось почти одному вести все дело, но при необходимости считаться с начальством нужно было дей-

ствовать исключительно силой убеждения и тратить напрасно много сил. После назначения стало гораздо в этом отношении легче. С другой стороны, поскольку я организовал лично всю техническую часть работы и принял участие в составлении проектов, мне уже не оставяло особого труда общее управление делами. Теперь зная всякую мелочь на работах, мог уже легко руководить делами. В этом отношении генерал Кухарский был полезен, взяв на себя дела по управлению в тяжелый организационный год. Понятна нервозность генерала Вернандера, который понимал свою ответственность в случае неудачи организации работ за 9000 верст от центра при совершенно новых условиях и первого опыта применения на Дальнем Востоке русского труда с выпискою рабочих из России, введения механических приспособлений для бетонных работ, устройства канатных дорог и пр. Недоверие ко мне при задержках в организации работ, неизбежные всегда неудачи при применении машин, задержка в постройке канатной дороги, недовольство военного министра (было весной 1911 г.) малыми усилиями работ – все это нервировало генерала Вернандера. Так как

нравственно я был всему ответчиком, то со всех сторон (Распорядительный комитет, Вернандер и др.) посыпались выражения недовольствия. Только когда было тошно, стали говорить, как всегда, что иначе значит работать на удачу.

В 1912 г. выписано 7,5 тысяч рабочих, а с мастеровыми и инженерными набралось до 12 тысяч человек. Между тем было получено тревожное известие, что ассигновано не 8, а 5 миллионов. В конце апреля, когда начали прибывать рабочие, получено телеграммой подтверждение, что будет ассигновано только 5 миллионов. Это был непоправимый удар всему делу и всей моей организации, обездоливая массу рабочих. Взял отпуск и поехал в Питер хлопотать. В распорядительной комиссии новая паника, мое нравственное состояние очень тяжелое. Однако дорогой (попал в экспресс – почти первый раз в жизни в первый класс и за свой счет) получил из газеты сведения о назначении генерала Вернандера помощником военного министра, несколько успокоился и старался меньше думать о неизбежности катастрофы.

Однако газеты принесли известие, что государственные расходы утверждены,

Форт № 2 Владивостокской крепости. Центральная линия огня. Канатная дорога и рельсы для ваго-
неток. 1912 г. Из фондов РГВИА

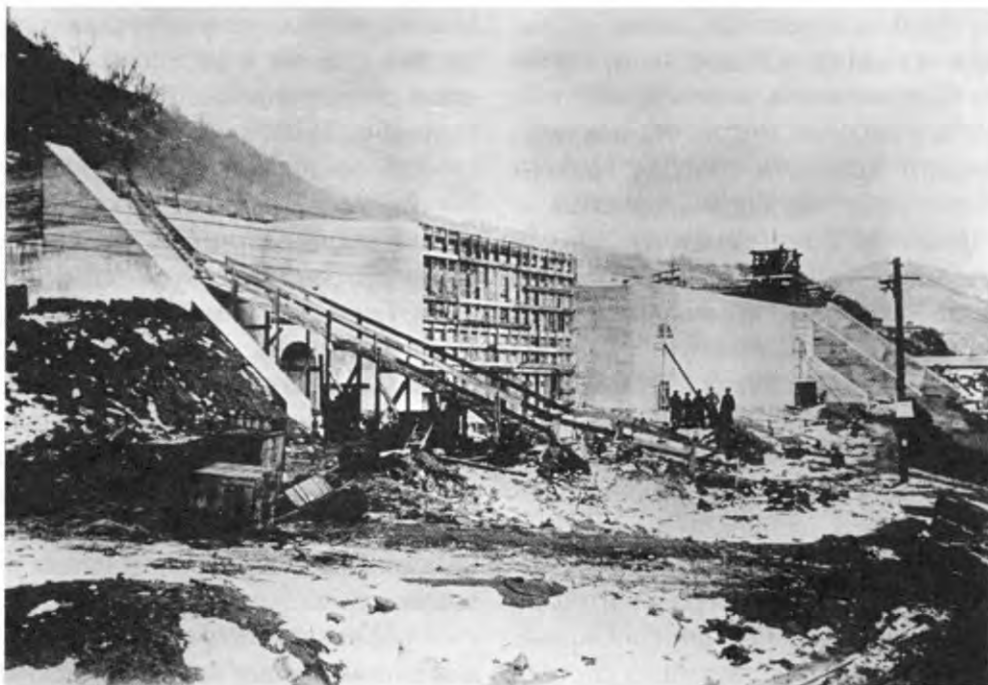
По следам старой фотографии

а поэтому на увеличение ассигнований надеяться не приходилось. В Петербург прибыл в ночь на 15 мая. Утром побывал в Управлении Генерала-инспектора, где узнал, что к моей поездке относится генерал Вернандер одобрительно и изыскивает способы об увеличения ассигнований на 3 миллиона. Начальник Главного Инженерного управления генерал Александров встретил выговором, назвал приезд легкомыслием и не захотел слушать доводы. 18 мая был принят военным министром и помощником его генералом Вернандером. Оба приняли радушно, обещали хлопотать и тут же была послана бумага министру финансов с позаимствованием 3 миллионов из артиллерийской сметы (в Государственной Думе был запрос о том, что 120 миллионов не были израсходованы Главным Артиллерийским управлением). В Департаменте Государственного Казначейства удалось продвинуть решение этого дела через директора департамента Куршинского. Вместе с тем убедил генерала Вернандера на будущее время хотя бы на три года назначать ассигнование впереди, чтобы не подвергать дело такому риску, как в этом году. Удалось работы первой очереди включить в 1913, 1914 и 1915 г., а не растягивать на 6 лет. Составили план работ на эти три года, переработав план работ 1912 года. Успел выхлопотать через Министерство Торговли и Промышленности право покупать на местном рынке иностранные материалы на сумму до 310 тысяч рублей в год. 31 мая получено известие о доассигновании 3 миллионов заимообразно из Артиллерийской сметы и утвержден план работ 1912 г. на 8 миллионов. Удалось выехать только 5 июня. Отпуск посчитали командировкой, выдали прогоны 2481 руб. 92 коп. Таким образом поездка мне ничего не стоила, но и сказилось сбережение до 1500 рублей. Удалось побывать у доктора Правницкого. Вообще болезнь от перемены ли места, или от лечения уменьшилась. Одним словом попытка оказалось удачной, дело было спасено и я уехал не только с ассигнованиями на 1912 г., но и с назначением ассигнований на три года вперед.

Работы развернулись хорошо. Организация работ оказалась правильной. Канатная дорога превзошла ожидания своей продуктивностью и экономичностью в доставке грузов. Начатые скальные работы уже к 1 сентября превзошли ожидания. Планы работ 1910, 1911, 1912 гг. не только были выполнены, но сделано свыше на 40 %. Бетонные работы того же 1912 года были бы выполнены, если бы во время моего отсутствия во время паники Распорядительная Комиссия не уменьшила заказ цемента на 50 тысяч бочек. Хотя по приезде я настаивал на восстановлении заказа, но было уже поздно и вероятно не будет доделано до 3500 куб. саженей бетона. Однако это уже дело второстепенное, формы уже сняты, а орудия береговых батарей уже могут быть поставлены на основания.

На 31 декабря успех работ земляных оказался более предположенного на 45 тысяч куб. саженей, что составляет 60 % плана работ 1913 г. На 1913 г. осталось всего 30 тыс. куб. саженей. Бетонных не додано как и предполагал 3500 куб. саженей, из-за цемента, от заказа которого отказались во время моей командировки.....

Помощника моего полковника Голицына произвели в генералы и направили в Батум (Михайловскую крепость), нового назначения нет... Все же этот год несколько легче 1911 г., но болезнь еще не прошла, а волнения и хлопоты по ассигнованию 3 миллионов стоили тоже порядочно для организма в связи с неприятностями опять от военного министра, надворного советника Соколова и начальника штаба генерала Будберга. К счастью Соколов переведен в Брест и назначен новый статский советник Крылов, который воспитан в Николаевском инженерном училище и не походит на карьериста и искателя, каким был Соколов. Распорядительная комиссия преобразована в Распорядительный комитет, в котором увеличиваются права Строителя и Председателя. Совершенно отошел из власти округа. Права начальника инженеров округа перешли ко мне - будет ли лучше покажет время...

Казематированный мясохолодильник Владивостокской крепости. 1912 г. Из фондов РГВИА

Мемориальная доска на стене казематированного мясохолодильника с перечислением имен военных инженеров, причастных к его строительству, включая Строителя Владивостокской крепости генерал-майора А.П. Шошина. Фото Д.А. Анчи

В 1913 г. работы прошли в общем благоприятно. Рабочих выписано 3300 человек. Все работы по плану выполнены полностью и в счет 1914 г. произведено на 2,5 млн. рублей главным образом бетонных работ, коих сделали 14000 куб. и тоннельных. Ассигнования однако поступали с задержками неправильно и были для меня причиной сильных волнений и беспокойств. В сентябре снова простудился в управлении и в квартире в сырой комнате и ревматизм снова усилился.

Хотя болею на ногах, но движения рук и ног настолько плохи, что пешком ходить не могу. Болезнь затянулась на четыре месяца и неизвестно, когда снова пойдет на убыль. К сожалению, все средства перепробовал и ничего не помогло. Конечно на болезнь влияло нервное напряжение июля и августа и перегружение организма работою. Смена помощников потребовала моего личного труда вследствие незнакомства новых лиц с делом.

По следам старой фотографии

Надо принять серьезные меры, чтобы не остаться калекою. Общее настроение вследствие болезни очень тяжелое, чувствуется, что не все можешь делать, что должно.

Комендант крепости генерал Нишенков на объезде работ со мною 18 апреля на Пасху на форте N 2 вывалился из автомобиля с дочерью и младшим сыном, последний на месте скончался; комендант и дочь остались живы, но первый получил рану на голове, дочь сильно разбилась. К счастью она выздоровела, но все это принудило генерала Нишенкова перевестись в Россию. Я счастливо избежал опасности, проехав ранее по тому же месту на первом автомобиле со старшим сыном коменданта. Новый комендант с 1-го сентября генерал-лейтенант Саввич - бывший начальник штаба Округа. Вообще перемена начальствующего состава способствовала успеху дела, так как генерал

Нишенков был совершенно незнаком с крепостным делом и по своей нервозности не давал развития делу... Год вообще был очень тяжелый.

31 декабря 1913 г. обнаружена растрата чиновником Панченко, кассиром управления инженерного строительства, крупной суммы 90 тыс. рублей, хотя комиссия, проверившая кассу, нашла несходку данных между Контролем и Управлением строительства по авансу Начальника хозяйственного отдела. 2 января 1914 г. после повторения задания Контроля и Управления оказалось, что действительно растрата чиновником Панченко произведена, поэтому он заключен под арест, а дело передано военному следователю. Этим закончился злополучный 1913 г.

22 января 1914 г. выехал в Петроград и для окончания дел по Ломжинским укреплениям. Во время командировки мною прове-

Здание Владивостокского крепостного инженерного управления (ул. Пушкинская, 41) в котором с 1912 по 1915 гг. работал А.П. Шошин. Фото Д.А. Анчи

дено утвержденных генералом Вернандером проектов по Владивостоку до 200 листов. Удалось выхлопотать дополнительные ассигнования 4 млн. 900 тыс. рублей и решить много серьезных дел. Однако командировка задержала окончание дел по Ломже, где я, пробыв всего 3 суток, вынужден был немедленно выехать в виду назначенного приезда во Владивосток военного министра. Однако в Петрограде удалось посоветоваться с врачами. Наибольший успех дел у доктора Гизе (Ямская № 4). Берженсон, Боткин и Павленко не помогли. Гизе прописал изменить форму обуви, отчего боли в ногах прекратились (оказалось, что от ревматизма ступня левой ноги стала плоской). Помогла, вероятно, баня, которую я брал каждую неделю, где банщик Феодосий растирал мне ноги и плечо на полке. Принял еще углекислые ванны во Владивостоке и водный режим, указанный доктором Губе - болезнь к концу года почти прекратилась.

Приехал во Владивосток 3 мая, а 10 мая уже показывал военному министру сооружения. Получил лестное от него уверение, что он ничего подобного нигде не видел и не ожидал, виденное превзошло все его ожидания и он полагает, что во Владивосток надо посылать учиться, как надо строить крепости. Вообще он был внимателен и любезен, чем меня очень тронул. После тяжелой работы и затрат огромной нервной силы было приятно услышать оценку трудов свежего человека, хотя и не специалиста в узком смысле, но военного авторитета и талантливого организатора. Может быть, тут была и доля лести (он всегда очень любезен), но все-таки это внимание благоприятно отразилось на всей работе и еще более упорядочило дружную работу управления, Распорядительного комитета, коменданта.

Последний очень помог строительству и Инженерному управлению в проведении многих вопросов и оказался лучшим из всех бывших и обладающим недюжинными организаторскими способностями при достаточной самостоятельности характера.

Работы 1914 года шли совершенно нормальным порядком, вполне успешно. Однако 20 июля 1914 года Германия объявила войну России... Несмотря на отзывы военных действий, строительство шло успешно и даже с избытком выполнен план работы. Ассигнования поступали чрезвычайно аккуратно и потому совершенно не наблюдалось тех тяжелых явлений, какие были в 1913 г. и других, когда из-за задержек ассигнований можно было ожидать волнений рабочих, а также не было внезапного скопления ассигнований и потому усиленных выплат, повлекших в 1913 г. растрату чиновника Панченко. В конце 1914 г. чиновник Панченко осужден в арестантские роты на 4 года, что и справедливо. Управление строительства привлечено не было, т. к. не имелось к тому достаточных оснований...»

Признавая исключительные заслуги А.П. Шошина в деле усиления крепости, военное министерство в августе 1914 г. выделило средства для постройки ему служебного дома-особняка, который и был построен на Вокзальной площади Владивостока к 1915 г. Как писал А.П. Шошин — «... Ассигнование было для меня полной неожиданностью.» В декабре 1914 г. он также был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст.

Немалые заботы генерала были вызваны также и семейными делами. Один из его сыновей, Алексей, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, был уличен полицией в хранении запрещенной политической литературы, что по тем временам грозило большими неприятностями, и как тогда было принято, Алексей Петрович активно хлопотал за сына, действуя через генерала Вернандера, который к тому времени занял пост помощника военного министра. Беду от сына удалось отвести.

В своих дневниковых записях А.П. Шошин с удовлетворением отметил, что Владивостокская гимназия, в которой теперь стали учиться его младшие дети, ничуть не хуже Ломжинской и, соответственно, он мог быть уверен в качестве получаемого детьми образования. К этому времени Шошин начал

Генерал-майор А.П. Шошин с супругой Анной Ивановной. 1913 г. Владивосток. Из семейного архива Т.И. Шошиной

задумываться и о том, что будет после его смерти и начал приводить свои дела в порядок. В 1913 г. он заказал во Владивостокском фотоателье «Идеал» фотомонтаж, где были собраны его фотография с молодой женой, снятая в 1888 г., аналогичная фотография 1913 г., а также фотографии всех детей. По экземпляру этого фотомонтажа было роздано каждому ребенку на память и, по крайней мере, один экземпляр дошел до наших дней. В 1914 г. он составляет духовное завешание:

«Начальник инженеров
и Строитель
Владивостокской крепости
1 июня 1914 г.
N
Кр. Владивосток

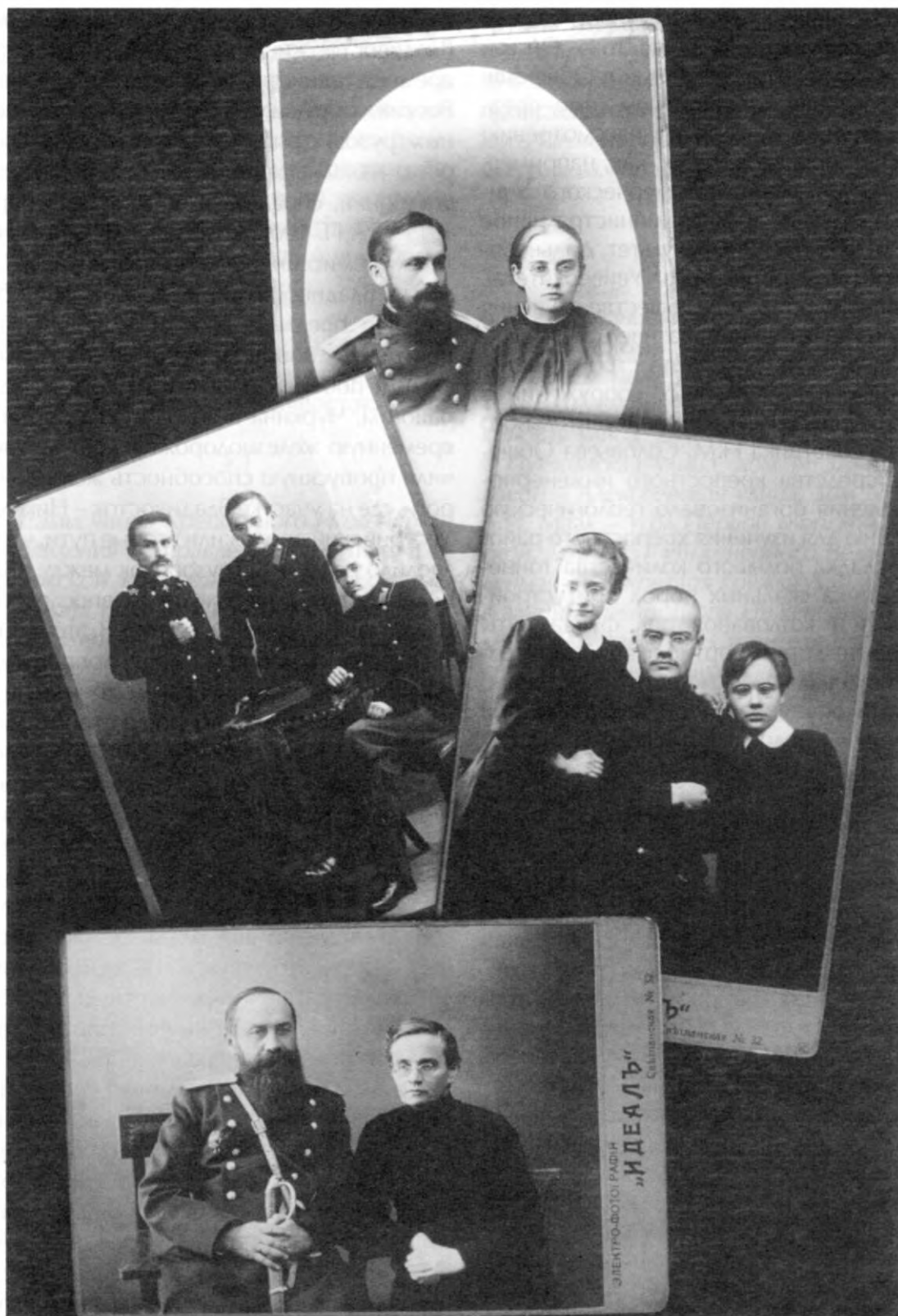
Духовное домашнее завешание

Город Владивосток одна тысяча девять-
сот четырнадцатого года июня первого дня.
Я, нижеподписавшийся Военный инженер

Генерал-Майор Алексей Петрович Шошин,
находясь в здравом уме и твердой памяти, на
случай смерти, делаю следующее распоряже-
ние: все принадлежащее мне движимое и не-
движимое благоприобретенное имущество,
в чем бы оно не заключалось и где бы оно не
находилось, вообще все, что в день смерти
будет принадлежать мне, что и на что по за-
кону буду иметь право, завещаю жене моей
Анне Ивановне Шошиной. – А. Шошин

Что сие духовное завешание написано
и подписано завешателем военным инжене-
ром генерал-майором Алексеем Петровичем
Шошиным в том свидетельствую Военный
инженер Подполковник Николай Николае-
вич Надеждинский.

В том же свидетельствую
Военный инженер Полковник Эрнест
Оскарлович Маак
В том же свидетельствую
Штабс-капитан Борис Владимирович
Озмиди» [34].

Фотомонтаж. Семья А.П. и А.И. Шошиных. Дети (слева направо): Николай, Аполлинарий, Алексей, Наталья, Иван и Анна. 1913 г. Владивосток. Из семейного архива Т.И. Шошиной

По следам старой фотографии

А.П. Шошин активно участвовал в общественной жизни Владивостока. Он выступал с публичными лекциями в Обществе народных чтений и в Народном доме, председательствовал в жюри по рассмотрению конкурсных проектов, таких, как, например, строительство здания Коммерческого Училища (в настоящее время административное здание и физический факультет Дальневосточного Государственного Университета). Он активно работал и в Обществе изучения Амурского края. По инициативе А.П. Шошина и Главного контролера по строительству крепостных и казарменных сооружений в Южно-Уссурийском Крае действительного статского советника Н.М. Соловьева Общество на средства крепостного инженерного управления организовало геологическую экспедицию для изучения крепостного района. Прокладка большого количества тоннелей и выемка скальных пород при устройстве рвов и котлованов под фундаменты при строительстве фортификационных сооружений давала возможность существенно уменьшить объем работ по шурфовке при составлении геологической карты. После укладки бетона возможность взятия образцов пород, естественно, была бы утрачена. Для руководства экспедицией пригласили из Петербурга известного геолога, уроженца Владивостока, впоследствии профессора П.В. Виттенбурга. Весь полевой сезон 1912 г. экспедиция работала на строящихся крепостных сооружениях и собрала обширный научный материал по результатам обработки которого была издана монография. А.П. Шошин, военные инженеры В.В. Буйко, Е.П. Проценко, М.П. Субботин, П.П. Унтербергер и другие оказали значительную помощь в проведении научных работ. В благодарность за "просвещенное содействие", П.В. Виттенбург, давая названия безымянным топонимическим объектам, называл в честь А.П. Шошина гору вблизи центра Владивостока и бухту на о. Русском, а в честь остальных инженеров безымянные высоты и мысы, вблизи которых велось строительство оборонительных сооружений [35].

С началом Первой мировой войны на Владивостокский порт, оставшийся к тому времени единственным открытым портом России, обрушился огромный поток военных грузов, с вывозом которых железная дорога, находившаяся в плохом техническом состоянии, справиться не могла. 25 апреля 1915 г. А.П. Шошин назначается председателем комиссии по отправке военных грузов из Владивостока в Европейскую Россию [36]. По предложению А.П. Шошина были построены новые временные причалы на южном побережье Золотого Рога и туда, в район м. Чуркина в обход бухты протянули временную железнодорожную ветку. Увеличили пропускную способность железной дороги, где на участке Владивосток – Никольск-Уссурийский проложили вторые пути, что позволило разделить грузопоток между КВЖД, водным путем по Амуру и, впоследствии, Амурской железной дорогой. В это же время строились новые мосты, водопропускные сооружения, Кипарисовский тоннель и начали прорабатывать вопрос о строительстве тоннеля под водоразделом между долиной Первой Речки и речки Буяковки (построенный в советское время тоннель им. Сталина), который дал бы прямой железнодорожный выход к новым причалам на м. Чуркина. Когда в августе 1915 г. А.П. Шошин отправился в действующую армию, Владивостокский порт был свободен от грузов. Первого сентября 1915 г. «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» генерал-майор Шошин был награжден орденом Св. Анны 1-й ст. [37]

Жены офицеров Владивостокской крепости, включая и военных инженеров проводили в годы Первой мировой войны большую работу по сбору вещей для раненых и отправке их на фронт. Жена генерала, Анна Ивановна Шошина организовала для этой цели кружок «из дам чинов Крепостного инженерного управления и Государственного контроля», в котором ведущие роли игра-

ли Анна Ивановна Маак (жена полковника Э.О. Мака), Ю.Н. Соловьева (жена Главного контроллера по постройке крепостных и казарменных сооружений Южно-Уссурийского края Н.М. Соловьева) и Р.Н. Крылова (жена старшего делопроизводителя Крепостного распорядительного комитета по постройке Владивостокской крепости действительного статского советника Крылова), о чем свидетельствует следующий документ:

*«Объявление по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу.
6 октября 1914 года. Кр. Владивосток. N 118*

§ 1

Дамы чинов Крепостного Инженерного Управления и Управления Строителя Владивостокской крепости совместно с дамами государственного контроля образовали «Кружок женщин, приготовляющих белье на раненых воинов для отсылки его Всероссийскому земскому союзу». Учредительницей

кружка избрана Анна Ивановна Шошина, а секретарем – инженерный чиновник Алексей Федорович Федоров. Собрания кружка происходят в совещательном зале Крепостного Инженерного Управления (Пушкинская улица, дом Управления N 41).

§ 2

Кружок женщин, приготовляющих белье на раненых воинов для отсылки его Всероссийскому земскому союзу, производит прием пожертвований: 1) материалами – учредительницей А.И. Шошиной – Пушкинская улица, дом N 28; Ю.Н. Соловьевой – Пушкинская улица, дом N 37; Р.Н. Крыловой – Алексеевская улица, дом N 1 кв. 5; А.И. Маак – Угол Первой Морской и Алеутской, дом N 51 Инженерного Ведомства, 2) деньги – у секретаря кружка А.Ф. Федорова в здании Крепостного Инженерного Управления и Управления Строителя Владивостокской крепости, Пушкинская улица, дом N 41 от 9 часов утра до 4 часов дня» [38].

Служебный особняк Начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости на участке Инженерного ведомства у Вокзальной площади, в котором в 1914–1915 гг. жил А.П. Шошин и его семья.
Фото Ю.В. Иванова

Этот документ также свидетельствует о том, что семья Шошиных переехала в специально построенный для генерала служебный особняк на Вокзальной площади только в самом конце 1914 года и проживала в нем до своего отъезда в Петроград в конце 1915 г., а до того жила на съемной квартире на ул. Пушкинской.

НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В Действующей Армии А.П. Шошин, будучи назначен начальником 7-й строительной партии Юго-Западного фронта, участвовал в строительстве укреплений под Киевом и был награжден за эту работу орденом Св. Владимира 2-й ст. В апреле 1916 г. его назначили отдельным руководителем работ 2-й строительной партии того же фронта. В мае 1916 г. он был назначен отдельным руководителем работ 7-й строительной партии по укреплению позиций и устройству переправ через Дунай у с. Картиль против г. Исаки. В августе 1916 г. Шошин был назначен начальником переправы русских войск через Дунай. За устройство переправы 13 и 14 августа и руководство ею он был представлен начальником инженерных войск Юго-западного фронта и начальником Экспедиции особого назначения (так называли ввод русских войск в Румынию в 1916 г.) к производству в генерал-лейтенанты, но последнее было отложено в виду неисполнившихся шести лет в чине генерал-майора 14 августа 1916 г. Так мертвящий дух ценза не позволял даже во время тяжелейшей войны на выживание, которую страна вела с предельным напряжением сил, достойно отметить заслуги отличившихся в ней генералов и офицеров и, соответственно, открыть им дорогу для быстрого карьерного роста и тем самым освежить командные кадры, без чего победа была просто невозможна. Страна, руководители которой не могла переступить через ими же самими установленные

бюрократические рамки, была обречена на поражение даже в победоносной войне...

После того, как борьба на этом участке фронта перешла в позиционную стадию, Шошина назначают 8 октября 1916 г. главным руководителем позиционных работ в Северной Румынии, где он построил позицию длиной до 400 км, на которой русские войска оборонялись более года. 21 февраля 1917 г. А.П. Шошин назначается начальником инженерных снабжений Северного фронта. В сентябре 1917 г. после падения Риги А.П. Шошин организует эвакуацию инженерного имущества, снабжает войска всем необходимым с помощью специально организованного поезда-склада и возводит новые оборонительные позиции.

Главкомандующий армиями Северного фронта представил А.П. Шошина к производству в генерал-лейтенанты за заслуги в обороне подступов к Петрограду, а также в связи с исполнением срока шести лет в чине генерал-майора 22 ноября 1917 г., но в связи с кардинальной сменой политического строя это представление уже не имело какого-либо практического смысла и последствий [39].

В КРАСНОЙ АРМИИ

Октябрьский переворот 1917 г. первоначально практически ничего не изменил в жизни Алексея Петровича Шошина, который в условиях разваливающегося фронта делал все возможное, чтобы спасти ценнейшее боевое имущество от захвата немцами, не очень задумываясь о том, в чьи руки оно потом попадет и против кого будет использовано. В 1918 г. А.П. Шошин организует эвакуацию базисных и операционных складов Северного фронта, где были сосредоточены огромные запасы различного военного имущества, вооружения и боеприпасов, в глубокий тыл, в район Ярославль – Рыбинск, и становится в мае 1918 г. начальником Ярославского окружного инженерного управления. Запасы, которые эвакуировал А.П. Шошин, позволили большевикам вести военные дей-

ствия в течение нескольких лет при ничтожном производстве боеприпасов и вооружения на военных заводах.

А.П. Шошин, монархист по убеждениям, стал служить большевикам не за страх, а за совесть. По-видимому, здесь сказалась профессиональная привычка делать любую работу добросовестно и с полной самоотдачей. Кроме того, старые обиды с задержкой производства в генерал-лейтенантский чин и за «ссылку» во Владивосток также могли несколько примирить Шошина с советской властью. В сентябре 1918 г. А.П. Шошина назначают Инспектором инженерных войск Полевого штаба Реввоенсовета республики. Под его руководством создаются инженерные войска Красной Армии, разрабатывается и проводится в жизнь план инженерной подготовки всех фронтов, организуются и снабжаются всем необходимым большое количество военно-полевых строителей. О степени доверия к А.П. Шошину со стороны большевистского руководства говорит его назначение в 1920 г. председателем Комиссии по трудовому применению Красной Армии, которую после него возглавляли такие видные партийные вожди, как М.И. Калинин и Ф.Э. Дзержинский [40].

Покидая в 1915 г. Владивосток, Шошин, как и многие офицеры, рассматривал вызов в Действующую Армию как временный и предполагал после войны вернуться к старому месту службы. Соответственно, большая часть его личных вещей осталась во Владивостоке, отделенном от Москвы не только огромными расстояниями, но и линией фронта, разделяющей в 1918–1922 гг. противоборствующие в Гражданской войне стороны. Тем не менее, оставшиеся во Владивостоке офицеры и чиновники крепостного инженерного управления, оказавшиеся в армии Колчака, делали все от них зависящее, чтобы в сложнейших условиях Гражданской войны сохранить имущество своих товарищей, оказавшихся волею судьбы в рядах красных. В 1921 г. на какое-то короткое время восстановилось почтовое со-

общение Владивостока с остальной частью страны, и А.П. Шошин написал письмо бывшему начальнику инженеров и Строителю Владивостокской крепости генерал-майору А.А. Федорову, который занимал эту должность и при Колчаке, с просьбой разыскать во Владивостоке его вещи. В семейном архиве потомков Аполлинария Алексеевича Шошина сохранилось письмо, направленное А.П. Шошину в ответ на этот запрос одним из бывших его доверенных сотрудников, чиновником Управления Строителя Владивостокской крепости Ивана Николаевича Родзевича буквально за считанные дни до того, как почтовое сообщение с Владивостоком вновь прервалось более чем на год. Приведем здесь его целиком:

«Владивосток, 18 мая 1921 г.

Глубокоуважаемый Алексей Петрович!

Мы все были очень обрадованы получением Александром Львовичем от Вас письма, из которого узнали, что Вы все здоровы.

Начну с интересующего Вас вопроса о вещах: вещи почти все удалось сохранить. Очень сожалею, что у меня не было описи вещам, которая дала бы возможность установить чего не хватало: Вещи перемешались 4 раза, причем два раза без моего ведома. В настоящее время хранятся вещи на 3-й версте в старом сарае для шанцевого инструмента в узких проходах и весьма неудобном.

Из квартиры пришлось срочно перетасовать в сарай при (квартире), затем при помощи китайцев затащить на 3-ю версту в бетонный сарай, очень удобный и просторный, чтобы все вещи были сложены в одно место, обвязаны круговой веревкой и сделана соответствующая надпись (наклейки). Охранять вызвался Стрелков, который гарантировал полную сохранность. После смерти Стрелкова (умер от воспаления легких), обнаружилась массовое хищение, по всей вероятности легко ранеными и сторожами, которые ходили в склады во время болезни. В этом сарае хранились вещи: Торопова, Зубрицкого,

По следам старой фотографии

Алабушева и Бржозовского. Сундуки оказались буквально все взломанными и ценное все похищенным. Из Ваших вещей вскрыт один сундук (овальный) с книгами, возможно, что и взято несколько книг. Большой сундук, зеленый цел, это единственный из всех. Кроме того, видны следы вскрытия некоторых ящиков с книгами, но как видно, почти все цело; возможно похищение нескольких книг. Прилагаю список наличных вещей на 18 мая с.г. в сарае на 3 версте. Маленькие бамбуковые шпалерки все только сломаны. Очень желательно получить подробную опись и письмо, в коем необходимо указать, что хранение вещей поручено мне (в виде доверенности).

Некоторые вещи, взяты разными лицами во временное пользование, несмотря на мои категорические протесты. Кроме того – у Унтербергера находятся ковры и венские стулья, но там будут целы. Восьмигранный черный столик, две шпалерки вращающиеся и венские стулья находятся у Шатохина – также сохраняются.

Разыскиваю зеркальный шкаф и нижнюю часть буфета.

В 1918 г. хотел все вещи перевезти к себе на Океанскую, но за перевозку затребовали такую сумму, что пришлось отказаться. Кроме того, хранение у меня было также небезопасно. В настоящее время хочу забрать все ящики с книгами и прочее более ценное, но мебель придется оставить на складе, или дать во временное пользование надежному лицу. Оттоманку, крытую ковром, заберу к себе, иначе попортит моль.

В 1918 г. мне передал Вельсберг, что получил от Вас письмо, в котором Вы интересовались вещами. Между тем, после удаления вещей из квартиры, я тотчас же написал Вам, и вторично написал, после удаления их из сарая при доме и перевозке в бетонный сарай на 3 версту. Ответа же не получал.

Что же касается вещей остальных лиц, то все вещи б. чинов гарнизона, ушедших на войну и находившихся на Р. Острове, проданы с аукциона (в том числе Шабанова, Тума-

нова и Шелавина) на валюту, за невозможностью их охранять. Деньги будут целые.

Я и вся семья шлем Вам наш сердечный привет и наилучшие пожелания. Семья вся здорова. Маруся гимназию окончила, Анна кончает очень успешно 17 июня. Сыновья учатся в смешанной гимназии на Седанке. Я лично чувствую себя здоровым, но зрением стал слаб, и сильно поблекла голова. –

Живем сравнительно хорошо.

Всегда готовый к услугам

И. Родзевич

Вещи на складе:

- 1) оттоманка, крытая ковром – 1
- 2) Шкафов книжных – 3
- 3) Шкафов платяных – 1
(было 2, разыскивается)
- 4) Шифоньерка – 1
- 5) Комод – 1
- 6) Буфет – верхняя часть – 1
(нижняя часть разыскивается)
- 7) Кресло плетеное – 1
- 8) Ящиков с книгами и проч. – 12
- 9) Ящиков с разными мелкими предметами – 1
(скопилось много при перевозке на склад и уложена мелочь: самовары и проч.)
- 10) Сундук зеленый – 1
- 11) Ящики с портретами – 2
- 12) Чертежный станок – 1
- 13) Чемодан парижский – 1
- 14) Картина большая парадная – 1
- 15) Умывальников – 1
- 16) Кроватей – 8
- 17) Ширма – 1
- 18) Карнизы
- 19) Письменный стол – 1
- 20) Кухонных стульев – 3
- 21) Простых шкафов – 2
- 22) Несгораемый шкаф – 1
(в чертежной)
- 23) Граммофон – 1

(у Александра Львовича по моей просьбе)
Кроме того, взято без разрешения:

- 1) Диван, 2 кресла и 4 стула
загнутых в рогожах
- 2) Кушетка, обитая кожей
- 3) Кабинетные кресла
- 4) Оттоманка, крытая зеленым

P.S. По выяснению всех вещей немедленно сообщу сколько это стоило.

И. Родзевич» [41].

К сожалению, так и осталось неизвестным, сумел ли И.Н. Родзевич сохранить имущество своего бывшего начальника и особенно его библиотеку, но в любом случае это письмо отражает тот непрерываемый авторитет, который сохранялся у Шошина даже в «белогвардейском» Владивостоке, поскольку на его вещи не посмели посягнуть даже грабители, растащившие вещи остальных инженеров из плохо охраняемого склада. Это письмо также очень ярко иллюстрирует тот факт, что корпоративную солидарность владивостокских инженеров и понятия офицерской чести не смогло разрушить даже то обстоятельство, что они оказались по разные стороны баррикад братоубийственной войны.

А.П. Шошин до конца своих дней руководил секцией долговременной фортификации Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА и опубликовал в последние годы своей жизни ряд трудов в основанном им журнале «Техника и снабжение Красной Армии». В последний год жизни им была выполнена работа, имевшая важнейшее значение для обороны страны. Шошин, совместно с более молодыми военными инженерами Белинским, Шелавиным и Голембатовским, написал работу, в которой приводились типы железобетонных пулеметных и наблюдательных сооружений, рекомендованных к постройке в случае стабилизации линии фронта и перехода к позиционной борьбе. Этот труд, отредактиро-

ванный Уставной инженерной подкомиссией в 1925 г. и изданный в 1927 г., послужил основой для выработки проектов первых реализованных советских долговременных сооружений [42].

Умер Алексей Петрович 26 февраля 1924 г. и первоначально был похоронен в Москве на Дорогомиловском кладбище.

СЕМЬЯ ГЕНЕРАЛА

К 1917 г. вся семья Алексея Петровича собралась в Петрограде. Младшие дети – учились в университете или на Высших медицинских курсах, старшие начинали работать по полученным специальностям или готовились к службе в Действующей Армии. Сохранилось фотография, запечатлевшая семью Шошиных в полном сборе именно в этот период. Старшие сыновья Николай и Аполлинарий на этой фотографии уже с женами и собственными детьми, Алексей, в военной форме, Иван, еще студент, коротко стриженная дочь Анна уже курсистка Высших женских медицинских курсов, младшая дочь Наталья в форме гимназистки, сам Алексей Петрович и Анна Ивановна сильно постарели и имеют весьма утомленный вид – тяготы и переживания длительной войны сказались на них не самым лучшим образом. На фото также представлена женщина, похожая на Анну Ивановну, по-видимому, ее сестра. В таком составе Шошины, наиболее вероятно, собрались в последний раз, поскольку дальнейшая служба Алексея Петровича продолжилась в Москве, а его дети остались в Петрограде.

Судьба детей Алексея Петровича сложилась относительно благополучно, насколько это было возможно в тогдашнем СССР. Исключение составила лишь судьба младшей дочери Алексея Петровича, **Нatalьи Алексеевны Шошиной**, которая жила в семье своего брата Ивана и погибла в Ленинграде в период блокады. В самое худое время она, будучи биологом, приносила родным тушки подопытных животных, чем способствовала выживанию своих родственников [43].

Семья А.П. Шошина. Стоят слева направо: Аполлинарий, Николай и Анна; сидят: жена Аполлинария с сыном Георгием, Анна Ивановна Шошина, жена Николая Надежда с сыном Андреем, Алексей Петрович Шошин, Иван и перед ним Алексей, по-видимому, сестра Анны Ивановны, – Наталья. Январь 1917 г. Петроград. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Преподаватель Военно-транспортной академии РККА инженер-майор Николай Алексеевич Шошин. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Старший сын генерала **Николай Алексеевич Шошин** закончил Институт инженеров путей сообщения Императора Александра Первого и стал инженером-мостостроителем, а впоследствии и военным инженером. Служил на кафедре сооружения и восстановления мостов Военно-транспортной академии, переведенной в конце 30-х годов из Москвы в Ленинград, дослужился до полковника и начальника этой кафедры. Интересно, что в годы Великой Отечественной войны академия была эвакуирована в Кострому, и таким образом Николаю Алексеевичу пришлось служить в городе, в котором родился его отец. Вот, что пишет о Николае Алексеевиче его племянница Татьяна Ивановна Шошина:

«Старший из братьев – Николай Алексеевич, тоже жил в Питере. Он пошел по стопам деда и тоже был военным. Но занимался мостостроением. Он был полковником, про-

фессором в Военной Академии тыла и транспорта, на кафедре мостов (мостостроения?). У него был единственный сын – Андрей, который тоже стал военным, капитаном II ранга, ст. научным сотрудником, кандидатом наук. Затем работал в Ленинградском Высшем ордена Ленина Краснознаменном училище железнодорожных войск и военных сообщений им. М.В. Фрунзе на кафедре теоретической механики. К сожалению, его тоже уже нет. Дочь Андрея Николаевича – Надежда (но крестили ее Александрой), замужем и у нее двое детей – Полина Шошина (ей сохранили фамилию деда) и Иван Гурьянов, уже взрослые.... Николай Алексеевич был женат дважды, во второй семье (вторая жена – Елизавета Владимировна) у него была приемная дочь Ирина, которая очень любила его, а ее дочери Ольга и Татьяна называли своих детей в честь деда и бабушки – Коля и Лиза.» [44].

На долю Николая Алексеевича выпала роль главного хранителя памяти об отце. Именно ему пришлось организовывать перезахоронение Алексея Петровича, когда Дорогомиловское кладбище попало под застройку, причем выполнять это пришлось в годы Великой Отечественной войны, что создавало дополнительные трудности и проблемы, поскольку у командования инженерных войск было тогда много забот и помимо перезахоронения праха бывшего генерал-майора. Сохранилась переписка Николая Алексеевича, касающаяся этого вопроса, и на наш взгляд уместно привести здесь ее целиком:

«Начальнику Отдела Высших
Военных учебных заведений
ВКВШ генерал-майору П.Н. Скородумову

Ст. преподаватель
кафедры сооружения
и восстановления мостов
Военно-Транспортной Академии К.А.
Имени Л.М. Кагановича
Инженер-майор
Н.А. Шошин
20 марта 1944 года:

По следам старой фотографии

Рапорт

Умерший в 1924 году отец мой первый инспектор Инженеров Полевого Штаба Революционного Военного Совета Республики Алексей Петрович Шошин был похоронен на Дорогомиловском русском кладбище. Место погребения могу указать лично.

В настоящее время это кладбище упразднено и часть его, прилегающая к улице, уже уничтожена. Могила отца оказалась в крайнем оставшемся нетронутым ряду недалеко от церкви.

Прошу Вашего содействия по переносу праха моего отца в ближайшее же время на Новодевичье кладбище. Вопрос о разрешении захоронения на Новодевичьем кладбище зависит от Секретаря Исполкома Московского Городского Совета трудящихся тов. Комарова.

Организация переноса праха отца на Новодевичье кладбище может быть выполнена Московским Городским Трестом по похоронному обслуживанию Мал. Черкасский пер. д. 1-3.

Похороны отца были произведены за государственный счет. Своими средствами перенесение праха отца выполнить я не в состоянии, почему прошу о принятии расходов по переносу праха отца на государственный счет.

Инженер-майор Ник. Шошин»

К чести командования Инженерных войск Красной Армии, оно, несмотря на все сложности военного времени, отнеслось положительно к просьбе о выделении средств на перезахоронение, но вот московские власти в захоронении на Новодевичьем кладбище отказали, сочтя, по-видимому, заслуги А.П. Шошина перед СССР недостаточно значительными. Поэтому перезахоронение пришлось произвести на не столь престижном, хотя и старинном кладбище «Введенские Горы» (бывшее кладбище Немецкой слободы).

Ответ на рапорт инженер-майора Шошина, переданный по команде, был следующим:

«Народный комиссариат
Обороны Союза ССР
ГЛАВНОЕ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ Красной Армии
Отдел ФИНАНСОВЫЙ
5 апреля 1944
N ф-633
г. Москва
Покровский бульвар, д. N 11
Телефон N

ТРАНСПОРТНАЯ АКАДЕМИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ
ИМЕНИ Л.М. КАГАНОВИЧА
г. Кострома
СТАРШЕМУ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КАФЕДРЫ
СООРУЖЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ
МОСТОВ
ИНЖЕНЕР-МАЙОРУ тов. ШОШИНУ

Ваш рапорт от 20.3.44 г. поступил Начальнику Инжвойск Красной Армии. Для возбуждения ходатайства об отпуске денежных средств необходимо от Вас получить сведения о сумме, потребной Вам на расходы по переносу праха Вашего отца на Новодевичье кладбище и куда Вам перевести ассигнованные деньги.

НАЧАЛЬНИК ФО ГВИУ КА
Полковник и/с
/Попсуев/»

Сохранилась памятка, составленная Николаем Алексеевичем Шошиным обо всех мероприятиях и расходах, связанных с перезахоронением праха:

«Памятка
о переносе праха отца нашего А.П. Шошина
9 сентября 1944 года
Праха перенесен на кладбище «Введенские горы» (Лефортово, б. Немецкое клад-

По следам старой фотографии

бише), трамвай 24 и 28 до Солдатского переулка.

Еловая дорожка, участок 39-ХІ могила N 999 по регистрации 1944 года

На могиле поставлен крытый железный крест и железная ограда с угловыми стойками из уголкового железа.

Адрес:

Москва 20. Контора кладбища

«Введенские Горы»

Тел. Е-1-16-67

Сторож (ставил ограду)

Хохлов Федор Андреевич

Крюков тупик д. 3.

Расходы по перенесению праха:

По счету Треста.

Захоронения от 07.09.44 г.

Гроб, оформление, машина – 320 руб.

По расходной накладной Дорогомиловского кладбища – 30 рублей

Сверх того могильщику – 20 рублей

По приходной накладной кладбища Введенские Горы – 61 руб.

Сверх того могильщику – 50 руб.

Шоферу машины за помощь по погрузке и выгрузке креста и ограды – 100 руб.

Участку треста за работу: 200 рублей

Вызов санврача, дезинфекция, переложение останков с отправкой в могилу

Всего 781 руб.

Сторожу кладбища Введенские горы за постановку креста, ремонт и установку ограды уплачено 19.10.44 – 400 рублей

Всего 1181 руб.

Получено от ГВИУ – 800 руб.

Израсходовано из своих средств 381 руб.

24.10.44

Ник. Шошин»

Расписка

За постановку креста и решетки на могиле Алексея Петровича Шошина Введенские Горы участок 39-ХІ по Еловой дорожке. Четыреста (400) рублей. 19 октября 1944 года сполна получил Хохлов

Регистрация 1948 года

4566

Алексей Петрович Шошин

Кладбище «Введенские Горы»

Елочная дорожка

Участок 39-ХІ

49-48

Надпись на кресте

Род. 31.VIII 1861 года

Ум. 26/II 1924 года

Был на кладбище в воскресенье 1949 года

Произвел покраску серебристой краской креста» [45].

В 1958 г. в связи с организацией выставки «40-лет советских инженерных войск» начальник Центрального исторического военно-исторического музея полковник Жуков обратился с просьбой к Николаю Алексеевичу передать в музей имеющиеся у него документальные материалы и вещи, имеющие отношение к Алексею Петровичу Шошину, для использования в экспозиции и пополнения фондов музея:

«Министерство обороны

Союза ССР

Центральный

исторический военно-инженерный МУЗЕЙ

27 ноября 1958 г.

N 604

Москва, Ж-28, Покровский бульвар, дом N 11, тел. К-7-24-21 [этот адрес забит буквами Ж]

По следам старой фотографии

Москва И-58, Садово-Спасская, д. 1/2,
корпус 5.

Тел. И1-87-44

г. Ленинград
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ТЫЛА И
ТРАНСПОРТА

преподавателю тов. ШОШИНУ

Имя выдающегося советского военно-инженера, первого инспектора Полевого штаба Революционного Военного Совета Республики Алексея Петровича Шошина дорогого воинам инженерных войск Советской Армии.

Центральный исторический военно-инженерный музей к 40-летию Советской Армии открыл выставку «40 лет советских инженерных войск». На выставке отражается военно-инженерная деятельность Алексея Петровича, в частности, экспонируется его фотопортрет.

Обращаюсь к Вам с просьбой прислать в дар Музею сохранившиеся у Вас документы, личные вещи, фотографии и другие материалы, отражающие военную деятельность Алексея Петровича за годы его службы в русской и Советской Армии.

Полученные от Вас материалы будут использоваться в экспозиции и для пополнения основного фонда музея.

НАЧАЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ВОЕННО-
ИНЖЕНЕРНОГО МУЗЕЯ

полковник /Жуков/» [46]

В ответ на эту просьбу Николай Алексеевич передал Музею полный послужной список генерала, фотографии, дневниковые записки и ряд других материалов, имеющих очень большую историческую ценность. Полковник Жуков также сдержал свое слово. И, несмотря на то, что сам Музей был ликвидирован, а вместо него был создан лишь отдел в Военно-историческом музее артиллерии ин-

Николай Алексеевич Шошин (справа) с сыном Андреем. Ленинград, 1 мая 1949 г. Из семейного архива И. Сувориной

женерных войск и войск связи в Ленинграде, документы А.П. Шошина сохранились в виде отдельной коллекции в фондах этого музея, причем они оказались доступными исследователям, изучающим историю строительства Владивостокской крепости и были частично ими введены в научный оборот.

Второй сын генерала **Аполлинарий Алексеевич Шошин** был крупным ученым-почвоведом. Поскольку сельскохозяйственная биология была зоной особого риска в сталинском СССР, Аполлинарий Алексеевич имел достаточно крупные неприятности сначала с ОГПУ, а затем и с НКВД. Благодаря высокой профессиональной квалификации он сумел выжить и в лагерях, где работал агрономом в подсобных хозяйствах, однако его весьма многообещающая научная и преподавательская карьера была сломана.

Он закончил Ломжинскую гимназию с серебряной медалью в 1908 г.

и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, который окончил по агрономической и биологической группе с дипломом 1-й степени в 1914 г. [47] После перевода А.П. Шошина во Владивосток Аполлинарий Алексеевич каждый летний сезон ездил к родителям, где в течение каникул занимался гербарными сборами. Эти сборы позволили обнаружить новые местонахождения для ряда известных видов растений и описать один новый вид злаков [48]. Эти материалы были использованы приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В.Л. Комаровым (впоследствии академик АН СССР) для подготовки региональных флористических сводок. Еще один летний сезон Аполлинарий Алексеевич также отработал на Дальнем Востоке студентом-практикантом в Посьетском окружном участке Приморского областного переселенческого управления. Дипломную работу он выполнил по физиологии растений и биохимии у профессора (впоследствии академика АН СССР) В.И. Палладина на тему «Действие сапонина на работу протеолитического фермента в *Vicia sativa*». Закончив обучение в университете, он поступает в 1914 г. на сельскохозяйственное отделение Московского сельскохозяйственного института, который заканчивает в 1917 г. Во время обучения в институте он работал студентом-практикантом на Опытном поле МСХИ под руководством известного ученого-агронома профессора А.Г. Дояренко и его ассистента а затем академика А.А. Шмука. В 1916 г. он выполнил дипломную работу «Действие навоза и минеральных удобрений на выход действующих начал лекарственных растений» и еще одну работу «Вытеснение почвенного раствора по методу профессора Ишерякова при различной влажности почвы».

По окончании института с 25 сентября 1917 г. Аполлинарий Алексеевич работал старшим ассистентом по кафедре Общего земледелия Воронежского сельскохозяйственного института, где также выполнял

большую исследовательскую работу в лабораториях профессора Б.А. Келлера, а затем А.В. Думанского (впоследствии академика ВАСХНИЛ). Эти работы были доложены на 5-м съезде почвоведов в Москве. Аполлинарий Алексеевич также был помощником заведующего Опытным полем при кафедре Общего земледелия и принимал активное участие в его создании.

В 1927 г. Аполлинарий Алексеевич был избран по конкурсу заведующим кафедрой Общего земледелия Донецкого института сельского хозяйства и мелиорации в должности доцента, где работал до реорганизации института 15 июля 1930 г., где помимо преподавательской работы он также занимался исследовательскими работами на опытном поле. С 1928 по 1930 гг. он бессменно избирался председателем Совета опытных учреждений института. С 15 июля 1930 г. после реорганизации Института он занимает должность заведующего кафедрой Общего земледелия Северо-кавказского зернового института, а 9 августа становится также по совместительству и профессором кафедры Общего земледелия Института водного хозяйства и мелиорации в Новочеркасске. Однако столь успешная научно-преподавательская деятельность Аполлинария Алексеевича продолжалась недолго и была прервана 20 ноября 1930 г., когда он был арестован и осужден Коллегией ОГПУ 23 июля 1931 г. по ст. 58 п. 4 и 11 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовых лагерях на 5 лет. Он отбывал заключение в Прорвинских исправительно-трудовых лагерях, управление которых размещалось в Астрахани [49].

Трудно сказать, кому и чем помешала столь ярко начатая научная и педагогическая деятельность Аполлинария Алексеевича, чем столь образованный специалист, имеющий два высших образования, которых тогда просто катастрофически не хватало, не угодил в то время Советской власти – своей «беспартийностью», талантом исследователя и педагога, научной честностью и добросовестностью – понять теперь

По следам старой фотографии

трудно, но, тем не менее, его восхождение по научно-педагогической «лестнице» было остановлено навсегда – в советской сельскохозяйственной науке оказались востребованы другие «герои».

Во время заключения в лагере А.А. Шошин около полутора лет работал на опытных орошаемых участках в Казахстане и около года заведовал научно-исследовательской частью в крупном орошаемом огородном совхозе в дельте реки Волги.

С 15 декабря 1934 г. после досрочного освобождения из лагерей Аполлинарий Алексеевич был принят на работу на должность старшего научного сотрудника в Южный научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации в г. Новочеркасске. Он руководил группой по борьбе с заилением орошаемых земель и почвенно-мелиоративной лабораторией этого института. Четвертого марта 1936 г. Квалификационная комиссия ВАСХНИЛ утвердила его в ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук и в звании старшего научного сотрудника.

Однако, «органы» очень не любили оставлять своих подопечных без слишком долгого внимания и, тем более, давать им возможность какого-либо карьерного роста. Двадцать четвертого августа 1938 г. Аполлинарий Алексеевич снова арестовывается и 23 августа 1939 г. осуждается Особым Совещанием НКВД по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР на 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. На этот раз срок пришлось отбыть почти сполна, хотя на свободу он вышел досрочно 26 февраля 1946 г. В заключении Аполлинарий Алексеевич работал в клинических лабораториях лаборантом-аналитиком, а затем в качестве агронома-мелиоратора и агронома-овощевода в ряде совхозов исправительно-трудовых лагерей в Карело-Финской ССР и Архангельской области. По освобождении с 1 марта по 17 октября, т.е. весь сельскохозяйственный сезон он проработал уже по вольному найму агрономом лагерного пун-

кта и только после сбора урожая переехал в поселок Рамонь Воронежской области, где проживала его дочь [50].

В 1947–1950 гг. он работал старшим научным сотрудником Лаборатории агрохимии Воронежской опытной станции масличных культур («Орловка»), пока его должность не сократили. В 1949 г. он прошел перерегистрацию в ВАК и получил оформленный диплом кандидата сельскохозяйственных наук и аттестат старшего научного сотрудника по специальности «мелиорация». Первого июня 1950 г. его приняли на должность заведующего агрохимической лаборатории Митрофановского опытного поля (Михайловский район Воронежской области), но поскольку ставка заведующего лабораторией – кандидата наук была сокращена, то 5 марта 1953 г. он «по собственному желанию» был

Кандидат сельскохозяйственных наук Аполлинарий Алексеевич Шошин. 1950-е годы, Воронежская область. Из семейного архива Максима Мараева

Ирина Суворина, внучка Аполлинария Алексеевича Шошина и, соответственно, правнучка А.П. Шошина на форту № 3 Владивостокской крепости у входа в контрминную галерею двойного кофра. 2009 г. Фото В.П. Ипатова

освобожден от должности заведующего лабораторией. Создается впечатление, что до 1953 г. за карьерой А.А. Шошина достаточно бдительно следили «компетентные» инстанции, не давая ему подолгу занимать хоть какие-либо руководящие должности.

После смерти Сталина и последующих изменений в стране жизнь Аполлинария Алексеевича несколько изменилась к лучшему. В 1955 г. Ростовский областной суд отменил оба приговора, вынесенных А.А. Шошину в 1931 и 1939 г., но упущенного в тюрьмах и лагерях времени было уже не вернуть [51]. У Аполлинария Алексеевича было двое детей – сын Георгий, который был железнодорожником и дочь Ирина, которая была математиком. Живы его внуки [52].

О третьем сыне генерала, **Алексее Алексеевиче Шошине**, известно немного. Он также был почвоведом и работал в со-

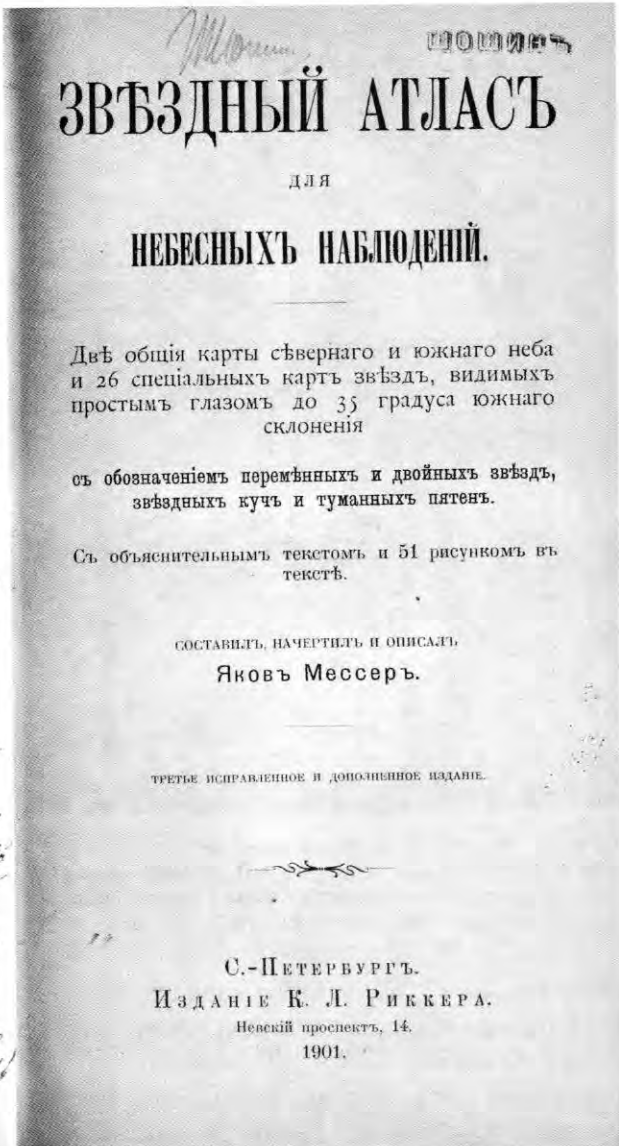
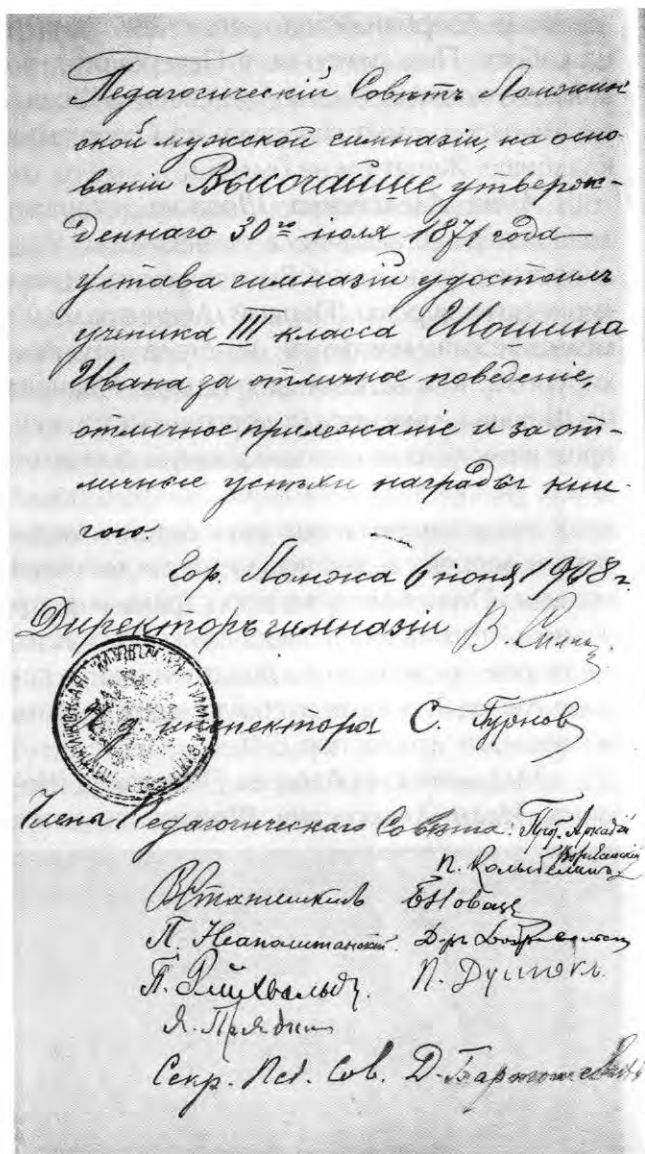
лончаках Азербайджана и его очень ценили на работе. Похоронен он в Петербурге, недалеко от могилы Ивана Алексеевича Шошина, младшего сына генерала, на Охтинском кладбище. Женат он не был [53].

Анна Алексеевна Шошина, старшая дочь генерала, закончила гимназию во Владивостоке, училась на Высших женских медицинских курсах (Первый Ленинградский медицинский институт) и стала врачом-хирургом. Как вспоминает Татьяна Ивановна Шошина, она носила короткую стрижку, принципиально не выходила замуж, а двое ее детей, рожденных вне брака, умерли, после чего она усыновила еще двух детей – мальчика и девочку и воспитала их достойными людьми. Она объездила всю страну и в конечном итоге осела в Воронежской области, в которой проживали ее родственники, в городе Лиски, где ее врачебную деятельность вспоминают до сих пор [54].

Младший сын Алексея Петровича Шошина, **Иван Алексеевич Шошин**, является

Ученый агроном Алексей Алексеевич Шошин. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Титульный лист «Звездного атласа для небесных наблюдений, подаренного Ломжинской мужской гимназией в 1908 г. гимназисту Ивану Шошину за поведение, прилежание и успехи в учебе. Из семейного архива Т.И. Шошиной

наиболее известным из потомков генерала, причем, пожалуй, даже более известным, чем сам генерал. Приведем выписку из его метрического свидетельства:

«Свидетельство

Дано сие за надлежащим подписом с приложением церковной печати в удостоверение того, что в хранящейся в Новогеоргиевском Крепостном Соборе метрической книге за 1895 год ч. I о родившихся в ст.

под № 10 мужского пола записано: тысяча восемьсот девяносто пятого года Февраля двадцать третьего дня родился и того же года марта двадцать второго числа крещен Иоанн. Родители его: военный инженер Новогеоргиевского крепостного инженерного управления капитан Алексей Петрович Шошин и законная его жена Анна Иоанновна, оба православного исповедания. Восприемниками были: Новогеоргиевской крепостной артиллерии капитан Илья Михайлович Ипатов и жена крестьянина Смоленской губернии

Студенческий билет Ивана Алексеевича Шошина. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Белевского уезда Холмской волости Серафима Иоанновна Байкова. Таинство крещения совершил Священник Михаил Птицин с Дьяконом Василием Маркевичем.

Кр. Новогеоргиевск 31 марта 1895 года.

Подлинное подписал: Настоятель Новогеоргиевского крепостного собора Протоиерей /Подпись неразборчива/.

Скрепил: Дьякон Василий Маркевич.

Свидетельство это для заверения подлжит представлению Духовное правление при Протопресвитере Военного и Морского духовенства в С. Петербурге.

Настоящее свидетельство с записью в подлинной метрической книге означенного в оном Собора согласно; что с приложением казенной печати удостоверяется, на основании ст. 1630 Зак. об акт. сост. т. IX изд. 1876 г. и пункта г. ст. 23 **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. 12 июня 1890 г. «Положения об упр. церкв. и дух. Воен. и Морск. Вед.» С. Петербург. Подлин. Подписал: Член Духовного Правления при Протопресвитере Военного и Морского Духовенства Протоиерей Григорий Словоцков. Скрепил Делопроизводитель Журавский. 14 января 1897 года.

По реестру N 4319 1913 года июня 12 дня. Я, нижеподписавшийся удостоверяю; что копия эта слово в слово сходна с подлинником ее, представленным мне, Нотариусу Владивостокского окружного суда в г. Владивостоке Александру Петровичу Бужко, в конторе моей, на Светланской улице, в д. N 36, Иваном Алексеевичем Шошиным. При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем приписок, подчисток, вычеркнутых слов и вообще особенностей не было. А. Бужко» [55].

Когда Иван Алексеевич учился в Ломжинской мужской гимназии (с 1905 по 1910 г.), то за поведение, прилежание и успехи в учебе его наградили «Звездным атласом для небесных наблюдений» и вполне возможно, что именно эта книга вызвала в нем интерес к оптическим приборам. В 1913 г. он окончил с золотой медалью гимназию во Владивостоке [56], а затем учился в Санкт-Петербургском университете [57]. Он также закончил музыкальные классы Владивостокского отдела Русского музыкального общества и играл в оркестре этого общества. Он также занимался в Петроградской консер-

По следам старой фотографии

ватории по классу скрипки у профессора Гамовецкой, но года через два эти занятия забросил, хотя сохранил увлечение классической музыкой на всю жизнь, проводя не менее двух вечеров каждую неделю на концертах в филармонии. В январе 1918 г. он даже подал заявление о приеме в Петроградское отделение Всероссийского союза оркестрантов [58].

Иван Алексеевич поступил на Физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета в 1913 г., но смог формально закончить его, то есть получить диплом только в 1922 г., поскольку учеба пришлось на годы Первой мировой войны, а также потрясений революции 1917 года и Гражданской войны. В 1916 году

И.А. Шошин достиг призывного возраста, однако мобилизован не был. Тем не менее, он предпринял командировку в Действующую армию по линии Всероссийского земского союза. С 20 августа по 29 сентября 1916 г. он руководил работой вновь созданной сапожной мастерской при 2-й Туркестанской казачьей дивизии. Вот как отзывался о деятельности И.А. Шошина начальник дивизии:

«Под его умелым и энергичным руководством мастерская быстро создавалась, окрепла и работает вполне успешно, отлично, выполняя трудное назначение по удовлетворению нужд дивизии в отношении починки обуви, составляющей одну из важнейших нужд казаков в военное время. Ныне, создав указанную мастерскую, и по-

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
СОВЕТА
СОЛДАТСКИХ И РАБОЧИХ
ДЕПУТАТОВ.
Василеостровского района.

№ 71
24 ноября 1917.

ПЕТРОГРАДЬ.
Вас. Остр., 17 Лин. д. № 73
Телефон 450-32.

Уполномоченно
му по дому
№ 23. Шошина.
по 12-й л. № 11.

Прошу Являясь в
Военно-революционный
Комитет при В.О. Совета
Р. и С. депутата И.А. Шошина 16 лин. д. № 73.
Кв. 24. Немедленно

за милую будет
привлечен к ответственности
по делу.

Председ. Петров
Секретарь: Михайлов

Повестка с вызовом в Василеостровский районный Революционный комитет уполномоченного дома № 23 по 12-й линии Васильевского острова И.А. Шошина с исправленными адресатом грамматическими ошибками. Петроград, 1917 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
СОВЕТА
СОЛДАТСКИХ И РАБОЧИХ
ДЕПУТАТОВ.
Василеостровского района.

№ 28/11
1917.
ПЕТРОГРАДЬ.
Вас. Остр., 17 Лин. д. № 73
Телефон 450-32.

Повестка
Шошина
Уполномоченно
му по дому
№ 23 по 12-й линии

Революционный
Комитет В.О. Со-
вета Р. и С. Шошина
подгот. приказе
ком. Шошина
с подачей с

Председ. Петров
Секретарь: Михайлов
И.А. Шошин

И.А. Шошин
с удовольствием
28/11-1917

Повестка с вызовом в Василеостровский районный Революционный комитет уполномоченного дома № 23 по 12-й линии Васильевского острова И.А. Шошина с «императорской» революционной адресатом; «Читал с удовольствием, Ив. Шошин». Петроград, 1917 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

ставив ее на хороших началах, И.А. Шошин должен, к сожалению, покинуть мастерскую, чтобы продолжить свои науки. Расставаясь с И.А. Шошиным, считаю долгом выразить свою искреннюю благодарность и признательность ему за то усердие и старание, которые он вложил в указанное дело на пользу командуемой мною дивизии.» [59]

Этот отзыв начальника дивизии однозначно свидетельствует о больших организаторских способностях И.А. Шошина, которые тот потом сполна проявил в своей научно-производственной деятельности.

В апреле 1917 г. И.А. Шошин вновь выезжал на фронт, на станцию Двинск, где ему было разрешено забрать для захоронения в Петрограде тело погибшего друга бывшего студента и вольноопределяющегося Бориса Ягодкина, что показывает высокое чувство товарищеского долга, свойственного Ивану Алексеевичу [60].

Революционные события 1917 г. И.А. Шошин воспринял с некоторым юмором. Так, получив в ноябре 1917 г. подряд несколько предписаний от Военно-

революционного комитета при Василеостровском совете рабочих и солдатских депутатов с требованием как уполномоченного по дому немедленно явиться в этот самый революционный комитет и угрожавших в случае неявки всяческими карами, он исправил в одном из них все грамматические ошибки, а на другом наложил императорскую резолюцию «Читал с удовольствием. Ив. Шошин» и сохранил эти предписания в домашнем архиве, хотя такой юмор могли не вполне адекватно оценить не только в 1917 г., но и гораздо позже [61].

В 1918 г. научный руководитель И.А. Шошина известный физик-оптик профессор Д.С. Рождественский привлек его к работе в качестве практиканта в Физическом институте Петроградского университета. После временного прекращения работы в Физическом институте в связи с остановкой в апреле 1918 г. производства оптического стекла на Государственных фарфоровом и стеклянном заводах Иван Алексеевич работал статистиком в Учетном отделе Штаба Петроградского военного

Р. С. Ф. С. Р.
Ном. по Воен. Дел.
ГЛАВНОЕ
ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ.
АВТО-ОТДЕЛ
I-е отделение
25 декабря 1918 г.
№ 22834
г. МОСКВА.
Телер. адрес: ГНИУ
Смоленский бульвар, 103.
Кв. 103.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего тов. И.А. Шошин командировается в Петроград в распоряжение комиссариата Госуд. Фарфорового и стеклянного завода работающих для снабжения Красной Армии.

Дано сие на предмет беспрепятственного и не подлежащего реквизиции провоза муки в количестве 1½ пудов, как приобретенных для личного его, Шошина потребления на основании постановления Президиума Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Все лица приглашаются оказывать ему всемерное содействие в указанном направлении.

Начальник Отдела Инженер В. Комиссар
Начальник Отделения
Делопроизводитель

Настоящее удостоверение
действительно
по 3 января 1919 г.

Удостоверение об откомандировании И.А. Шошина из Главного военно-инженерного управления РККА в распоряжение Государственного фарфорового и стекольного завода. Москва, 1918 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Российская Социалистическая
Федеративная Советская Республика.

К. Н. П.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОПТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

ПЕТРОГРАД.

Васильевск. Остров, Университетская
Набережная, д. № 7/9, Здание Физи-
ческого Института.

Тел. № 4-60-08.

11-го апреля 1919

№ 339

Директор Государственного
Оптического Института,

профессор *С. Рождественский*

Управляющий делами

С. Рождественский

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Дано сие Практиканту Научно-
го Отдела Государственного Опти-
ческого Института Ивану Алексе-
евичу Шошину, проживающему в се-
ле Фарфоровоком, Малая Шемиловка,
д. № 3, кв. I., в том, что он,
Шошин, по долгу службы должен
ежедневно бывать в Петрограде.

Удостоверение, разрешающее
практиканту Научного отдела
Государственного оптического
института И.А. Шошину
передвигаться по Петрограду
в ночное время. Петроград,
1919 г. Из семейного архива
Т.И. Шошиной

округа [62], а затем в Адмиралтейском рай-
военкомате г. Петрограда. В мае 1918 г. отец
вызвал его в Ярославль в окружное военно-
техническое управление [63], а потом устро-
ил в Автомобильный отдел Главного военно-
инженерного управления в Москве [64]. В
декабре 1918 г. в связи с тем, что на Госу-
дарственных стекольном и фарфоровом за-
воде возобновились и стали проводиться с
высокой интенсивностью работы по плавке
однородного оптического стекла, Д.С. Рож-
дественский предписал Шошину немедленно
вернуться из Москвы в Петроград и немед-
ленно приступить к исполнению своих обя-
занностей в Физическом институте Перво-
го Петроградского университета, поскольку
всяческое промедление в эксперименталь-

ной работе, обеспечивавшей деятельность
завода, могло сорвать выпуск столь необ-
ходимых Красной армии биноклей и других
оптических приборов [65]. Шошин подал со-
ответствующий рапорт руководству ГВИУ, и
его ходатайство о возвращении в Физиче-
ский институт было удовлетворено [66]. По-
сле организации в 1919 г. на базе Физическо-
го института Государственного оптического
института И.А. Шошин стал практикантом
Научного отдела этого института [67]. Он
проработал в этом институте до 1932 г. на
должностях научного сотрудника первого и
второго разряда, а также старшего научного
сотрудника.

Работа И.А. Шошина имела настолько
важное значение, что в 1919 г. ему был даже

выдан специальный пропуск, разрешавший свободное передвижение по Петрограду после 23 часов, т. е. на время комендантского часа, так как ему часто приходилось задерживаться на работе допоздна, а также удостоверение, подтверждавшее необходимость его ежедневных поездок в Петроград из села Фарфорового, где он постоянно проживал в заводской квартире [68]. Он также был освобожден и от мобилизации в Красную армию [69]. В августе 1920 года Иван Алексеевич принял участие в работе I съезда Российской ассоциации физиков в Москве [70].

12 июля 1922 года И.А. Шошину было выдано удостоверение в том, что он окончил в 1921–1922 учебном году полный курс наук Физико-математического факультета Петроградского университета по Физическому отделению, которое было подписано и.о. декана факультета известным физиком профессором О.Д. Хвольсоном. Все оценки по тридцати учебным предметам были только «весьма удовлетворительно», то есть наивысшие. Таким образом, статус ученого-физика, каковым в то время являлся И.А. Шошин, получил официальное подтверждение [71].

В 1930 г. И.А. Шошин стал научным консультантом Государственного оптико-механического завода (ГОМЗ) (завод N 412), а с 1932 года он перешел на завод на постоянную работу. Физик по образованию, инженер-оптик по роду занятий он был заместителем Главного конструктора и начальником Морского конструкторского бюро завода, разработчиком стереоскопических визиров и дальномеров, состоявших на вооружении кораблей и батарей береговой обороны ВМФ СССР в годы Второй мировой войны, перископов подводных лодок, был лауреатом Сталинской премии Третьей степени (Постановление Совета министров СССР от 14 марта 1951 г.) [72], награжден орденами Ленина и Красной Звезды и его имя часто упоминается в специальной литературе, посвященной истории советского военно-промышленного комплекса. Работы по созданию важнейших оптико-механических приборов военного назначения И.А. Шошин возглавлял почти 30 лет [73].

Начальник Морского конструкторского бюро Государственного оптико-механического завода Иван Алексеевич Шошин с медалью Лауреата Сталинской премии и орденом «Красной Звезды». 1950-е годы. Ленинград. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Когда при создании перископов атаки для подводных лодок за основу взяли аналогичный прибор немецкого производства, конструкторы под руководством И.А. Шошина тщательно разобрали прибор, изучили его оптическую схему, и тут Шошин обнаружил, что расчеты оптических осей немецкого прибора содержат ошибки. Он не только исправил эти ошибки, но и разработал новую математическую модель для расчетов перископов, и в результате на ГОМЗе были созданы приборы, не имеющие аналогов в мире. Старейшие работники завода вспоминают, что немецкие специалисты, работавшие после войны на ГОМЗе, очень удивлялись, что в России создают столь сложные высокоточные приборы. Один из них, профессор Конрад Кюн, говорил, что разработки ГОМЗа держатся на трех Иванах: Иване

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Выдано гр^{ду} города Ленинграда

Шошину Ивану Алексеевичу

На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2/VII 1941 г. и постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 7/VIII 1942 г. Вы призваны для несения службы по защите города Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (школ, музеев, и пр.). На Вас возлагается обязанность быть стойким и мужественным бойцом групп самозащиты местной противовоздушной обороны домохозяйств города.

Военный комиссар
Петроградск
района

Мобилизационное предписание И.А. Шошина для несения службы по защите Ленинграда от воздушного и химического нападения и его противопожарной охране. Ленинград, 1942 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

Шошине, Иване Лебедеве и Иване Муравейском. Эти люди были уникальными специалистами, обладали высоким уровнем инженерных знаний, широчайшим кругозором, свободно владели несколькими иностранными языками [74].

В годы Великой Отечественной войны И.А. Шошин находился в блокадном Ленинграде, хотя мог и должен был эвакуироваться с заводом. Он оставался в городе, поскольку не мог бросить здесь жену – врача-хирурга больницы им. Эрисмана, которую не отпускали из прифронтового города. Серафим Сухопаров, профессор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, бывший в годы войны рабочим на заводе и студентом-вечерником, вспоминал, как в суровую первую блокадную зиму у него украли все документы и хлебные карточки, что означало по тому времени верную смерть. Иван Алексеевич принес умирающему юноше немного хлеба, который, как он сказал, собрали работники завода, а на самом деле, он взял его по своей собственной карточке, ставя под угрозу, таким образом, и свою собственную жизнь. Поддержав юношу, он добился выделения ему места в самолете,

вывозившего особо ценных специалистов из города и тем самым спас ему жизнь. Сухопаров «отработал» потом этот аванс, став действительно крупным специалистом-оптиком [75].

Помимо производственной деятельности во время блокады Ленинграда И.А. Шошин также привлекался к несению службы по защите города от воздушных и химических нападений и противопожарной охране домов и общественных зданий, тем самым непосредственно участвуя в обороне города [76].

Среди научно-производственных работ И.А. Шошина можно также назвать изучение влияния температуры на точные оптические приборы, разработка схем делительных машин, позволивших наладить производство высокоточных шкал и сеток на стекле, освоение методики алюминирования оптических деталей, спекания точных деталей из оптического стекла и плавленного кварца, выращивание искусственных кристаллов.

Свою напряженную научно-производственную деятельность И.А. Шошин сочетал с преподавательской работой. Еще не закончив университет он был избран на должность преподавателя-ассистента Электротехнического института, где ассистиро-

Иван Алексеевич Шошин.
Из семейного архива И. Сувориной

вал профессору С.И. Покровскому, руководил лабораторными занятиями и заведовал Второй физической лабораторией до 1926 г. В 1922 г. он был зачислен на должность ассистента Петроградского университета, где позже работал на должности старшего ассистента и заведующего Второй физической лабораторией до 1935 г. [77] Длительное время он был членом Совета Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО), а также членом Ученого совета и председателем Государственной экзаменационной комиссии Оптического факультета ЛИТМО. Помимо этого, он работал в оргбюро и правлении Ленинградского отделения научно-технического общества приборостроения и в комиссии по спектроскопии при Отделении физико-математических наук АН СССР, был активным членом редколлегии журнала «Оптико-механическая промышленность» [78].

В качестве курьеза можно отметить, что, будучи ведущим специалистом по созданию оптических приборов военного назначения, И.А. Шошин до снятия с воинского учета в 1949 г. так и остался «сержантом запаса второй категории по ВУС N 110 должностной квалификации оптик». Наверно это уникальный случай, когда один из несомненных «генералов» военно-промышленного комплекса носил воинское звание сержант [79]. Это особенно странно, поскольку во время командировки в 1946–1947 гг. в Германию для изучения оптического производства на заводе в Йене (завод Карл Цейс – Йена) Иван Алексеевич носил военный мундир с погонами подполковника. По-видимому, это «условное чинопроизводство» Военное министерство СССР при снятии И.А. Шошина с воинского учета отменило, чтобы не выплачивать ему потом какие-либо пенсионные выплаты.

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 31
(взамен военного билета)

Действительно по Бессербию 194 г.

Выдано настоящее военнообязанному Шошину Ивану Алексеевичу 1895 года рождения
(фамилия, имя, отчество)

в том, что он действительно принят на временный воинский учет
сержант состава запаса второй
категории по ВУС № 110 должностной квалификации
оптик, что и удостоверяется.

Временное удостоверение выдано вместо военного билета
(указать причину. Если
учетные сведения записаны со слов военнослужащего,
учету за достоверность сведений кредитного воина
то об этом сделать оговорку)

До истечения срока действия временного удостоверения, оно
должно быть заменено на постоянный военный билет.

Подпись Иван Шошин 29. июля 1949 г.

Печать: Ленинградский институт точной механики и оптики

Удостоверение о принятии И.А. Шошина на воинский учет как сержанта, по специальности «оптик». 1949 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

По следам старой фотографии

Умер Иван Алексеевич 27 октября 1958 г. будучи в течение 28 лет фактическим руководителем всей опытно-конструкторской работы на ГОМЗе [80].

У Ивана Алексеевича было двое детей. Старший сын умер в возрасте четырех с половиной лет, а младшая дочь, Татьяна появилась на свет в 1936 г., когда ее родителям уже было за 40. В настоящее время Татьяна Ивановна – единственная из живых внуков Алексея Петровича Шошина. В войну она была в эвакуации с детским садом, где медсестрой работала одна из сестер ее матери. Татьяна Ивановна закончила Ленинградский технологический институт, вышла замуж за однокурсника, гражданина Румынии Андрея Брейнера, инженера-химика и проживает в настоящее время в Бухаресте. Ее старший сын Иван работает инженером-механиком в Австрии, младший сын Антон занимается филологией, русским языком и литературой и пишет диссертацию в Чикагском университете. Пожалуй, именно Татьяна Ивановна Шошина сейчас является главной хранительницей истории семьи [81].

О жене Ивана Алексеевича, Ксении Васильевне разговор отдельный. В 1920 г. Анна Алексеевна Шошина, сестра Ивана Алексеевича училась в Петрограде в Первом медицинском институте и проживала на съемной квартире на Петроградской стороне на Большой Пушкарской улице, недалеко от больницы Эрисмана, которая была институтской клиникой. Вместе с ней в этой квартире жила и Ксения Васильевна Загладимова – младшая сестра военного инженера подполковника Петра Васильевича Загладимова, служившего во Владивостоке в 1911–1915 гг. и бывшего тогда в непосредственном подчинении у генерала А.П. Шошина. Иван Алексеевич часто приходил к сестре в гости, где, по-видимому, и произошло его знакомство с Ксенией Васильевной, которая была его ровесницей, завершившееся женитьбой [82]. Брак был зарегистрирован Петроградским столом записей актов гражданского состояния 18 августа 1921 г. [83] Таким об-

разом, семьи двух владивостокских военных инженеров породнились. Алексей Петрович Шошин, был, скорее всего, весьма доволен выбором сына, поскольку Петра Васильевича Загладимова очень высоко ценил как во Владивостоке, так и по совместной службе в Красной армии [84]. Как вспоминает Татьяна Ивановна Шошина, между родственниками Ивана Алексеевича и Ксении Васильевны сложились очень теплые доверительные личные отношения, которые сохранились и до настоящего времени [85].

Военный инженер Петр Васильевич ЗАГЛАДИМОВ

Петр Васильевич Загладимов родился 10 сентября 1880 г. и происходил из крестьян Ярославской губернии. Его семья переехала в Петербург и все его братья и сестры (всего в семье было восемь детей – четверо мальчиков и четверо девочек) родились, как вспоминает Татьяна Ивановна Шошина, уже там. Нам не известно, чем именно занимались переселившиеся в Петербург родители Петра Васильевича – судя по тому, что все их дети выбились в люди, за исключением одного брата и одной сестры, погибших в Гражданскую войну, они были людьми небедными. Девочки пошли по медицинской части. Одна из сестер – Ксения Васильевна стала крупным врачом-хирургом и кандидатом медицинских наук, две другие – медицинскими сестрами. Двое братьев Петра Васильевича стали инженерами – одни строителем, а другой – механиком. Тем не менее, жизнь семьи не была и слишком легкой, поскольку сам Петр Васильевич имел лишь домашнее образование, и ему впоследствии пришлось выдержать экзамен из полного курса Николаевского кадетского корпуса, чтобы получить среднее образование экстерном. Мать Петра Васильевича умерла в 1905 г., когда он уже был офицером, спустя два года умер и его отец, и старшим братьям и сестрам пришлось растить младших. По-видимому, это

Юнкер Московского военного училища Петр Васильевич Загладимов. Москва, 1902 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной

была очень дружная семья, раз ее не смогла погубить даже преждевременная смерть родителей [86].

Ирина Дмитриевна Андреева, внучка Петра Васильевича вспоминает: «А про сестер и братьев Петра Васильевича Загладимова могу сказать, что мы часто бывали в Ленинграде у них в гостях - это были потрясающе красивые - высокие светловолосые тогда уже пожилые люди, очень образованные, интеллигентные - ну просто викинги! Да, еще я знаю, что моя бабушка - Екатерина Никифоровна была в дальнем родстве с Рахманиновым» [87].

Военная служба Петра Васильевича началась 29 августа 1901 г., когда он, уехав из Петербурга, поступил в Московское военное училище юнкером рядового звания. 10 августа 1903 г. он, как закончивший училище по первому разряду, был произведен высочайшим приказом в подпоручики (со старшинством 10 августа 1902 г.) с зачислением в 3-й Гренадерский Перновский Короля Фридриха Вильгельма IV полк. Девятого сентября он прибыл в полк и начал там

свою офицерскую службу. Карьера общевойскового офицера не вполне удовлетворяла П.В. Загладимова, и он решил готовиться к поступлению в Николаевскую инженерную академию, что требовало весьма серьезной подготовки. Может быть именно поэтому 11 января 1905 г. его назначили библиотекарем офицерского собрания, однако затянувшаяся Русско-японская война внесла коррективы в его планы. Второго марта он сдает должность, а 7 марта его откомандировывают в распоряжение штаба Одесского военного округа на укомплектование 53-й и 70-й дивизий. Пятого июня высочайшим приказом его переводят в 211-й Евпаторийский пехотный полк, и он отправляется на театр военных действий в Маньчжурию. Прика-

БОЖИЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧАІИ И ПРОЧАІИ, И ПРОЧАІИ.

*Нашему Поручику 3-го Гренадерскаго
Перновскаго Короля Фридриха Вильгельма
IV полка Петру Загладимову.*

*Во воздаяніе отличій, оказанныхъ вами въ Службѣ противъ японцевъ, подтверждаю награжденіе ваше, подлежащее наглаго-
лѣнію, по предоставленіи мнѣ отъ Васъ вахты, наградъ.
Вселичестивѣйше пожаловали Мы Васъ, Николая, въ 31 день
Августа 1907 года Капитану Единоличію, Губернатору
Императорскаго Ордена Нашего Святого Анны
четвертой степени съ надѣждою, за храбрость,
въ 6 Января 1907 года.*

*Грамоту сию въ свѣдѣтельство подписать, Орденомъ
наглаголѣнію утвердить и знаки Ордена препроводить въ ваше
Почтамтъ Мы Капитану Российскаго Императорскаго
и Царскаго Ордена.
Дана въ Санктпетербургѣ въ 28 день Слѣдъ 1908 года*

Исполненіи графини Капитанъ Ордена

Въ Санктпетербургѣ Капитанъ Ордена

15960

Высочайший указ о награждении поручика П.В. Загладимова «в воздаяние отличий в делах против японцев» орденом Святой Анны 4-й степени. 1907 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

По следам старой фотографии

зом по войскам 1-й Маньчжурской армии от 7 ноября 1905 г. его награждают орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость». И награждение это было высочайше утверждено 31 августа 1907 г. [88]

Одиннадцатого сентября 1905 г. его, как одного из наиболее авторитетных офицеров, назначают делопроизводителем полкового суда. Двадцать седьмого апреля 1906 г. Заглядимов возвращают в полк, где он начинал офицерскую службу – 3-й Гренадерский, куда он смог прибыть лишь 1 июня. 1 ноября 1906 г. его производят в поручики. 21 апреля 1907 г. ему «пожаловали» светло-бронзовую медаль «В память Русско-японской войны».

В июне 1907 г. Заглядимов начал готовиться к поступлению в Николаевскую инженерную академию. Поскольку он был пехотинцем, то его сперва командировали в штаб 6-й Саперной бригады для «держания предварительного испытания», которое он успешно выдержал. Двадцатого августа 1907 г. поручик Заглядимов прибыл в академию для сдачи экзаменов и 24 октября был зачислен штатным слушателем в младший класс, а затем зачислен по инженерным войскам с прикомандированием к академии. В ноябре 1909 г. он закончил по первому разряду старший класс академии, а 29 мая 1910 г. успешно закончил дополнительный курс академии, за отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны с переводом в 13-й Саперный батальон в Москву, где вскоре ему присваивают звание военного инженера [89].

Во время учебы в академии П.В. Заглядимов женился на Екатерине Никифоровне Шоппо, дворянке и дочери умершего петербургского чиновника. Вот что сказано об этом событии в выписке из метрической книги за 1907 г., выданной причтом Петропавловской, при Николаевской инженерной академии и училище церкви г. Санкт-Петербурга, сохранившейся в семейном архиве Заглядимовых:

Екатерина Никифоровна Заглядимова (урожденная Шоппо). Владивосток, 1914 г. Из семейного архива Сергея и Александры Заглядимовых

«Одиннадцатого ноября. Состоящий при Николаевской инженерной академии 3-го Гренадерского Короля Фридриха-Вильгельма IV полка поручик Петр Васильевич Заглядимов, православного вероисповедания, первым браком. 27 лет. Дочь умершего коллежского асессора Никифора Яковлевича Шоппо, домашняя наставница девица Екатерина Никифоровна Шоппо, православного вероисповедания, первым браком. 21 года. Таинство совершал протоиерей Аполлоний Темнолипров с дьяконом Николаем Завариным. Поручителями были по жениху: поручик 3-го Гренадерского Перновского полка Василий Митрофанов Витальев и Лейб Гвар-

дии 2-й артиллерийской бригады подпоручик Александр Георгиевич Фракман. По невесте: дворянин Степан Клементьевич Шанявский и потомственный дворянин Анатолий Владимирович Сомов» [90].

По воспоминаниям родственников Екатерина Никифоровна получила образование в Смольнинском институте благородных девиц [91]. Судя по записи в метрической книге, она зарабатывала до замужества на жизнь своим трудом.

С 1911 г. служба Загладимова проходит во Владивостоке, в Управлении Строителя Владивостокской крепости, где открылся широчайший простор для его инженерной деятельности. Сперва он заведует инженерными мастерскими Строительства, а с 1913 г. – эксплуатацией сети подвесных канатных дорог и узкоколейной железнодорожной ветки на паровой тяге. С ноября 1914 г. он исполняет обязанности производителя работ по постройке форта № 7 и опорного пункта литер З. В 1911 г. его производят в капитаны.

Вот как характеризовал инженерную деятельность П.В. Загладимова в 1922 г. сам А.П. Шошин:

«Военный инженер Петр Васильевич Загладимов состоял старшим производителем работ при постройке Владивостокской крепости, заведывая инженерною мастерскою, деятельность которой соответствовала большому механическому заводу по 300–400 рабочих, – эксплуатацией узкоколейной железной дороги с паровою тягою при 28 парах поездов и сетью подвесных канатных дорог, общей длинной в 21 версту, действующих помощью электро и паровыми двигателями. Затем Петр Васильевич был строителем крепостного форта [форта № 7 – прим. авт.], при постройке которого вел обширные бетонные и железобетонные работы механическим способом при передаче силы на расстояние, скальные и тоннельные работы при помощи перфораторов, каменные и самые разнообразные строительные работы.

Все работы велись хозяйственным способом: при выполнении работ Петр Василье-

вич проявил выдающийся инженерный талант и соответствующие знания и большую организаторскую способность, очень ценную при хозяйственном способе, отличаясь безупречной добросовестностью и честностью. Во время Мировой и гражданской войн оказал выдающиеся способности и оказался сам выдающимся военным инженером. Одно время был Главным руководителем работ 1-й Трудовой армии на Урале, где образцово поставил порученную ему работу. Военный инженер Петр Васильевич Загладимов при своих теоретических, практических и хозяйственных знаниях и безупречной добросовестности смело может быть рекомендован для всякого рода инженерной деятельности.

Бывший Начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости,

Зам. председателя Инженерного Комитета Главного Военно-инженерного управления

Военный инженер Алексей Петрович Шошин

г. Москва
30 июля 1922 г.» [92]

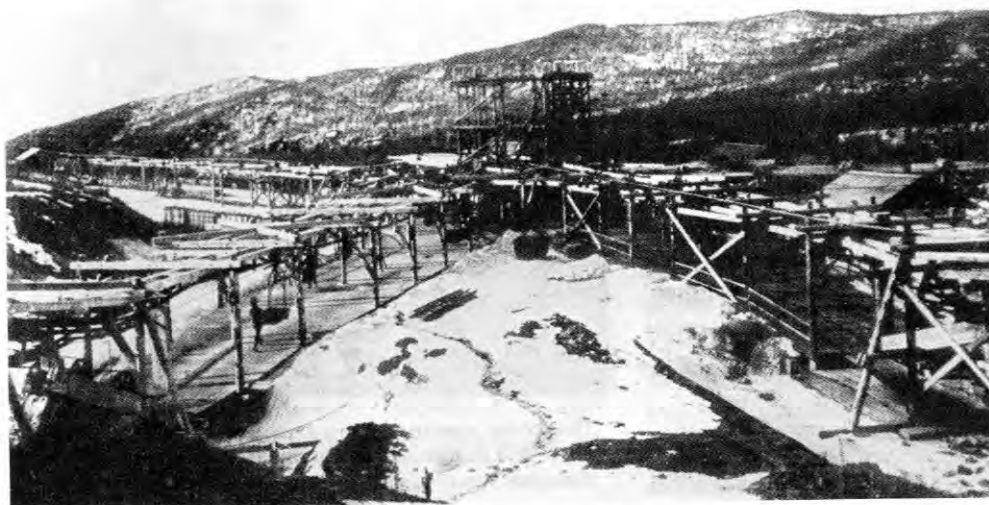
Подвесная канатная дорога, эксплуатацией которой в 1913–1914 гг. заведовал военный инженер капитан П.В. Загладимов. Из собрания Г. П. Турмова

Прибытие поезда со строительными материалами на станцию узкоколейной железной дороги «Снеговая». 1912 г. Эксплуатацией железной дороги П.В. Загладимов заведовал в 1913–1914 гг.
Из фондов РГВИА

Гористый рельеф полуострова Муравьева-Амурского и связанные с этим серьезные проблемы с доставкой большого количества грузов на строящиеся форты, привел владивостокских инженеров к необходимости в самых широких масштабах использовать подвесные канатные дороги. Для подачи к ним грузов от станции «Вторая Речка» была построена узкоколейная железная дорога на паровой тяге с двумя станциями «Средняя» и «Снеговая». От первой станции грузы подавались по канатным дорогам на

форты N 7, 6, а также опорный пункт литер Ж, а со второй – на все остальные строящиеся форты Северного отдела крепости. Опоры дорог были деревянными, причем для них возводились массивные каменно-бутовые фундаменты. Всего в этих группах насчитывалась 44 и 71 опора, а общая длина соответственно составляла 2281,8 и 6279,1 сажени. В течение 1912 г. первая группа дорог на полуострове (от станции узкоколейной железной дороги «Средняя»), протяженностью около 4,5 верст, вступила в строй.

Станция канатной дороги «Снеговая», где происходила перевалка грузов с узкоколейной железной дороги. 1912 г.
Из фондов РГВИА

Она могла подавать в день при одной смене людей по 10 тыс. пудов сыпучих или упакованных грузов на каждый из двух участков – форты № 6 и 7. Вторая группа (от станции узкоколейной железной дороги “Снеговая”), протяжением около 13 верст, была окончена позже, но тоже в течение 1912 г. и имела такую же пропускную способность, однако линии к форту № 1 и мортирным батареям № I и II у бухты Горностай пришлось делать облегченными, с пропускной способностью 2500 пудов в день, с нагрузкой не более 20 пудов в одной вагонетке. Всего по канатным дорогам к концу 1912 г. было перемещено 6 млн пудов грузов [93]. Проектированием и строительством железной дороги и канатных дорог первоначально руководил военный инженер штабс-капитан Яковлев, которого в мае 1913 г. и сменил военный инженер капитан П.В. Заглядимов, и на долю которого выпала не менее сложная задача налаживания постоянной эксплуатации этой уникальной транспортной системы, охватывающей п-ов Муравьева-Амурского от Амур-

ского до Уссурийского заливов. А произведенный к тому времени в капитаны Яковлев в связи с новым назначением подполковника В.С. Торопова (автора проекта форта № 7 и производителя работ по его постройке) был назначен исполнять его должность. В ноябре 1914 г. уже П.В. Заглядимов занял должность производителя работ по постройке форта № 7 и опорного пункта литер 3 (производителя работ 7-го участка Временного управления Строителя Владивостокской крепости) и исполнял ее по июнь 1915 г., т.е. до своей отправки в Действующую Армию [94].

Форт № 7, несмотря на свои относительно небольшие размеры, был одним из наиболее интересных сооружений Владивостокской крепости. Расположенный в районе нынешнего Академгородка на высоте 77 (в настоящее время г. Торопова или выс. 164 м), он предназначался для размещения роты пехоты (235 человек), 68 артиллеристов, 20 пулеметчиков и 53 саперов и минеров. Вооружение форта – четыре противотанковых орудия, четыре 3-дюймовых скорострельных пушки для фланкирования

Военный инженер капитан П.В. Заглядимов (в центре) с сослуживцами. Владивосток, 1914 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых

По следам старой фотографии

промежутков, пять 57-мм пушек Норден-фельда на капонирных лафетах и восемь пулеметов. [95] Форт должен был обеспечить стык сухопутного оборонительного обвода и побережья Амурского залива, поэтому он обращен фронтом не на северо-восток, как все остальные форты Северного отдела обороны, а на северо-запад, в сторону берега. Форт являлся наименьшим по размеру среди остальных фортов Северного отдела, но обладал большинством конструктивных элементов, присущими русским фортам того времени – углообразным в плане рвом, прикрывавшим форт с направления наиболее вероятной атаки, двойным кофром – казематированной постройкой, из которой ров простреливался продольным пушечным огнем и обеспеченной от подземной минной атаки системой контрминных галерей, бетонным бруствером с позицией для стрелков и площадками для трехдюймовых противотанковых и скорострельных орудий. В толще бетонного массива бруствера было оборудовано убежище для дежурной части в виде сплошной подбрустверной галереи. Все части форта связывались друг с другом подземными галереями-потернами.

Основным отличием форта по составу элементов от существовавших в то время типовых проектов было наличие обширной тоннельной казармы, расположенной в толще горы, на которой располагался форт. Из казармы можно было попасть на основную линию огня по трем подземным галереям, а в тыл форта – по двум. Кроме того, из казармы можно было подняться по вертикальной шахте и к главному наблюдательному посту форта, который предполагалось устроить в виде бронированного колпака, утопленного в бетонный массив, расположенный на вершине горы. Шахта имела весьма внушительные размеры, как по высоте, так и по диаметру, и в ней были установлены шесть широких лестничных маршей, обеспечивавших быстрый выход гарнизона на вершину горы в замкнутый «8»-образный в плане окоп, выполнявший функции редюита – последнего рубежа обороны внутри форта на случай занятия неприятелем стрелкового бруствера. В

Военный инженер капитан П.В. Загладимов на отдыхе. Владивосток, 1914 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

разреze эта шахта и венчающий ее бетонный массив наблюдательного поста и выхода на редюит напоминали зарытый в землю донжон средневекового замка, почему иногда это сооружение именовали главной башней форта. Такое решение выхода из казармы на редюит не имело аналогов в русских крепостях.

В 1912 г. и первой половине 1913 г. на форту выполнили все бетонные работы первой очереди, т.е. набили бруствер с подбрустверной галереей и убежищами противотанковых орудий, а также кофр, но вот окончание обделки тоннельной казармы, оборудование шахты выхода на редюит, и бетонирование блоков тыльных выходов, строившихся уже по инструкции 1914 г., уже легло на П.В. Загладимова. В строительный сезон 1914 г. провели планировку гласиса, отрыли военную улицу вдоль бруствера, устроили кювет во рву, проводили одерновку, усиление камнем стен и сводов, а так-

За
ПОМОЩНИКЪ СТРОИТЕЛЯ
Владивостокской Крѣпости
Завѣдывающій Канцеляріей.

Военному Инженеру К а п и т а н у
З а г л я д и м о в у.

Отдѣленіе Инспекторское
28-го Сентяб. 1913 г.

Вход. № 1018
30 Сентяб. 1913 г.

Препровождая при семъ свидѣтельство
на пожалованную Вамъ ВЫСОЧАЙШЕ учре-
жденную медаль въ память 300-лѣтія ЦАР-
СТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ, сообщаю, что
упоминаемая медаль будетъ Вамъ выслана
по полученіи отъ Штаба Владивостокской
крѣпости.

ПРИЛОЖЕНІЕ: свидѣтельство за № 9.315.

Военный Инженеръ,
П о л к о в н и к ъ
Завѣдывающій Отдѣленіемъ,
Штабс-К а п и т а н ъ Мещанъ.

Начальникъ Инженеро-
въ и Строитель Владивостокской
Крѣпости Военный Инженеръ,
Генералъ-Майоръ Шанинъ

Помощникъ Строителя Крѣпости
Завѣдывающій канцеляріей
Военный Инженеръ, Полковникъ Шанинъ

Завѣдывающій
Инспекторскимъ Отдѣленіемъ
Штабс-Капитанъ Мещанъ.

Сопроводительное письмо к сви-
детельству на пожалованную во-
енному инженеру капитану П.В.
Загладимову медаль в память
300-летия Царствующего Дома
Романовых. Из семейного архи-
ва Сергея и Александра Загладимовых

же вырубку в сводах выемок под швеллера. Тогда же проводили гидроизоляцию стен и сводов, оборудовали электростанцию и пекарню в казематах. В 1915 г. на форту выполнили оставшиеся бетонные работы и он был почти полностью закончен постройкой, за исключением укладки противооткольных швеллеров. В результате было построено уникальное в русской инженерной практике

фортификационное сооружении и не вина его строителей В.С. Торопова, Яковлева и П.В. Загладимова, что в советское время органы ОГПУ стали использовать его в качестве места заключения [96]. После отъезда в 1915 г. П.В. Загладимова на фронт форт достраивал военный инженер полковник И.Х. Шволковский из морской строительной части.

Аттестация военного инженера капитана П.В. Заглядимова за 1913 г., подписанная Начальником инженеров и Строителем Владивостокской крепости генерал-майором А.П. Шошиным и его пошником военным инженером полковником Э.О. Маком. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых

Весьма успешная работа Заглядимова на строительстве Владивостокской крепости была отмечена наградами: орденом Св. Станислава 3-й ст. (6 декабря 1913 г.), светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте «В память 100-летия Отечественной войны» (январь 1914 г.), светлобронзовой медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых» (28 сентября 1913 г.) [97] По итогам аттестации П.В. Заглядимова 9 декабря 1913 г. А.П. Шошин написал; «Нижѣ сего объявляю Вамъ окончательное решение мое по Вашей аттестаціи за 1913 г. «Отличнѣйшій. Подлежит выдвигенію на должность старшего производителя работъ»» [98].

Шестого января 1915 г. Заглядимов был допущен к исполнению должности старшего производителя работ, а 25 июня 1915 г. его откомандировывают из Владивостока в распоряжение Главного военно-технического управления для последующей отправки в

Действующую Армию [99], где он служил в Управлении руководителя работ по укреплению позиций в районе III армии Западного фронта, которое, в начале 1916 г. было переименовано в Управление начальника работ по укреплению позиций в районе III армии, а затем в Управление начальника инженеров III армии.

В марте 1916 г. «за отлично-усердную службу и труды понесенные во время военных действий» Заглядимов был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. и был допущен к исполнению должности младшего, а вскоре и старшего производителя работ. 30 июня 1916 г. Заглядимова произвели в подполковники с утверждением в должности старшего производителя работ, а в августе наградили орденом Св. Анны 2-й ст.

Подполковником Заглядимов пробыл недолго, поскольку вскоре после Октябрьского переворота приказом по III армии от

Пермского
укрепленного района

Июль 1919 года
№ 244

гор. Пермь.

М А Н Д А Т.

Дан сей тов. ЗАГЛЯДИМОВУ в том, что он действительно есть Начальник инженеров Пермского укрепленного района.

Тов. ЗАГЛЯДИМОВ имеет право пользоваться прямым проводом, телеграфом и телефоном, а также правом свободного передвижения в границах Пермского укрепленного района по грунтовым, железным дорогам и водным путям, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Действительно по 1 Сентября 1919г.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ: КОМАНДАНТ

Ч Л Е Н Ы:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Мандат П.В. Заглядинова о том, что он является начальником инженеров Пермского укрепленного района. Подписан будущим «врагом народа» В.К. Блюхером. 1919 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядиновых

4 0 8 5 9

Действительно в течении 6 мес.

Удостоверение № 3736

Предъявитель сего ~~ли~~ Военный Инженер ЗАГЛЯДИМОВ Петр Васильевич

действительно ~~состоит на службе~~ есть Руководитель работ Военно-Полевых Строительств Трудовой Армии

~~XXXXXX~~

что подписью и приложением печати удостоверяется

Подпись руки тов. Заглядинова

Удостоверен ~~Врид. Начальника~~ Врид. Начальника Управления Военных Комиссар

20-го апреля 1920г.

Врид. Начальника Управления Военных Комиссар

Удостоверения руководителя работ военно-полевых строителей Трудовой армии военного инженера П.В. Заглядинова. 1920 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядиновых

К О П И Я

Т Е Л Е Г Р А М М А

Комзав, копия москва Совообороны Копия Предреввоенсовресп
т. ТРОЦКОМУ

Москва Секретно без заголовка

Ввиду отсутствия армии соответствующего кандидата на
должность Начинарма 16 ходатайствую о назначении на
таковую быв. Начинарма третьей ЗАГЛЯДИМОВА точка 0 по
следующем решении благоволиите уведомить точка 3 июня
1920 года № 1189/иш Командарм 16 Н. Соллогубов Член
РВС МУЛИН ПЯТАКОВ.

Верно:

Делопроизводитель *Иванов*

Резолюция т. ГЛАВКОМА"

"Помначштаб надо на-
значить С. ВАСИЛЬЕВ.

Верно:

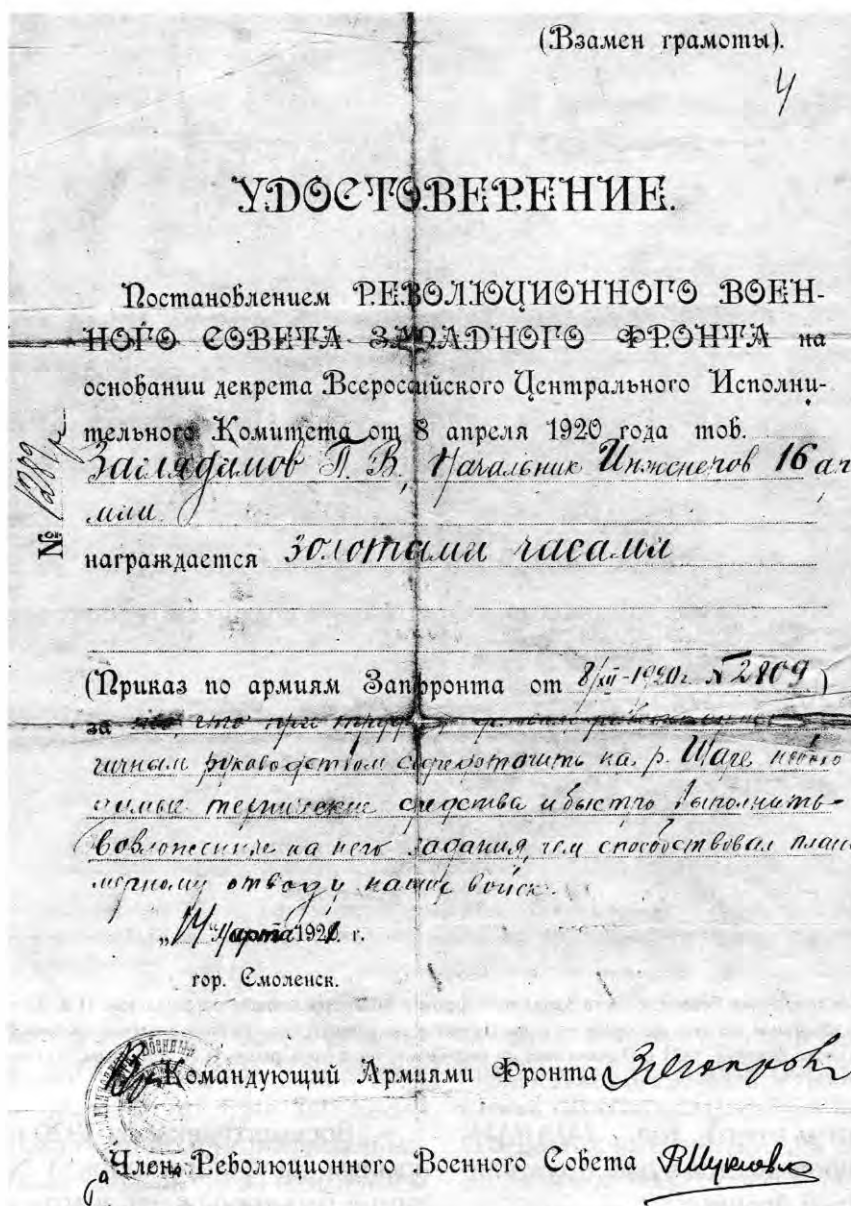
Делопроизводитель *Иванов*

Копия телеграммы с ходатайством Реввоенсовета 16-й армии о назначении П.В. Загладимов начальником
инженеров 16-й армии. Один из адресатов телеграммы «враг народа» Л.Д. Троцкий, а один из отправителей
«враг народа» Ю.А. Пятаков. 1920 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

27 ноября 1917 г. за N 3012 были отменены офицерское звание, чины, а также упразднены все ордена и знаки отличия. Более того, поскольку в армии была введена выборность командного состава, а Загладимов не избрали на его собственную должность, то, как не избранный, он был вынужден сдать дела по своему участку 21 января 1918 г. и отбыть 16 февраля в Петроград в распоряжение Главного военно-технического управления [100]. Как не избранный на должность Загладимов не был даже «удовлетворен деньгами на теплые вещи по сроку 1917/18 года» что было удостоверено «подписью и приложением казенной печати» на выданной ему справке, которую в память о событиях 1917 г. он сохранил в своем семейном архиве [101].

Поскольку Петр Васильевич оказался в начале 1918 г. в Петрограде в распоряжении Главного военно-технического управления, то он естественным образом оказался на стороне красных, тем более, что в феврале 1918 г. возобновились бои под Псковом и Нарвой и новая власть была вынуждена привлечь бывших офицеров к решению задач

по локализации деятельности разведывательных отрядов немецких войск в сторону Петрограда. Бывший подполковник Загладимов стал помощником Главного руководителя работ по обороне Петергофского участка города Петрограда и принял участие в спешном создании оборонительных рубежей на подступах к городу [102]. Дальнейшая служба Петра Васильевича в Красной Армии проходила на Восточном фронте, где он занимал должности Начальника военно-полевого строительства и Начальника инженеров III армии, и производил оборонительные работы под Казанью, где летом 1918 г. решалась судьба большевистского режима, а затем на Урале под Пермью и Вяткой [103]. После окончания боев на Урале, когда в конце 1919 г. III армия была преобразована в 1-ю Армию Труда, Загладимов руководил работами Военно-полевых строителств по восстановлению железных дорог и мостов на Урале, а также заготовкой топлива [104]. В зиму 1919–1920 гг. трудармейцы заготовили свыше миллиона кубометров дров, что дало возможность восстановить железнодорожное движение на участке Омск-Екатерин-

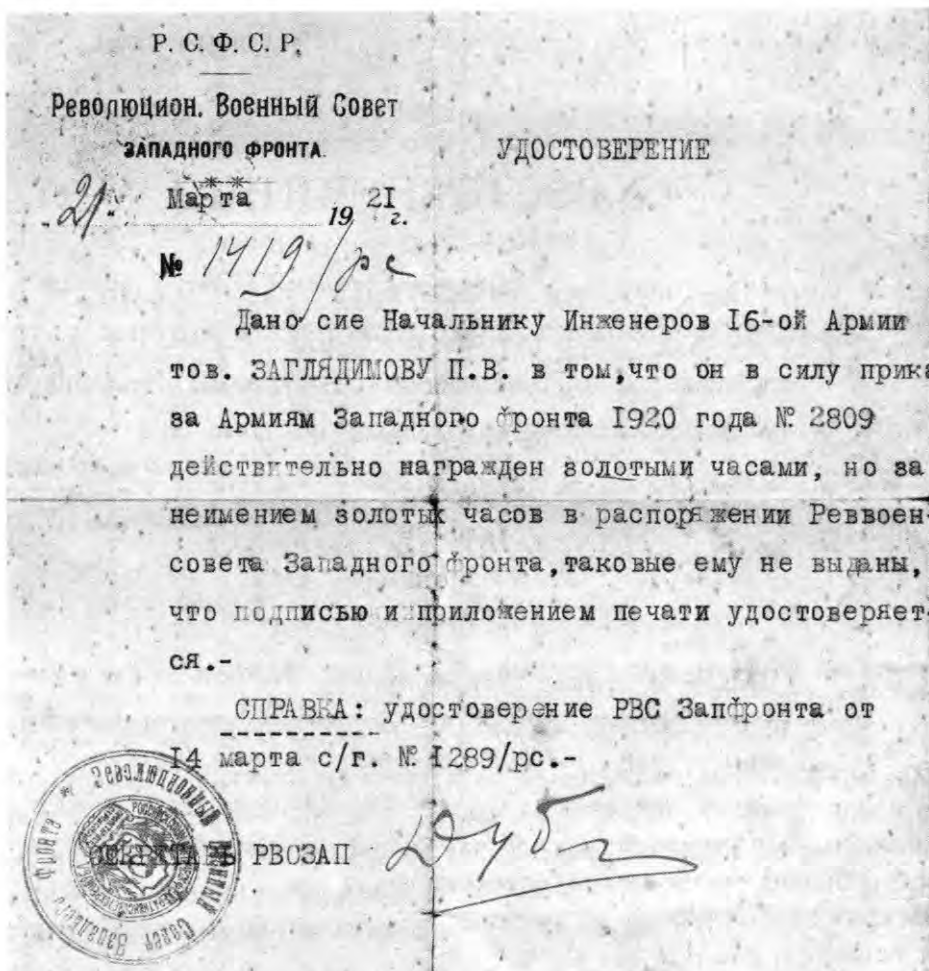

Удостоверение о награждении Реввоенсоветом Западного фронта П.В. Заглядинова золотыми часами. Подписано «врагом народа» Р.А. Муклевичем. 1920 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядиновых

бург и снабдить топливом промышленность Урала.

В июне 1920 г. Заглядимов получил новое назначение – он стал начальником инженеров XVI армии Западного фронта, сражавшейся против поляков [105]. Театр военных действий изобиловал реками и болотами, поэтому для инженеров в ходе этой советско-польской войны было очень много

работы, связанной с обеспечения переправы войск через реки, как при наступлении, так и при вынужденном стратегическом отходе. О том, насколько быстрое прибытие Заглядинова на театр военных действий считалось важным для командования, свидетельствует выданное 27 июня 1920 г. в Екатеринбурге Советом 1-й Революционной Армии Труда ему следующее удостоверение:

Удостоверение Реввоенсовета Западного фронта подтверждающее награждение П.В. Загладимова золотыми часами, которые не выданы ему в виду отсутствия таковых в распоряжении РВС Западного фронта. 1921 г. Подписано, по-видимому, «врагом народа» И.Н. Дубовым. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

«Предъявитель сего тов. ЗАГЛЯДИМОВ, откомандировывается в распоряжение Реввоенсовета 16-й Армии.

Тов. ЗАГЛЯДИМОВУ разрешается проезд во всех вагонах как то: международных, штабных, воинских и проч.

Всем гражданским, а также и военным лицам и учреждениям предлагается оказывать тов. Загладимову должное содействие в скорейшем проезде к месту службы в 16-ю армию, что подписями и приложением печати удостоверяется

ЗАМПРЕДСОВТРУДАРМ I (подпись)
Врид. Управдел. Совтрударма (подпись)»
[106].

Восьмого декабря 1920 г. приказом по армиям Западного фронта N 2809 Загладимов был награжден золотыми часами «за то, что при трудных условиях работ сумел под личным руководством сосредоточить на р. Шаре необходимые технические средства и быстро выполнить возложенные на него задания, чем способствовал планомерному отводу наших войск». Соответствующее удостоверение, выписанное в Смоленске 14 марта 1921 г., подписанное временно исполняющим обязанности командующего армиями Западного фронта Захаровым и членом Реввоенсовета фронта Р.А. Муклевичем [107]. Тем не менее, реально вместо золотых часов Загладимов получил удивительную справку следующего содержания:

Удостоверение Полевого штаба Реввоенсовета Республики о прикомандировании военного инженера П.В. Загладимова к этому штабу. 1921 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

«Дано сие Начальнику Инженеров 16-ой Армии тов. ЗАГЛЯДИМОВУ П.В. в том, что он в силу приказа Армиям Западного Фронта 1920 года N 2809 действительно награжден золотыми часами, но за неимением золотых часов в распоряжении Реввоенсовета Западного фронта, таковые ему не выданы, что подписью и приложением печати удостоверяется». [108]

Тридцатого января 1921 г. Загладимова откомандировывают в Москву, в распоряжение Инспектора инженеров Полевого штаба Реввоенсовета Республики, и таким образом он вновь, как и во Владивостоке, поступил в прямое подчинение Алексея Петровича Шошина, а затем занял должность начальника Производственной части Отдела снабжений РККА [109]. Семнадцатого сентября 1921 г. и.д. председателя совета Московского ком-

бинированного куста при Реввоенсовете Республики Д.Н. Авров обратился с ходатайством об откомандировании Загладимова в его распоряжение [110], в связи с которым Загладимов подал рапорт непосредственному начальству о своей согласии на откомандирование. О том, с какой неохотой начальники отпускали Загладимова на работу в народное хозяйство, свидетельствуют резолюции на его рапорте. Один из начальников написал: «Как ни печально потерять такого сотрудника, как тов. Загладимов – придется дать согласие», а другой приписал рядом: «Согласен лишь в порядке совместительства» [111].

Переход к гражданской жизни был, по-видимому, задуман П.В. Загладимовым достаточно давно, скорее всего сразу же после его «неизбрания» на уже занимаемую им

Удостоверение, подписанное начальником Николаевской инженерной академии профессором Ф.И. Голениным об окончании полного курса академии, присвоении ему звания военного инженера и соответствующих прав по проектным и строительным работам наравне с гражданскими инженерами и инженерами путей сообщения. 1918 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых

должность в 1917 г., поскольку еще 30 мая 1918 г. он оформил специальное удостоверение от Николаевской инженерной академии за номером 1421, явно собравшись перейти к гражданской инженерной работе: «Дано сие Военному Инженеру Петру Васильевичу Загладимову в 1910 г. окончившему полный курс Николаевской инженерной академии в том, что постановлением Конференции Николаевской инженерной академии ему присуждено звание Военного Инженера и тем дарованы права, присвоенные военным инженерам, гражданским и инженерам путей сообщения по составлению проектов, утверждению их и по производству строи-

тельных работ...» [112]. Перспектив в армии, хотя бы ненадолго перешедшей к «демократическим» принципам организации, Загладимов похоже для себя не видел и во многом оказался прав. В 1925 г. Загладимов заключил договор с Отделом местного хозяйства Центрального исполнительного комитета Чеченской автономной области (Чечместхоз) и около года проработал в Грозном как инженер-строитель на восстановлении нефтепромыслов [113]. Загладимов также работал в Москве, в обществе «Госпромстрой», где участвовал в строительстве Дома Правительства (ул. Серафимовича), Центрального телеграфа, Дома Известий и др.

Большая часть последующей весьма плодотворной инженерной деятельности П.В. Заглядинова проходила в ведомствах, курируемых А.И. Микояном, и занимавшихся вопросами пищевой промышленности и торговли. Заглядинов работал в должности главного инженера объединенного Стройкома Наркомторга РСФСР и СССР, а после расформирования объединенного Стройкома был прикомандирован к А/О «Хладострой», откуда был переведен в феврале 1930 г. на работу главным инженером Строительной конторы при Наркомторге «Экспортстрой» [114]. В том же году он был назначен заместителем главного инженера Мясохладстроя, где участвовал в строительстве Московского, Семипалатинского и Орского мясокомбинатов. В 1936 г. Заглядинова назначили заместителем главного инженера Главрыбы,

а в 1938 г. его перевели на работу в проектный институт Гипрорыбпром начальником отдела, где он проработал свыше 23 лет.

В 1939 г. Заглядинову присвоили воинское звание полковника запаса, но уже в 1941 г. уволили в отставку за достижением предельного возраста. И, тем не менее, отставному полковнику П.В. Заглядинову пришлось еще раз проявить себя в качестве военного инженера. После начала Великой Отечественной войны, общий ход которой был первоначально катастрофическим для Красной Армии, институт Гипрорыбпром эвакуировали в Астрахань, однако отголоски войны дошли и туда. Для того, чтобы остановить стремительное продвижение немецких войск советское военное командование организовало беспрецедентные по своим масштабам оборонительные работы,

НКО СССР
АРМЕЙСКОЕ ПОЛЕВОЕ
Строительное Управление
№ 50
Н-ской Саперной Армии
отдел _____
23 «мрт» 1942 г.
№ _____

СПРАВКА.

Выдана Начальнику 1-го сектора инженеру ЗАГЛЯДИНОВУ П.В. в том, что он с 1-го ноября 41 года по 23 января 42 года работал на оборонительных работах.

В связи с окончанием строительства от работы освобожден и направлен по месту своей постоянной работы.

НАЧАЛЬНИК АДСУ № 50
ИНЖЕНЕР П-го РАЙОНА

А.А. Агапов
/АГАТОВ/

7446

Справка, выданная начальнику 1-го сектора Армейского военно-полевого строительства N 50 5-го управления оборонительных работ о том, что с ноября 1941 по январь 1942 г. он участвовал в оборонительных работах. 1942 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядиновых

включая строительство оборонительных рубежей в глубоком стратегическом тылу, которым в 1941 г. было нижнее Поволжье. К концу 1941 г. десять саперных армий, подчиненных Главному управлению оборонительного строительства Народного комиссариата обороны СССР перекапывали европейскую часть страны от Москвы и Донбасса до Волги. Пятая саперная армия вела оборонительные работы под Сталинградом, а образованное в ее составе 5-е управление оборонительных работ занималось строительством оборонительных рубежей на подступах к Астрахани [115]. Само собой разумеется, что П.В. Загладимов, профессией которого было строительство оборонительных рубежей, не мог остаться в стороне от развернувшейся небывалой строительной эпопеи и его назначили начальником 1-го сектора Армейского полевого строительного управления N 50-а, в каковом качестве он и проработал с 1 ноября 1941 г. по 23 января 1942 г., т.е. до завершения строительства [116].

После окончания войны П.В. Загладимов многие годы продолжал заведовать отделом в Гипрорыбпроме, несмотря на весьма преклонные годы. В декабре 1960 г. в связи с восьмидесятилетием инженера Загладимова Дирекция и общественные организации Гипрорыбпрома возбудили перед Всероссийским Советом Народного Хозяйства ходатайство о назначении ему персональной пенсии, однако в феврале 1961 г. Отдел кадров ВСНХ сообщил Загладимову, что возбуждать ходатайство не будет за недостаточностью заслуг. После этого П.В. Загладимов написал письмо А.И. Микояну, под начальством которого он проработал свыше тридцати одного года, и, по-видимому, искомая пенсия была ему назначена [117]. Умер Петр Васильевич 27 января 1966 г. в Москве в возрасте 85 лет от гипертонической болезни [118].

У Петра Васильевича было трое детей – два сына и дочь. Оба сына стали крупными специалистами в области железнодорожного транспорта. Его младший сын, **Михаил Петрович**, родился во Владивостоке в

1911 г. Он работал начальником Монтажного бюро Службы электрификации Московской железной дороги, в октябре 1941 г. ушел в народное ополчение, был тяжело ранен, а после ранения переведен в распоряжение Центрального управления Военных сообщений Наркомата обороны СССР и стал, таким образом, кадровым военным. В 1943 г. его перевели в Центральный аппарат Наркомата обороны. Последняя должность, которую занимал Михаил Петрович в системе Министерства обороны – начальник отдела Центрального управления Военных сообщений, с которой в звании инженер-полковника он демобилизовался в 1969 г. и работал в системе Академии Наук, будучи ученым секретарем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме единой транспортной системы СССР и формально числясь старшим научным сотрудником Института высоких температур [119].

Старший сын Петра Васильевича Загладимова – **Дмитрий Петрович**, родившийся в 1908 г. в Петербурге, также стал инженером и крупным специалистом в области железнодорожного транспорта. В годы Великой Отечественной войны он работал на ответственных должностях в аппарате Наркомата путей сообщения, занимаясь вопросами организации воинских перевозок. С 1950 по 1953 г. Д.П. Загладимов занимал должность заместителя председателя Госплана СССР, где курировал вопросы транспорта. После тяжелой болезни он оставил эту должность, но по-прежнему находился на ответственной работе в области железнодорожного транспорта, будучи, до своей скоропостижной кончины 2 мая 1965 г., заместителем начальника Отдела народнохозяйственного плана по транспорту и связи Госплана СССР. В некрологе, подписанном Председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным и другими руководителями народного хозяйства СССР, также отмечалось, что Дмитрий Петрович много занимался преподавательской деятельностью и научной работой [120]. Еще в 1941 г. он вошел в состав авторского

коллектива Технического железнодорожного словаря, изданного в 1941 г., а затем возглавил авторский коллектив учебного пособия по организации движения на железнодорожном транспорте, выдержавшем множество переизданий. [121]. Он также был соавтором книги о развитии транспортной системы СССР [122]

Ирина Дмитриевна Андреева, дочь Дмитрия Петровича вспоминает: *«Надо сказать, что мой отец был совершенно незаурядным человеком. Через много лет после его смерти один из его бывших сослуживцев сказал: «Это был один из немногих людей, кто не боялся принимать решения»»* [123].

Скоропостижная кончина Дмитрия Петровича в мае 1965 г. не могла не повлиять и на его родителей. Екатерина Никифоровна умерла в декабре 1965 г. [124], а Петр Васильевич, как мы уже отмечали выше, в январе 1966 г. [125]

Главным хранителем семейного архива Заглядимовых остался сын Петра Васильевича – Михаил Петрович Заглядимов. Его сын Дмитрий Михайлович заботливо сохранил архив деда, а в настоящее время этими уникальными документами распоряжаются уже его сыновья Сергей и Александр – правнуки Петра Васильевича Заглядимова.

* * *

История двух породнившихся семей военных инженеров, строивших Владивостокскую крепость – генерала Шошина и капитана Заглядимова, выглядит на фоне судеб многих людей, связанных по службе с Владивостокской крепостью и изломанных кровавыми катаклизмами, обрушившимися

на страну, счастливым исключением. Тем не менее, смерть одного из братьев и одной из сестер П.В. Заглядимова в годы Гражданской войны, гибель одной из дочерей А.П. Шошина в блокадном Ленинграде, длительные страдания в сталинских лагерях и сломанная научная карьера одного из сыновей А.П. Шошина, говорят о том, что и эти семьи не были обойдены общими несчастьями, но просто им досталось их несколько меньше, чем многим другим.

Как Шошин, так и Заглядимов благодаря своему таланту военных инженеров и строителей сумели найти свое место и в Советской России и оставить заметные следы в ее истории, хотя пути их разошлись – Шошин так и умер на военной службе, а Заглядимов выбрал гражданскую инженерную деятельность. Дети как А.П. Шошина, так и П.В. Заглядимова сумели достичь не меньших успехов, чем их родители, причем особенно выделились Иван Алексеевич Шошин – конструктор сложнейших оптических приборов военного назначения и лауреат Сталинской премии, а также Дмитрий Петрович Заглядимов – один из руководителей Службы движения Наркомата путей сообщения в годы Великой Отечественной войны и заместитель председателя Госплана СССР в послевоенное время. Можно сказать, что Шошиным и Заглядимовым повезло, но вместе с тем, повезло и стране, благу которой им удалось послужить, не смотря ни на какие обстоятельства той великой и трагической эпохи. Как Шошины, так и Заглядимовы не побоялись тщательно сберечь историю своих семей, сохранить для потомков уникальные документы и фотографии. Нам остается только поблагодарить их за это.

Глава 4. **БРИГИНЖЕНЕР ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ СВИНЬИН**

Военный инженер подполковник В.А. Свинин. Фрагмент групповой фотографии 1914 г. Из собрания Дома музеев ДВГТУ

Военный инженер Владимир Алексеевич Свинин, происходивший из потомственных дворян Костромской губернии [1], родился в 1877 г. в г. Костроме, там же закончил реальное училище [2].

Военную службу он начал в пехоте, поступив в 1896 г. вольноопределяющимся в Солигаличский резервный батальон. Практически сразу он получил направление в Киевское военное училище и через два года

Бывший генерал-майор В.А. Свинин. 1928 г. Из семейного архива И.И. Васьук (Свиньиной)

окончил его подпоручиком с назначением в 8-й Гренадерский Московский полк. В период учебы В.А. Свинин получил первую награду – знак “За отличную стрельбу”. В 1901 г. подпоручик Свинин неудачно пытался поступить в Николаевскую инженерную академию, после чего вернулся в полк. В 1902 г. его произвели в поручики, и в том же году он со второй попытки поступил в Николаевскую инженерную академию и

окончил ее, включая дополнительный класс, в мае 1905 г., будучи произведенным в штабс-капитаны.

В июле 1905 г. штабс-капитан В.А. Свиныйн предписанием Инспектора инженеров тыла Маньчжурской армии N 8386 был прикомандирован в распоряжение Начальника инженеров Владивостокской крепости. На Дальнем востоке прошли девять последующих лет его жизни и службы. В 1907 г. он был произведен в капитаны, а 12 марта 1911 г. капитана Свиныйна перевели штат Приамурского окружного управления временно исполняющим должность делопроизводителя 1-й строительной части управления, а также делопроизводителя Временного технического комитета. Перевод в Хабаровск, по видимому, был связан с результатами работы ревизии сенатора Глишинского, вскрывшей массовые злоупотребления во Владивостокском крепостном инженерном управлении, после чего почти все владивостокские инженеры были переведены из крепости или отправлены в отставку. В пользу этого предположения свидетельствует привлечение Свиныйна к суду по ст. 206 кн. XXII Св. В.П. 1869 г. Изд. 3 [3].

4 июня 1911 г. приказом по Окружному инженерному управлению N 88 капитан Свиныйн был зачислен в штат управления с назначением на должность обер-офицера для проверки смет и отчетов, а также на должность обер-офицера для экстренных командировок. 25 марта 1912 г. его произвели в подполковники с утверждением в должности делопроизводителя по строительной части. 27 ноября 1912 г. приказом по Военно-инженерному ведомству N 58 его назначили штаб-офицером для поручений в Управление инспектора Инженерной части Приамурского военного округа.

В 1913 г. хабаровская «ссылка» Владимира Алексеевича закончилась. 10 января 1913 г. он был командирован в Управление Строителя Владивостокской крепости, где

24 января 1913 г. назначен заведующим чертежной. 24 июня 1913 г. ему было присвоено звание «военный инженер», как ученая степень (приказ Военного Ведомства N 325), за работу «Деформации зданий и сооружений под действием пучащегося грунта» (Инженерный журнал N 10 за 1912 г.). Девятого июля 1913 г. подполковника Свиныйна официально переводят на службу в Управление Строителя Владивостокской крепости. 20 августа 1913 г. его назначают производителем работ Управления Строителя Владивостокской крепости, а 13 сентября 1913 г. подполковник Свиныйн согласно Приказу Военно-инженерного ведомства N 36 уже становится старшим производителем работ Управления Строителя Владивостокской крепости (приказ Военно-инженерного ведомства N 36). На двух последних должностях подполковник Свиныйн занимался достройкой форта N 5, а также проектированием и строительством промежуточного опорного пункта литер Е. Таким образом, за время службы во Владивостоке и Хабаровске В.А. Свиныйн получил большой опыт как организаторской работы, так и навыки строителя-практика. За годы службы на Дальнем Востоке Владимир Алексеевич был награжден медалями «В память русско-японской войны» (1906 г.), «В память 300-летия дома Романовых» (1913 г.), «В память 100-летия Отечественной войны» на Владимирской ленте (1914 г.) и орденом Св. Станислава 3 степени (1907 г.).

Владимир Алексеевич был женат на дочери действительного статского советника, Ксении Владимировне Саттеруп, уроженке Московской губернии. У них было семеро детей: Игорь (17 марта 1903 г.), Ольга (6 февраля 1905 г.), Владимир (13 февраля 1906 г.), Ростислав (24 октября 1908 г.), Наталья (4 сентября 1910 г.), Алексей (18 августа 1912 г.), Андрей (5 октября 1913 г.)

6 ноября 1914 г. приказом по Владивостокской крепости и 4 Сибирскому армейскому корпусу N 580 подполковник Свиныйн

был назначен корпусным инженером Корпуса, выступающего в поход на театр военных действий. 24 ноября 1914 г. он отправился на фронт, а уже 17 декабря 1914 г. прибыл на театр военных действий. За отличие по службе во Владивостокской крепости 6 декабря, то есть во время нахождения в пути, Свинын был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 22 марта 1915 г. Владимир Алексеевич производится в полковники с назначением начальником оборонительных работ 12-й армии. 27 марта 1915 г. его награждают орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 23 апреля 1916 г. полковник Свинын назначается исполняющим должность начальника инженеров 1-й армии (приказ по 1-й армии от 11 мая 1916 г. № 1934). Эту должность военный инженер полковник В.А. Свинын занимал до 1918 г. Таким образом, за время войны полковник Свинын получил большой боевой опыт.

После установления Советской власти он продолжил службу уже в Красной Армии в управлении Начальника инженерного снабжения Северного фронта, которое в то время возглавлял бывший начальник инженеров и строитель Владивостокской крепости генерал-майор А.П. Шошин, а в мае 1918 г. его назначили начальником военнотехнического управления Приволжского военного округа. В.А. Свинын сам формировал это управление сначала в Саратове, затем в Казани, выполняя также поручения главнокомандующего фронтом И.И. Вацетиса. Когда в августе 1918 г. белочехи взяли Казань, он попал в плен, был перевезен в Самару, где перешел на сторону белых, но служить в войсках Комуча (Комитета Учредительного собрания) отказался. В сентябре 1918 г., будучи уже в Омске, Свинын поступил на службу в армию так называемой Директории и был назначен Начальником инженерного отдела Высшего Совета снабжений союзных армий. После свержения Директории адмиралом

А.В. Колчаком в ноябре 1918 г. полковник В.А. Свинын продолжил службу в колчаковской армии, где ему присвоили чин генерал-майора, и занял должность генерала для поручений Главного инженерного управления. В марте 1919 г. он был откомандирован во Владивосток, где работал в комиссии по заготовкам снабжения, закупаемого за границей, затем в комиссии по использованию грузов, находившихся во Владивостокском порту. После Меркуловского переворота с мая 1921 г. по ноябрь 1922 г. В.А. Свинын официально числился безработным и не вступал в армию вновь образованного Приморского правительства, поскольку считал крах Белого движения уже свершившимся фактом. По свидетельству родственников он даже сотрудничал с большевистским подпольем, которое вело подготовку к полному изгнанию белых и войск интервентов из Приморья. Это косвенно подтверждается тем, что после установления Советской власти на Дальнем Востоке В.А. Свинын перешел на хозяйственную работу и занимал весьма ответственные посты – управляющего отделом промышленности Приморской области Приморского губсовнархоза (1922–1923 гг.) и уполномоченного Совнархоза по Спасскому и Никольск-Уссурийскому уездам (1923–1926 гг.), что было довольно странно для человека с колчаковским прошлым [4].

В конце 20-х годов большевики развернули кампанию по борьбе со старыми специалистами, как в промышленности, так и в вооруженных силах. Крупных инженеров, ученых, бывших офицеров, служивших в Красной Армии, постепенно увольняли, арестовывали, заключали в лагеря и «шарашки». Подобный поворот в судьбе явно назревал и у В.А. Свинына. Его плавно понижают в должностях – сперва назначают управляющим бумажной фабрикой в Черниговке (1926 г.), начальником строительства фабрики учебных пособий в г. Никольске-Уссурийском

(1927 г.), а с 1928 по 1931 г. он занимает не слишком заметную должность научно-планового работника Владивостокского горкомхоза. В эти годы он провел большую научную работу в области строительной климатологии и выступал в качестве эксперта по важнейшим для Владивостока инженерным проектам, таким как, например, проект Седанкинского гидроузла. По результатам этих экспертиз в проекты были внесены весьма существенные изменения. Так, в ожидании неизбежного ареста, он продолжал в меру сил честно работать и даже был награжден за разработку проекта весьма дешевого разборного круглого домика, незаменимого при освоении отдаленных труднодоступных территорий, а также для нужд военного строительства. Домик выпускался большой серией и несколько таких домиков, как не прошедших заводской контроль, собрали во Владивостоке и Уссурийске и они сохранялись почти до середины 1960-х годов, то есть до начала массового жилищного строительства и назывались в обиходе «свиняги», обессмертив таким образом имя их создателя. В документах также встречается наименование этих построек, как домики «системы свинина», то есть фамилия автора трансформировалась в криптоним, весьма показательный для вечно голодной страны [5].

Спасение, а точнее отсрочка неминуемого, пришло с совершенно неожиданной стороны. В 1929 г. из-за военного конфликта с Китаем на КВЖД резко обострилась политическая обстановка на Дальнем Востоке. Требовалось хоть как-то прикрыть Владивосток, имевший, по соглашению с Японией, демилитаризованный статус, от возможного нападения с моря. Командование вновь созданной Особой Дальневосточной Армии (впоследствии Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии – ОКДВА), по рекомендации комиссии во главе с командующим Ленинградским военным округом

И.Ф. Федько, изучавшей вопрос о безопасности Владивостока на месте, приняло решение восстановить часть заброшенных батарей Владивостокской крепости. В.А. Свиныин принял участие в этих работах в качестве вольнонаемного инженера. Его огромный опыт, эрудиция, организаторские способности были замечены командованием. В 1931 г. его наградили ценным подарком от Реввоенсовета ОКДВА, зачислили в кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в которой он уже служил несколько месяцев в 1918 г., и отозвали в Хабаровск в штаб ОКДВА [6]. Бывший колчаковский генерал получил назначение заместителем начальника Управления особого инженерного строительства (УПРОИС), а затем заместителем начальника инженеров ОКДВА.

Именно в эти годы на Дальнем Востоке развернулось невиданное по масштабам и темпам строительство укрепленных районов вдоль границы с Китаем, а также укреплений, защищавших наиболее стратегически важные пункты на тихоокеанском побережье СССР. Эти работы фактически и возглавил В.А. Свиныин. Ему, одному из немногих строителей Владивостокской крепости, удалось передать молодым строительным организациям ОКДВА весь богатый опыт, накопленный ее инженерами, и обеспечить тем самым преемственность поколений. С мая 1935 г. распоряжением начальника инженеров РККА В.А. Свиныин назначается начальником филиала научно-исследовательского института инженерного управления РККА в Хабаровске, где он проработал до 1938 г., руководя разработкой проектов новых оборонительных сооружений. В 1935 г. В.А. Свиныин получил персональное воинское звание «бригинженер» и носил в петлицах один ромб, что было эквивалентно званию инженер-генерал-майора, т.е. ему фактически зачислили колчаковское чинопроизводство. В 1936 г. за заслуги по укреплению дальне-

восточных границ он получил орден Красной Звезды. Постройка большей части фортификационных сооружений пограничных укрепленных районов к тому времени уже завершилась и столь острой нужды использовать В.А. Свинына на ответственной руководящей работе уже не было.

По рассказам родственников, В.А. Свинын, и полностью выросший в советскую действительность и отдававший себя целиком работе по укреплению дальневосточных границ, уже не допускал тогда мысли о репрессиях в отношении себя и искренне верил утверждениям тогдашней пропаганды о том, что в стране идет борьба с врагами и вредителями. Даже арест сына Игоря и его жены Лидии Федоровны – видных дальневосточных чекистов, он воспринимал первоначально, как некую операцию прикрытия по выполнению ими какого-то сверхсекретного задания [7].

В ночь на 12 марта 1938 г. вместе с большинством командиров штаба Блюхера его арестовал Особый отдел НКВД ОКДВА с предъявлением обвинения по ст. 58-1 "б" и 58-2 УК РСФСР. В тюрьме Свинын стойко переносил все тяготы сталинских застенков. В течение 1938–1940 гг. он, по свидетельству чудом выжившего сокамерника, читал для заключенных курс высшей математики, пользуясь тюремной стеной вместо доски и обломком кирпича вместо мела. В 1939 г. после замены Н.И. Ежова Л.П. Берией на посту наркома внутренних дел в очеред-

ной раз сменилась «линия партии», а точнее НКВД. Было принято решение, чтобы недобитых инженеров и ученых не губили бы без особой пользы в тюрьмах или на тяжелой физической работе, а использовали в закрытых исследовательских учреждениях, так называемых «шарашках», где они под страхом смерти работали бы на укрепление обороны, поскольку война была явно не за горами. В.А. Свинына перевели в окружной военный госпиталь, где его разместили под охраной и даже пытались лечить, поскольку он был сильно истощен. Медсестра из госпиталя, поддерживавшая связь с его родственниками, сообщила ему сведения из дома и, в частности, о том, что выпустили из тюрьмы его старшего сына Игоря. Однако на этот раз В.А. Свинын на путь сотрудничества с режимом не стал. Получив известия из дома, что члены его семьи в относительно порядке, он успокоился, сказал, что «сейчас они сами со всем справятся», отказался от приема пищи и умер 11 июня 1940 г. Тело покойного для похорон выдано родственникам не было из-за запрета Главного управления государственной безопасности НКВД [8]. Слова В.А. Свинына «сейчас они сами со всем справятся», произнесенные им перед смертью, глубоко символичны и могут быть отнесены не только к семье, но и к тем молодым военным инженерам, которых он воспитал, руководя институтом в Хабаровске и передав им свой богатый опыт.

Глава 5. **ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР ПОЛКОВНИК
ЭРНЕСТ ОСКАРОВИЧ МААК**
Комментарии к семейному альбому

Выпускник Николаевского инженерного училища офицер 7-го понтонного батальона подпоручик Эрнест Оскарович Маак в парадной форме. 1890 г. Из семейного архива А.И. Володина

Начальник Проектного отдела Управления начальника инженеров Морских Сил Дальнего Востока военный инженер Эрнест Оскарович Маак. 1933 г. Из семейного архива А.И. Володина

Фигура военного инженера Эрнеста Оскаровича Маака давно вызывала у нас большой интерес. Широко известно, что одним из исследователей животного и растительного мира Дальнего Востока был Ричард Карлович Маак, в честь которого названа очень красивая бабочка (махаон Маака) и

ряд растений – маакия амурская, черемуха Маака и т.д. Само собой разумеется, что фамилия владивостокского военного инженера сразу же обратила на себя внимание, и предположение, что Эрнест Оскарович был родственником знаменитого ученого, было для нас совершенно очевидным. Его имя

упоминалось в документах, касавшихся Владивостокской крепости, еще с конца 1890-х годов и до самого ее упразднения, что было явлением исключительным – так долго во Владивостоке из инженеров не служил никто. Мы знали, что Эрнест Оскарович был полковником, а во время Гражданской войны стал одним из последних начальником инженеров Владивостокской крепости. Около двух десятков лет назад знакомый одного из авторов сообщил, что он потомок военного инженера по фамилии Маак и рассказал, что семья Мааков жила на Седанке, что жену Маака звали Анна Ивановна, и что у них была дочь Елена. В доказательство своего родства с Эрнестом Оскаровичем он предъявил фотографию, сделанную на Седанке в 30-е годы, где по его словам были изображены сам Эрнест Оскарович, его жена и дочь. На вопрос, а где же остальные фотографии из семейного архива, он ответил, что все было уничтожено из-за опасения репрессий, причем показал фрагмент фотографии, на которой имелаась только голова Эрнеста Оскаровича («голова дедушки»), а все остальное, включая погоны, было отрезано. Последующее расследование показало, что этот человек ввел нас в заблуждение, и на самом деле он был внуком служанки, которая жила в семье почти на правах ее члена, почему у него и оказалась семейная фотография Мааков [1]. Какую-то более внятную информацию вытянуть из него не удалось, и связь с ним была утрачена. Тем не менее, благодаря этой «седанкинской» фотографии мы выяснили, как выглядел Эрнест Оскарович, а также узнали, что он остался в СССР и дожил до 30-х годов. В результате, когда в наши руки попала групповая фотография офицеров Владивостокского крепостного инженерного управления и Управления Строителя Владивостокской крепости, которой посвящена настоящая книга, то мы уверенно смогли там найти Эрнеста Оскаровича и его супругу.

Наш интерес к Эрнесту Оскаровичу Мааку существенно вырос после того, как мы занялись изучением истории береговой

обороны Тихоокеанского флота, то есть советского периода оборонительного строительства во Владивостоке и других стратегически важных пунктах побережья Тихого океана. В документах прямо упоминался Эрнест Оскарович Маак, причем именно как военный, а не гражданский инженер, то есть как человек, зачисленный в кадры Военно-морских сил РККА, а значит вновь принятый на действительную военную службу. По всему выходило, что заслуженный ветеран Владивостокской крепости сыграл достаточно существенную роль в начавшемся в 30-е годы новом оборонительном строительстве во Владивостоке, будучи связующей фигурой между столь, казалось бы, далекими друг от друга фортификационными эпохами.

Совершенно новую ситуацию в поиске информации о бывшем полковнике Мааке создало обсуждение в Интернете на одном из историко-фортификационных сайтов, где правнучатая племянница Эрнеста Оскаровича, Ульяна Владимировна Просвиркина начала активно обсуждать вопросы генеалогии рода Мааков. В результате этого обсуждения к поискам подключился один из лучших специалистов России по исторической генеалогии – Владимир Павлович Хохлов, который, оказывается, давно занимался изучением генеалогии рода Мааков, и объединение усилий нескольких групп исследователей привело к настоящему прорыву.

Владимир Павлович Хохлов разыскал отличный фотопортрет самого Эрнеста Оскаровича, а также портрет его старшей дочери Тамары и жены Анны Ивановны в молодости, загримированной под японку японским художником-фотографом. Эти фотографии он получил от Феликса Маратовича Свидерского, внука Тамары Эрнестовны и, соответственно, правнука Эрнеста Оскаровича. К сожалению, Феликс Маратович указал неверную девичью фамилию Анны Ивановны, как Циммерман [2]. К счастью, это недоразумение удалось быстро исправить, поскольку благодаря усилиям Ульяны Владимировны Просвиркиной были найдена пле-

мянница Анны Ивановны, Елена Андреевна Андреева, которая сохранила большое количество фотографий, имеющих отношение к семье Эрнеста Оскаровича и Анны Ивановны. Кроме того, она сообщила координаты сына младшей дочери Эрнеста Оскаровича, Елены (в замужестве Вологдиной), то есть внука Эрнеста Оскаровича, Андрея Иннокентьевича Вологодина, у которого также сохранился семейный фотоархив, включая портрет Эрнеста Оскаровича в советской морской форме [3]. Кроме того, в этих архивах имелись письма Эрнеста Оскаровича и его родственников, освещающие ряд ключевых моментов в истории семьи.

Столь неожиданно свалившемуся на нас богатству никак нельзя было дать пропасть в туне, и мы решили приступить к написанию биографии Эрнеста Оскаровича. В настоящей главе мы хотели бы представить всю имеющуюся у нас информацию о бывшем полковнике Э.О. Мааке, вполне отдавая себе отчет в ее неполноте. Тем не менее, мы надеемся, что эти материалы привлекут внимание не только интересующихся историей оборонительного строительства во Владивостоке, но также всех краеведов – любителей истории Владивостока.

* * *

Предки Эрнеста Оскаровича Маака переселились из Германии в Россию лишь в самом начале XIX века. Его дед Карл Готтлиб Маак родился в Гамбурге в 1772 г. и переселился с семьей в Россию, на о. Эзель в г. Аренсбург (в настоящее время Эстония). Семья Маак была весьма состоятельной, а сам Карл Маак стал в Аренсбурге бургомистром. От первой жены Вильгемины Трифлих у него был сын Карл Август, а от второй жены Юлии Каролины Елизаветы Джордан, уроженке Аренсбурга, у него были остальные 12 детей, в том числе и отец Эрнеста Оскаровича – Гарри Оскар, родившийся в Аренсбурге в 1837 г. [4] Поскольку Юлия (Джулия) Джордан была по происхождению англичанкой с примесью датской крови, то в

Офицер 7-го понтонного батальона подпоручик Э.О. Маак в повседневной форме. 1891 г. Из семейного архива А.И. Вологодина

семье, помимо домашнего немецкого и государственного русского, знали и английский язык. Поскольку Карл Маак был человеком глубоко прагматичным, то переселившись на территорию Российской империи, он решил, что его семья впредь должна ориентироваться на Россию всерьез и надолго, и поэтому нужно было дать хотя бы части детей полноценное русское образование, получить которое на территории тогдашней Эстляндской губернии было невозможно. Поэтому он отправил двух старших сыновей – Карла и Ричарда в Псковскую гимназию, а Оскара – в Олонекскую, поскольку Олонец (небольшой город неподалеку от Петрозаводска) тогда был губернским городом и тоже славился отличной классической гимназией. Таким образом, дети аренсбургского бургомистра в совершенстве овладели русским языком

и могли делать полноценную карьеру в России. Впоследствии Карл и Оскар продолжили обучение в Петербургском университете, причем Карл Карлович даже стал его профессором [5].

Ричард Карлович Маак – родной дядя Эрнеста Оскаровича, пожалуй, наиболее известный в России представитель семьи Маак. Он родился в 1825 г. в Аренсбурге, закончил Псковскую гимназию и Дерптский университет. С 1852 г. он состоял на службе в Отделе по делам Сибири Министерства внутренних дел России, а с середины 1850-х годов работал в Иркутске учителем гимназии. В 1869 г. он стал действительным членом Русского императорского географического общества. С середины 1850-х годов Маак участвует в экспедициях по изучению бассейна рек Амура и Вилюя, исследуя флору и фауну этих территорий. Он был одним из первых исследователей Уссурийского края, где пройдет потом большая часть жизни его племянника Эрнеста Оскаровича Маака. В 1857 г. старшему учителю Иркутской губернской гимназии, коллежскому секретарю Р.К. Мааку за совершение сложных и опасных экспедиций высочайше пожаловали пенсию 300 руб. в год. Его также наградили орденом Св. Владимира 4-й степени. В начале 1860-х годов Ричард Карлович становится директором гимназии в Иркутске, а с 1868 года – главным инспектором учебных заведений Сибири. С 1874 года, вернувшись в Петербург, он работает в Комиссии Министерства народного просвещения по развитию народного образования. В 1860-х и 1870-х годах Ричард Карлович публикует результаты своих исследований в изданиях Географического общества и отдельных книгах. В 1882 г. ему присваивается чин тайного советника. Ричард Карлович умер в Санкт-Петербурге в 1886 г. в относительно молодом возрасте, но вклад в развитие мировой науки он успел внести весьма серьезный [6].

Отец Эрнеста Оскаровича Маака – Гарри Оскар или, по-русски, Оскар Карлович Маак родился в 1837 г. в г. Аренсбурге.

Большую часть своей жизни он прослужил по Министерству народного просвещения и был, в частности, директором Александровского реального училища в Вологде [7]. Он был женат на Эльзе Бохман и у них было пятеро детей, а первенцем как раз и был Эрнест Оскарович Маак, родившийся в Вологде 4 сентября 1869 г. Он закончил то самое Александровское реальное училище, где директором был его отец, в 1886 г. и продолжил образование в Николаевском инженерном училище в Петербурге, вступив в военную службу юнкером рядового звания. В 1888 г. он стал унтер-офицером, а 10 августа 1890 г. высочайшим приказом был произведен в подпоручики и направлен в 7-й понтонный батальон, расквартированный в Усть-Ижоре под Петербургом [8].

По-видимому, Эрнест Оскарович выбрал себе вакансию для службы, сразу же

Слушатель Николаевской инженерной академии поручик Э.О. Маак. Из семейного архива А.И. Володина

Будущая жена Э.О. Маака Анна Ивановна Попова в гимназические годы. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Анна Ивановна Попова (справа) с сестрой. Из семейного архива Е.А. Андреевой

имея в виду дальнейшее продолжение инженерного образования. В батальоне Маак был казначеем, квартирмейстером, а затем делопроизводителем по хозяйственной части, которая в понтонном батальоне была, безусловно, намного сложнее, чем в обычной пехотном. 30 августа 1892 г. Маак был произведен в поручики, а в 1893 г. он поступил в знаменитую Николаевскую инженерную академию, располагавшуюся вместе с Инженерным училищем в Михайловском (Инженерном) замке в Санкт-Петербурге. В 1896 г. он закончил академию и за успехи в науках получил чин штабс-капитана.

Во время учебы в академии Эрнест Оскарович женился на Анне Ивановне Поповой, дочери богатого крестьянина Вологодской губернии Ивана Петровича Попова, в семье которого было восемь детей [9]. Поскольку Эрнест Оскарович сам тоже был

из Вологды, то, судя по всему, их связывало достаточно давнее знакомство. В 1896 г. у Эрнеста Оскаровича и Анны Ивановны родилась дочь Тамара. После окончания академии штабс-капитан Маак продолжил службу в Гренадерском саперном Его императорского величества великого князя Петра Николаевича батальоне в качестве обучающего в унтер-офицерском классе, а затем обучающего в подрывном классе.

20 августа 1897 г. Эрнеста Оскаровича откомандировали в Хабаровск для последующего перевода в военные инженеры. 11 января 1898 г. Маак прибыл во Владивосток и его прикомандировали к Владивостокскому крепостному инженерному управлению. 28 февраля его по высочайшему приказу перевели в военные инженеры. Дело в том, что из академии Маак вышел, не получив звание военного инженера, поскольку

Анна Ивановна Попова в молодые годы. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Анна Ивановна Попова (по-видимому), загримированная японским фотохудожником под японку. Из семейного архива Ф.М. Свицерского

Слушатель Николаевской инженерной академии поручик Э.О. Маак с супругой Анной Ивановной. Выпускник Николаевской инженерной академии штабс-капитан Э.О. Маак. 1896 г. Из семейного архива А.И. Вологодина

Штабс-капитан Э.О. Маак. Владивосток, 1898 г.
Из семейного архива А.И. Володина

Штабс-капитан Э.О. Маак и его супруга отдыхают. Из семейного архива А.И. Володина

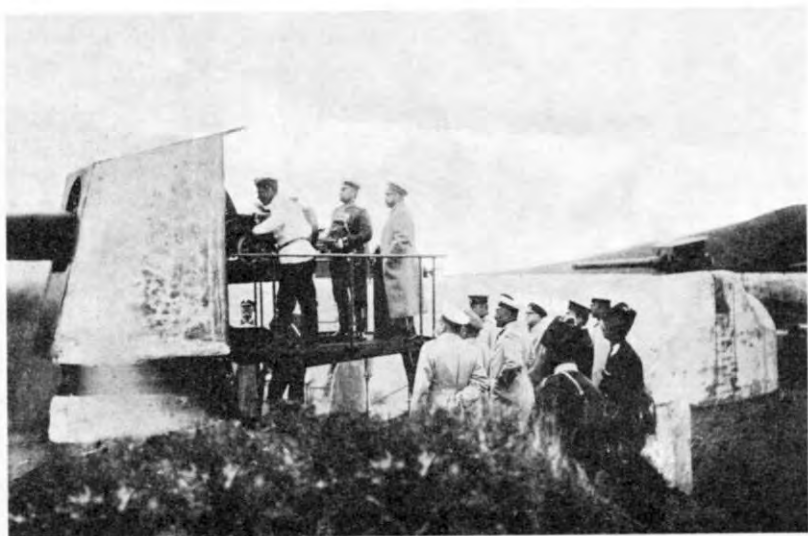
для этого надо было выполнить какой-либо учебный проект, чего, по-видимому, ему не позволили сделать семейные обстоятельства. Даже перевод в военные инженеры все еще не означал получения им соответствующего звания, которое он смог получить после многолетней практической инженерной деятельности лишь в 1913 г., когда это звание было присвоено ему приказом по Военному ведомству «как ученая степень».

Во Владивостоке штабс-капитан Маак задержался ненадолго, поскольку в марте 1898 г. его назначили в распоряжение Начальника инженеров Приамурского военного округа и направили отдельным производителем работ в урочище Славянка [10]. Это был важный в военном отношении пункт, поскольку там имелась удобная якорная стоянка в заливе Славянский (бухта Славянка). Он располагался между урочищами Барабаш и Новокиевское, где имелись крупные гарнизоны. В этих пунктах шло интенсивное

казарменное строительство, поскольку в вытянутом узкой полосой между западным берегом залива Петра Великого и границей с Китаем Посыетском уезде (в настоящее время Хасанский район) требовалось разместить достаточное количество войск для удержания этой важной в геополитическом отношении территории, отделяющей Китай от Японского моря.

18 апреля 1899 г. Маак был произведен в капитаны и уже 30 мая вернулся во Владивосток, где его зачислили в штат Амурской инженерной дистанции Приамурского окружного инженерного управления с оставлением прикомандирования к Владивостокскому крепостному инженерному управлению. Во Владивостоке в то время разворачивались интенсивные работы по перестройке береговых батарей из деревоземляных в бетонные. Осенью 1899 года под руководством командированного во Владивосток военного инженера полковника

Военный министр генерал А.Н. Куропаткин insпектирует батарею Новосильцевскую, построенную Э.О. Мааком. 1903 г. Фото генерала П.К. Рененкампа из коллекции О.Б. Стратиевского

Разоруженная Новосильцевская батарея, 1920 г. Фото из архива журнала Forteca

Разоруженная Новосильцевская батарея, 1920 г. Фото из архива журнала Forteca

Горжевая казарма форта Русских, построенная Э.О. Мааком. 1920 г. Фото из архива журнала *Forteca*

Форт Русских, павильон ворот. Фото 1920 г. Фото из архива журнала *Forteca*

К.И. Величко были выполнены работы по составлению проектов опорных пунктов долговременного сухопутного обвода Владивостокской крепости. В феврале 1900 г. этот план получил высочайшее утверждение (т.е. был утвержден царем) и в строительный сезон 1900 г. начались работы [11]. До 1902 г. капитан Маак был производителем работ на Третьем строительном участке, располагавшемся в северной части Русского острова, а затем, после завершения основных работ был переведен в материковую часть крепости.

На долю Эрнеста Оскаровича выпало строительство двух новых батарей – Ларионовской-на-Пике на шесть 6-дюймовых пушек Канэ и две 57-мм береговые пушки Норденфельда на м. Ларионова и Новосильцевской батареи на шесть 6-дюймовых пушек Канэ и две 57-мм береговые пушки Норденфельда на м. Новосильского. Кроме того, он успел принять участие в достройке канала через перешеек Саперного полуострова и достройке батареи Поспеловской на четыре 57-мм береговых пушки Норденфельда. Однако самым крупным проектом, реализованным Маком на Русском острове была достройка форта Русских на одноименной горе [12]. Этот форт был запроектирован еще в 1897 г., как важнейшее укрепление в оборонительной системе Русского острова, считавшегося ключом к морским подступам к Владивостоку. В центре форта располагалась береговая батарея на четыре 6-дюймовые пушки в 190 пудов на береговых лафетах Дуляхера, предназначенная для бомбардировки всех бухт по периметру острова с целью затруднить неприятелю высадку десанта, и батарея из четырех 6-дюймовых крепостных мортир для обстрела склонов горы, на вершине которой располагался форт. Форт имел глубокие выбитые в скале рвы, оборона которых осуществлялась из двойного и одиночного кофров, не связанных с внутренним двориком форта какими-либо закрытыми сообщениями, а горжа форта имела полубастионное начер-

тание, причем горжевой ров предполагалось обстреливать из двух специальных казематов, расположенных на фланках полубастионов. Там же предполагалось разместить и небольшую казематированную казарму.

В 1898 г. форт разбили на местности и начали отрывку рвов, но в 1899 г. форт серьезно перепроектировали, поменяв местами двойной и одиночный кофры, а также запроектировав в горжевой части форта большую казематированную казарму, которая составила с фланкирующими казематами одно целое. Э.О. Маак нашел интересное решение для оборудования въезда на форт. Через ров был оборудован мост, а над казармой был возведен павильон для ворот, в который можно было также подняться из самой казармы. Также был сделан дублирующий въезд с помощью пандусов, спускавшихся и поднимавшихся в ров. Перекрытие между павильоном ворот и казармой имело большой пролет, поэтому оно опиралось на красивые колонны, выполненные в эклектическом стиле, т.е. они не соответствовали ни одному классическому ордеру. В казарме была оборудована артезианская скважина, паровое отопление, а также электрическая станция и, соответственно, электрическое освещение, чего на других фортах крепости в то время не было. Казарма была очень выразительна и с архитектурной точки зрения, но, к сожалению, перед Великой Отечественной войной при размещении там командного пункта Владивостокского сектора Береговой обороны фасад казармы закрыли мощным каменным тюфяком, мост разобрали, а надвратный павильон почти полностью засыпали из соображений повышения боевой устойчивости объекта.

Несмотря на загруженность строительными делами, Э.О. Маак успел участвовать и в Китайском походе – боевых действиях русских войск по подавлению т.н. Боксерского восстания, участники которого при поддержке китайских правительственных войск учинили погромы на строящейся линии Китайско-Восточной железной до-

роги. За участие в этой военной кампании 6 мая 1901 г. Маак был награжден светло-бронзовой медалью «За поход в Китай». А в 1900 г. у Эрнеста Оскаровича и Анны Ивановны родился второй ребенок – сын Георгий.

Помимо работ на своем строительном участке Э.О. Маак занимался также разработкой типовых решений и нормативов для конструкций других укреплений. Так, в феврале–мае 1901 г. капитан Э.О. Маак был членом комиссии, которая разработала типы сухопутных крепостных батарей для полевых батарейных или 9-фунтунтовых пушек, 6-дюймовых полевых мортир, 42-линейных, 6-дюймовых в 120 пудов, 6-дюймовых в 190 пудов пушек и 6-дюймовых крепостных мортир, а также установила последовательность работ по их возведению, чтобы они были готовы вступить в строй даже в неоконченном виде. Комиссия также определила способы их дооборудования, если на доусиление батарей будут выделены дополнительные деньги [13]. Кроме того, с участием Э.О. Маака были разработаны нормативы для фортов, временных укреплений и редутов.

Официальный служебный статус Эрнеста Оскаровича, который первоначально числился офицером Приамурского инженерного окружного управления, лишь прикомандированным к временному управлению Строителя Владивостокской крепости, постепенно менялся, хотя на его фактическое положение на постройке фортификационных сооружений это не слишком влияло. Первого июня 1902 г. Маак был, наконец, после многих лет фактической службы во Владивостоке по прикомандированию, переведен приказом по Приамурскому окружному инженерному управлению в штат Владивостокского крепостного инженерного управления с оставлением прикомандирования к Временному управлению Строителя крепости. 4 октября 1902 г. Эрнест Оскарович Маак представлял коменданту и начальнику штаба крепости результаты выполненных под его руководством работ на батареях «Ларионовского острова»

(в настоящее время его именуют о. Елены), который образовался при отрывке канала, изолировавшего мыс Ларионова от остальной части Саперного полуострова. Высокое начальство осталось результатами работ довольно [14]. 6 декабря 1902 г. по окончании строительного сезона 1902 г. капитана Э.О. Маака официально назначили приказом по Инженерному ведомству производителем работ Управления Строителя Владивостокской крепости. Тогда же он был переведен с Русского острова в материковую часть крепости. 6 декабря 1903 г. его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени.

Примером того, каким авторитетом пользовался капитан Э.О. Маак среди инженеров крепости, может служить приказ N 14 временно исполняющего должность начальника инженеров Владивостокской крепости полковника И.А. Юшенкова, отданный по крепостному инженерному управлению 23 января 1904 г., т.е. на следующий день после начала Русско-японской войны:

«Назначаю комиссию под председательством военного инженера капитана Маак из всего наличествующего в крепости Владивосток числа военных инженеров для решения следующих вопросов:

1) К какому типу Владивостокской крепости надлежит стремиться.

2) Какие типы долговременных, полудолговременных, временных и полевых укреплений должно признать наиболее соответствующими условиям войны.

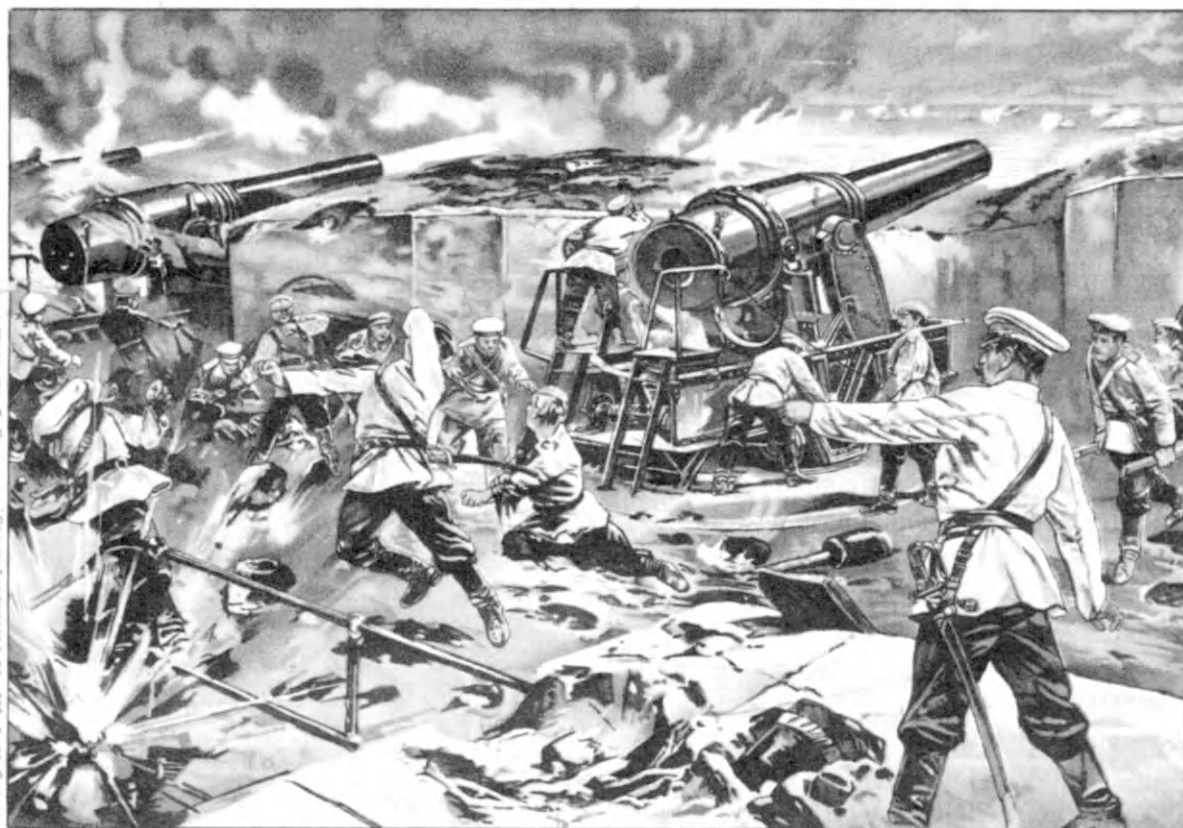
3) Какие типы приморских и сухопутных батарей в настоящее время надлежит признать наиболее целесообразными для Владивостока.

4) Возможно ли в зависимости от решения предыдущих двух вопросов с пользой для обороны крепости Владивосток утилизировать ныне существующие укрепления и какие переделки в них для этого необходимы или же их утилизировать с пользой для обороны крепости Владивосток невозможно.

Протокол заседания Комиссии представить мне. Комиссии собраться по приглашению председателя ее» [15].

Форт Суворова, достройкой которого занимался капитан Э.О. Маак во время бомбардировки Владивостока японской эскадрой 22 февраля 1904 г. Фото 1920 г. Фото из собрания авторов

Владивостокъ во время бомбардировки.
(Одинъ изъ фортсъ Владивостока).

Пропагандистская открытка, посвященная бомбардировке Владивостока 22 февраля 1904 г. Не имеет ничего общего с действительностью, потом и «дозволена цензурой». Из собрания Г.П. Турмова

В 1904 г. с началом Русско-японской войны нагрузка на владивостокских инженеров, включая Э.О. Маака, резко увеличилась, поскольку им было предписано, помимо выполнения своих основных обязанностей по достройке ранее начатых оборонительных сооружений, в срочном порядке принять участие в мобилизационных работах [16]. Требовалось спешно достраивать восточную часть долговременного сухопутного обвода крепости, а затем, когда было принято решение о вынесении основной линии обороны на высоты южного борта долины реки Седанки и на весь периметр Русского острова, появилась необходимость ускоренного строительства сильных полевых позиций и прокладки новых дорог. Бомбардировка крепости 22 февраля 1904 г. японской эскадрой под командованием адмирала Камимурэ застала Эрнеста Оскаровича на форту Суворова, который подвергся неприятельскому обстрелу, но капитан Маак, тем не менее, продолжил работы под огнем неприятеля. 18 августа 1904 г. Эрнест Оскарович «за отличия в делах против японцев» был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом.

Капитан Э.О. Маак. Владивосток, 1904 г. Из семейного архива А.И. Вологодина

15 мая 1904 г. Э.О. Маак был назначен членом комиссии по освидетельствованию работ, произведенных капитаном Новицким по постройке над б. Соболев временной батареи на шесть 6-дюймовых пушек Канэ на корабельных станках. Поскольку именно с этого направления производилась японская бомбардировка Владивостока, то его усиливали всеми возможными средствами [17].

1 марта 1906 г., уже по окончании боевых действий с Японией, Маак «за понесенные во время войны труды» был произведен в подполковники, в декабре 1907 г. он получил орден Св. Станислава 2-й степени. 31 января 1907 г. приказом по инженерному корпусу Маака назначают штаб-офицером Владивостокского крепостного инженерного управления. В том же 1907 г. у Эрнеста Оскаровича и Анны Ивановны родилась младшая дочь Елена.

Поскольку Владивосток в 1905–1907 гг. сотрясали события Первой русской революции, Эрнесту Оскаровичу случалось выполнять поручения начальства, весьма далекие от его основной сферы деятельности, о чем свидетельствует приказ по крепостному инженерному управлению № 139, отданный 23 сентября 1906 г. начальником инженеров крепости полковником В.И. Жигалковским:

«Дополнение I к приказу № 139 от 29 сентября 1906 г.

Военный инженер подполковник Маак рапортом от 6 сего сентября за № 82 донес, что он отправился того же числа в урочища Славянку, Посыет, Новокиевск, пост Савеловку и Русский Хунчун для производства дознания о побеге осужденного военного инженера подполковника Петровского.

Объявляя о сем, предлагаю показывать названного штаб-офицера по спискам Управления в командировке.

По следам старой фотографии

Справка: предписание мое от 4 сего сентября N 8097» [18].

Эрнесту Оскаровичу также поручали улаживать разного рода недоразумения, возникавшие иногда у крепости с местными предпринимателями, о чем свидетельствует приказ по Владивостокской крепости N 224 от 26 марта 1906 г., отданный временно исполняющим должность коменданта Владивостокской крепости генерал-майором Л.К. Артамоновым:

«Для определения размеров убытков, понесенных подрядчиком Голубицким от самовольного пользования его строительными материалами и дровами, назначаю комиссию под председательством 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковника Фогелева, в составе членов: военного инженера подполковника Маак и члена Городской управы Манаева.

О результатах действия этой комиссии мне донести» [19].

На Маака также возлагались решения, касающиеся отдельных особо ответственных строительных вопросов, о чем свидетельствует приказ по Владивостокской крепости от 15 ноября 1906 г. за N 844, отданный и.д. коменданта Владивостокской крепости генерал-майором В.А. Ирманом:

«Для освидетельствования прочности потолков нижнего этажа правой половины в здании, занимаемом Гарнизонным военным собранием, назначается комиссия под председательством военного инженера подполковника Маака, из членов: одного офицера от инженерных войск по назначению начальника инженеров крепости, хозяина собрания и одного офицера от полков 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, по назначению штаба дивизии.

Комиссии собраться 16 сего ноября и акт осмотра представить мне» [20].

Штабная служба подполковника Маака складывалась вполне успешно, и он выдвинулся в число наиболее авторитетных старших офицеров Владивостокского крепостного инженерного управления. Об этом может

свидетельствовать тот факт, что в феврале–марте 1908 г. он временно исполнял должности начальника инженеров, председателя Владивостокской строительной комиссии и Строителя Владивостокских укреплений, затем помощника Строителя Владивостокских укреплений. Он также исполнял эти должности и в июне–июле 1908 г.

По-видимому, именно после перевода Эрнеста Оскаровича непосредственно в крепостное инженерное управление его семья и получила комфортабельное служебное жилье в самом центре Владивостока – большой одноэтажный деревянный особняк N 51, стоявший на участке Инженерного ведомства на углу улиц Алеутской и Первой Морской, фактически на Вокзальной площади. К сожалению, этот особняк до настоящего времени не сохранился, поскольку был разобран при реконструкции и расширении Вокзальной площади.

Эрнест Оскарович, прослужив достаточно долго на Дальнем Востоке, имел хорошее денежное содержание и, по-видимому, его доходы не исчерпывались официальным жалованьем. Дело в том, что во Владивостоке тогда существовала острейшая нехватка инженеров-строителей и архитекторов, поэтому командование не препятствовало тому, чтобы военные инженеры во внеслужебное время занимались проектными и строительными работами для гражданских нужд. В ряде случаев военные инженеры могли выступать в качестве подрядчиков и на казенных работах, хотя подрядные работы на собственных строительных участках не поощрялись. В пользу наличия у Эрнеста Оскаровича дополнительных источников денежных средств свидетельствует покупка им в 1905 г. большого имения в Вологодской губернии, куда он собирался переселиться после выхода в отставку и за которое он заплатил шесть тысяч пятьсот рублей. В имении велись сельскохозяйственные работы, и наемный управляющий присылал Эрнесту Оскаровичу ежегодные отчеты о хозяйственной деятельности [21].

Анна Ивановна Маак в зрелые годы. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Анна Ивановна Маак в зрелые годы. Фотостудия И. Громова, Вологда. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Анна Ивановна Маак с детьми – дочерью Тамарой и сыном Георгием. Анна Ивановна и Эрнест Оскарович переживут их обоих. Из семейного архива Е.А. Андреевой

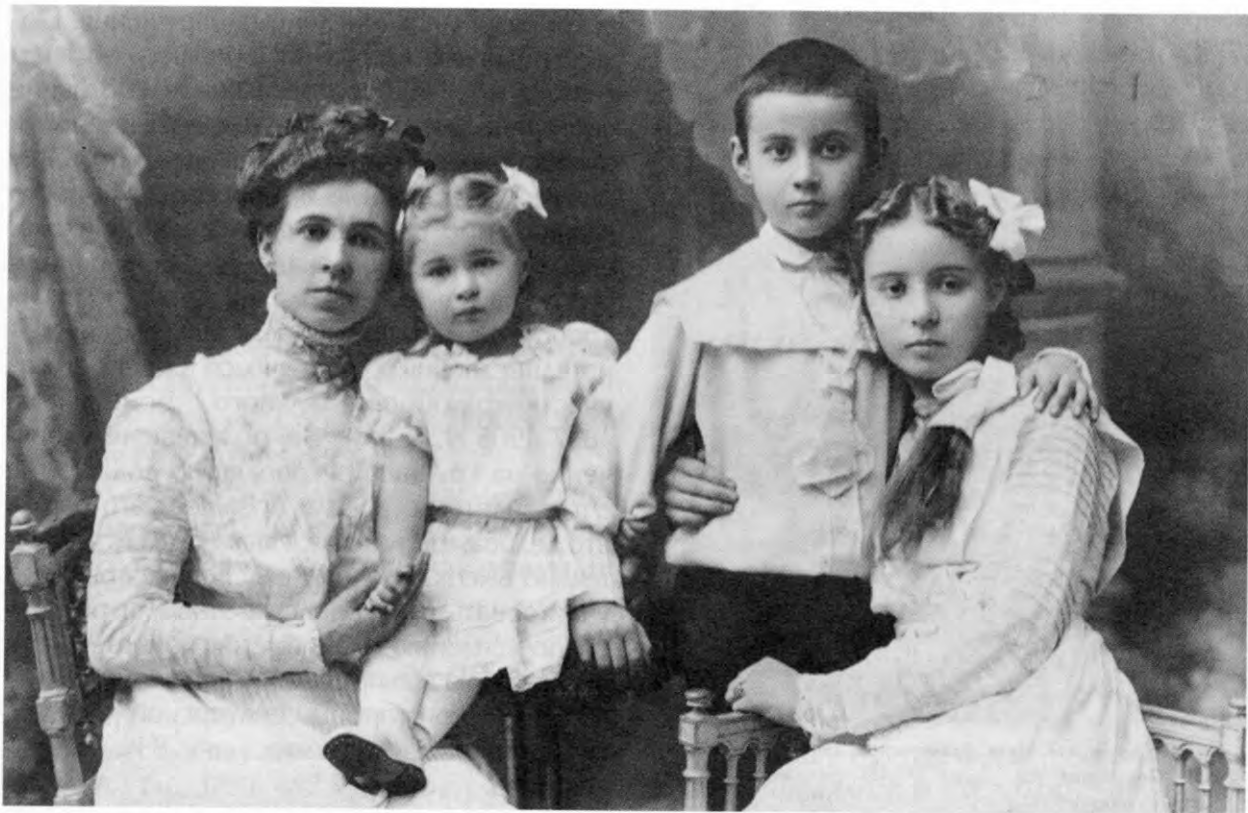

Тамара Эрнестовна Маак в юности. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Кроме того, Э.О. Маак, хотя и не собирався связывать всю свою жизнь с Владивостоком, тем не менее, построил для своей семьи огромный загородный дом – дачу на Седанке на улице Чайковского, где можно было обитать хоть круглый год (к сожалению, дом до настоящего времени не сохранился) [22]. Известно, также, что он нанимал для своих детей гувернантку, а также учительницу французского языка, в доме имелась прислуга, с которой у семьи Маак были почти родственные отношения, и там обычно гостил кто-то из родственников Анны Ивановны. Как он вспоминал впоследствии в письме к родственникам в 1935 году – «*во Владивостоке мы привыкли жить на широкую ногу*» [23]. Эрнест Оскаровичу также была не чужда и общественная жизнь Владивостока. Например, в 1909 г. он вместе с военным инженером полковником И.А. Юшенковым принял активное участие в перестройке здания Музея Общества изучения Амурского края.

Георгий и Тамара Маак с гувернанткой. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Тамара, Георгий и Елена Маак (справа налево) с учительницей французского языка. Из семейного архива Е.А. Андреевой

6 декабря 1909 г. подполковник Маак был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, а 26 апреля 1910 г. его назначили начальником Хозяйственного отделения Управления Строителя Владивостокской крепости. Это было ответственное и необычное назначение. Дело в том, что в начале 1910 г. во Владивостокском крепостном инженерном управлении и Управлении строителя Владивостокской крепости произошли буквально тектонические перемены. Многолетний начальник инженеров Владивостокской крепости и Строитель Владивостокских укреплений генерал-майор Вацлав Игнатьевич Жигалковский был отправлен в отставку «с сохранением мундира и назначением пенсии», но этому предшествовал громкий скандал о злоупотреблениях в крепостном строительстве, разбиралась с которым ревизия сенатора Глишинского, проводившая «ревизию учреждений и установлений Иркутского и Приамурского военных округов» и

Фото, ошибочно подписанное Ф.М. Свидерским, как «Ричарда Карловича Маак на нашей даче на Седанке» - по видимому, Оскар Карлович Маак, отец Э.О. Маака. Из семейного архива Ф.М. Свидерского

Подполковник Э.О. Маак. Владивосток, 1907 г. Фотоателье Ф.И. Подзорова (см. главу 1). Из семейного архива Ф.М. Свидерского

вскрывшая многочисленные нарушения. Помимо Жигалковского (накопившего за годы службы во Владивостоке личное состояние около пяти миллионов рублей) из крепости были переведены или отправлены в отставку почти все остальные инженеры, а их место заняли либо молодые выпускники Николаевской инженерной академии, либо офицеры, переведенные во Владивосток из других крепостей. Подполковник Маак был наверно единственным оставшимся в крепости из участников оборонительного строительства 1897–1905 гг., к тому же, получившим назначение на крупную руководящую должность. Это свидетельствовало прежде всего о том, что деловая репутация Маака была исключительно высока, почему ему все же доверили участвовать в руководстве новыми работами по усилению Владивостокской крепости, несмотря на все претензии, выдвинутые лично к нему со стороны сенаторской ревизии, как к ближайшему помощнику В.И. Жигалковского.

Подполковник Э.О. Маак с супругой Анной Ивановной. Из семейного архива А.И. Вологодина

Отношение коменданта крепости генерал-лейтенанта В.А. Ирмана к оставшимся во Владивостоке членам бывшей «команды» Жигалковского оставалось крайне недоброжелательным. В 1911 г. им был отдан под суд военный инженер капитан В.А. Свинын, который хотя и был по суду оправдан, но его от греха подальше перевели в Хабаровск. А в 1912 году аналогичная история произошла и с подполковником Э.О. Мааком, о чем свидетельствует приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 117 от 6 апреля 1912 г.:

«Согласуясь с заключением Военно-прокурорского надзора Приамурского военно-окружного суда и на основании ст. 26 и 262 кн. XXIV Свода Военных постановлений 1869 г. изд. 3, предаю военного инженера подполковника Маака Приамурскому военно-окружному суду по обвинению его в преступных деяниях, предусмотренных в ст. 362, 1 ч., 372 и 487 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [24].

Обвинения были достаточно серьезными, поскольку статья 362 относилась к Главе IV «Уложения о наказаниях» – «О подлогах по службе» и предусматривала в качестве самого мягкого наказания лишение всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Статья 372, относящаяся к Главе V «О злом и лихонимстве», была относительно «вегетарианской», поскольку предусматривала за принятый по службе подарок «хотя и без всякого нарушения своих обязанностей» возврат стоимости подарка в казну в двойном размере. Однако если же подарок был принят до исполнения того, за что он был предназначен, то помимо этого предусматривалось и отрешение лица, состоящего на государственной службе, от должности. Статья 487 предусматривала за всякие денежные сделки подрядчиков и поставщиков с чиновниками и другими должностными лицами денежные взыскания в пользу казны, а для чиновников и должностных лиц сверх того и «исключение из службы».

Поскольку в послужном списке Э.О. Маака о каких-либо наказаниях и даже взысканиях не упоминается, то из этого следует, что по суду, несмотря на весьма серьезные обвинения, он был оправдан, а переводиться из Владивостока подобно В.А. Свиныну ему не пришлось, поскольку вскоре комендант крепости генерал-лейтенант В.А. Ирман сам перевелся в 1912 г. из Владивостока на Кавказ.

По-видимому, в ходе судебных разбирательств учли то обстоятельство, что все объекты инфраструктуры Владивостокской крепости, возводимые в 1909–1910 гг., были построены в срок, с высоким качеством и без перерасхода средств для казны.

Проводившиеся работы по усилению Владивостокской крепости были просто несопоставимы по масштабам с произведенными ранее. Строились 11 мощных фортов, каждый из которых превосходил по своей мощи любой форт старой постройки, реконструировалось и строилось вновь около 50 береговых батарей, велось обширное дорожное и казарменное строительство. На строительных работах в крепости ежегодно осваивалось от четырех до двенадцати миллионов золотых рублей – огромные по тем временам деньги [25]. В этих условиях опыт Э.О. Маака, единственного из руководителей строительством владивостокского старожила, прекрасно знавшего местные условия, имевшего обширные связи в деловых кругах и хорошо знакомого с особенностями организации строительства в весьма специфических владивостокских условиях, оказался незаменим.

По мере развертывания строительных работ должностной статус Эрнеста Оскаровича постепенно повышался. 11 июня 1911 г. он был назначен помощником заведующего канцелярией Управления Строителя Владивостокской крепости, 31 октября 1912 г. приказом по Военно-инженерному ведомству он был переведен в число штаб-офицеров, состоящих по штату в распоряжении Главного инженерного управления. 21 ноября того же года он был назначен исполняющим

По следам старой фотографии

должность помощника Строителя Владивостокской крепости, а 6 декабря 1912 г. его произвели в полковники.

21 февраля 1913 г. Мааку пожаловали светло-бронзовую медаль «В память 300-летия дома Романовых». 9 июля приказом по Военно-инженерному ведомству его вновь перевели в Управление Строителя Владивостокской крепости, а 12 сентября 1913 г. назначили помощником Строителя Владивостокской крепости. 6 декабря 1913 г. Эрнеста Оскаровича наградили орденом Св. Владимира 4-й степени – высокой по тем временам наградой, и это награждение свидетельствовало о его больших заслугах на строительстве крепости.

В 1913 году во Владивосток приехала Анна Александровна Захарова – тетка Анны Ивановны, которая поселилась в семье Мааков, чтобы помогать им по хозяйству. Сохранились письма Анны Александровны, отправленные Эльзе Оскаровне Питашиной – сестре Эрнеста Оскаровича в Вологду. Вот как она описывает свой приезд в дом Мааков: *«В среду 30 октября в 6 часов утра мы благополучно приехали во Владивосток. Эрнест и Жоржик встретили нас за 200 верст [по-видимому, все же за 100 верст, на станции Никольск-Уссурийский], Тамара с женихом ... на вокзале. Жених Тамары произвел на меня очень хорошее впечатление. В тот же день с Анютой съездили в баню. Ехали всю дорогу очень хорошо и покойно, я ни сколько не устала, даже голова не кружилась, как вышли из вагона, сама даже удивляюсь. Дорогой было лето и зима форменная, от Вятки очень много снега, хороший санный путь, а потом опять лето. Здесь когда приехали совсем тепло было два дня, а сегодня такая буря и снегу очень много напало. Говорят, что так рано никогда не было снегу»* [26].

Здесь представляет интерес упоминание о погоде. Действительно, осень – лучшее время года во Владивостоке и до первых чисел ноября может стоять по-летнему теплая, сухая, но не жаркая погода, а выпадение снега в начале ноября бывает не часто.

Также интересно упоминание о женихе Тамары Эрнестовны Маак. Дело в том, что Эрнест Оскарович Маак по служебным делам был тесно связан с представителями деловых кругов Владивостока. Кроме того, многие крупные предприниматели, так же, как и сам полковник Маак, имели загородные дома на Седанке, что также способствовало соседскому общению. Поэтому нет ничего удивительного, что женихом старшей дочери Маака и ее первым мужем стал Александр Алексеевич Старцев – сын и наследник Алексея Дмитриевича Старцева, известного владивостокского предпринимателя, один из владельцев острова Путятин. Еще сам Алексей Дмитриевич устроил на острове образцовое имение, в котором разводил пятнистых оленей и лошадей, а также организовал фарфоровое и кирпичное производство. Он также имел собственный четырехэтажный дом во Владивостоке. Алексей Дмитриевич был незаконнорожденным сыном ссыльного декабриста Николая Бестужева и бурятки, а после смерти отца воспитывался в семье селенгинского купца Старцева, чью фамилию он и взял. Родство Маака с наследниками Старцева породило впоследствии семейную легенду о том, что Эрнест Оскарович был владельцем острова Путятин [27], что совершенно не соответствовало действительности, тем более что брак Тамары с Александром Старцевым оказался неудачным и вскоре распался.

Впоследствии Тамара Эрнестовна вышла замуж за другого крупного владивостокского предпринимателя – Аввакума Аввакумовича Свидерского, сына селенгинского купца Аввакума Гавриловича Свидерского, одного из крупнейших дальневосточных рыбопромышленников, лесопромышленников и золотопромышленников. Этот брак оказался счастливым, в 1920 г. у Тамары Эрнестовны родилась дочь Екатерина, внучка Эрнеста Оскаровича. Однако закончился этот брак трагически, поскольку А.А. Свидерский погиб 1 сентября 1923 г. в Японии, где он был в деловой поездке, во время страшного Токий-

ского землетрясения. Сын Екатерины Аввакумовны – Феликс Маратович Свидерский, правнук Э.О. Маака, в настоящее время проживает в Израиле.

Уместно также вспомнить еще одну легенду, ходившую среди старожилов Седанки, о том, что на улице Чайковского была дача, где когда-то жил «*ученый-географ академик Маак*» [28]. Эта легенда чуть было не получила подтверждения от Феликса Маратовича Свидерского, который прислал фотографию, где запечатлен представительный седой джентльмен, сидящей на открытой веранде, и снабженную подписью, что это «Ричард Карлович Маак на нашей даче на Седанке». Однако, поскольку Ричард Карлович умер в 1886 г., то есть более, чем за десять лет до переезда Эрнеста Оскаровича и его семьи на Дальний Восток, то его на «седанкинской» фотографии физически быть не могло, а наиболее вероятно, что там изображен Оскар Карлович Маак, отец Эрнеста Оскаровича, который вполне мог приезжать в гости к сыну, то есть брат знаменитого ученого.

Начало 1914 года не предвешало для Эрнеста Оскаровича и его близких ничего плохого. Строительство крепостных

Полковник Э.О. Маак. 1914 г.
Из семейного архива А.И. Володина

Полковник Э.О. Маак с супругой Анной Ивановной. Фрагмент групповой фотографии 1914 г. Из собрания Дома музеев ДВГТУ

сооружений достигло рекордных масштабов, и по количеству освоенных капиталовложений это был самый удачный год. 13 января 1914 г. Мааку была пожалована светло-бронзовая медаль «В память 100-летия Отечественной войны». Его опытность в хозяйственных и финансовых делах и высокая деловая репутация была признана тем, что 3 марта 1914 г. полковника Маака назначили председателем комиссии, заведующей офицерским заемным капиталом. За 15-летнюю службу в Приамурском военном округе в 1914 г. он выслужил право на особую Амурскую пенсию, что давало перспективу безбедного существования после ухода в отставку. А 17 июня 1914 г. приказом по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу полковника Маака назначили представителем Военного ведомства в торговое по портовым делам присутствие Владивостокского торгового порта вместо переведенного в Петербург военного инженера полковника Г.Б. Кригера-Войновского [29].

Вряд ли сам Эрнест Оскарович предполагал, что эта, одна из многочисленных его должностей, доставит ему, пожалуй, наибольшие хлопоты, поскольку начавшаяся вскоре Первая мировая война буквально обрушила на Владивосток огромный вал разного рода грузов для нужд Действующей армии, что потребовало расширения порта. 1 января 1915 г. «высочайшим приказом *«за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами Русско-германской войны»* полковник Маак удостоился высочайшего благоволения, т.е. благодарности царя. А 25 апреля 1915 г. полковника Э.О. Маака назначили членом комиссии по упорядочению отправки военных грузов из Владивостокского порта. Председателем комиссии был начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости генерал-майор А.П. Шошин, а вторым членом – начальник Владивостокского крепостного артиллерийского склада полковник Иванов [30].

Кроме того, по завершении строительного сезона 1914 года большая часть военных инженеров, занятых на постройке фортификационных сооружений, отправилась на фронт. На долю оставшихся выпала еще большая нагрузка, поскольку в 1915 году строительные работы были продолжены, хотя и в несколько меньших масштабах. 22 июня 1915 г. в дополнение ко всем остальным занимаемым должностям обязанностям Э.О. Маак принял должность помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского. 28 августа 1915 г. он был назначен исполняющим должность помощника Строителя Владивостокских укреплений по хозяйственной части и сдал эту должность только через месяц. В декабре 1915 г. Э.О. Маак временно исполнял должность начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости в связи с отъездом исполняющего эти должности полковника А.Л. Федорова в Шанхай для приемки ледокольного катера (портового ледокола) «Генерал-адъютант Сухомлинов», заказанного для нужд крепости (о судьбе этого ледокола см. известный рассказ адмирала И.С. Исакова «Крестины кораблей») [31]. В январе 1916 г. по приказанию и.д. коменданта крепости генерал-лейтенанта Д.Д. Крылова полковника Маака включили в состав комиссии по реквизиции станков и других предметов заводского оборудования для нужд обороны государства, что также добавило ему дополнительных забот [32].

В годы Первой мировой войны через Владивостокский порт проходило огромное количество разнообразных военных грузов, включая взрывчатые вещества, необходимые для нужд Действующей армии. Часть их временно хранилась в пироксилиновых складах Владивостокского крепостного минного батальона и требовалось уделить серьезное внимание безопасности их хранения, а также усилить соответствующие противопожарные средства. Для решения этих вопросов в сентябре 1916 г. также была создана комиссия, в состав которой включили полковника Маака [33].

Последствия «сражения» рядом с домом Маака. Штаб Владивостокской крепости после боя восставших «чехословаков» с оборонявшими здание штаба красногвардейцами. Июнь 1918 г. Фото из архива журнала *Forteca*

31-й пехотный полк армии США, высадившийся во Владивостоке, на торжественном построении прямо под окнами дома Маака (деревянный дом справа). Август 1918 г. Фото из собрания Андрея Кайнарана (Киев, Украина)

Второе сражение под окнами дома Маака. Здание железнодорожного вокзала во Владивостоке, поврежденное при подавлении Гайдовского восстания в ноябре 1919 г. Фото из собрания Андрея Кайнар-на (Киев, Украина)

Декабрь 1922 г. На Вокзальной площади Владивостока под окнами дома Э.О. Маака стоят командующий войсками Сибири Н.Н. Петин (под номером 2) и командующий бывшей Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики И.П. Уборевич (под номером 4) на митинге и параде по случаю переименования армии в советскую 5-ю армию. Слева от Петина стоит председатель Дальревкома П.А. Кобозев. Н.Н. Петин, как и Э.О. Маак тоже был уроженец Вологды, но вряд ли они были знакомы. Пути Петина и Маака пересеклись снова, когда осенью 1932 г. начальник инженеров РККА Петин посещал в ходе инспекторской поездкой Управление начальника инженеров Морских сил Дальнего Востока и его объекты. Фото из собрания Ю.М. Зайцева

Жены офицеров Владивостокской крепости, включая и военных инженеров, проводили в годы Первой мировой войны большую работу по сбору вещей для раненых и отправке их на фронт. Жена начальника инженеров крепости генерала-майора Алексея Петровича Шошина, Анна Ивановна организовала для этой цели кружок *«из дам чинов Крепостного инженерного управления и Государственного контроля»*, в котором ведущие роли играли Анна Ивановна Маак (жена полковника Э.О. Маака), Юлия Николаевна Соловьева (жена Главного контроллера по постройке крепостных и казарменных сооружений Южно-Уссурийского края Н.М. Соловьева) и Р.Н. Крылова (жена старшего делопроизводителя Крепостного распорядительного комитета по постройке Владивостокской крепости действительного статского советника Крылова) [34].

Интересное свидетельство о благотворительных мероприятиях во Владивостоке в годы Первой мировой войны оставила Анна Александровна Захарова, тетка Анны Ивановны Маак, постоянно проживавшая в семье Эрнеста Оскаровича. В письме к Эльзе Оскаровне Питашиной она писала: *«Вчера в Николин день в Коммерческом училище был концерт в пользу раненных. Назывался чайным, по всему залу наставлены штук 50, каждый столик 5 р., конечно все они заняты. Публике прислуживали все барышни в белых передничках, на сцене концерт, пелись все гимны и чудные живые картины. Собрали больше десяти тысяч. Вообще здесь сборы очень большие»* [35].

Все бурные политические события 1917–1922 гг., обрушившиеся на страну и Владивосток не прошли мимо Эрнеста Оскаровича. Ситуацию усугубило то, что дом, где он жил, оказался в эпицентре всех революционных катаклизмов. Непосредственно под окнами дома Мааков на Вокзальной площади проходили бурные революционные митинги 1917 г., а в июне 1918 г. здесь вспыхнул настоящий бой, когда восставшие чехословаки выбивали из здания Штаба крепости засев-

ший там отряд красногвардейцев. Прямо у дома Маака проходили построения и парады высадившихся во Владивостоке войск интервентов, как это было, например, в августе 1918 г., а также белогвардейских войск. В ноябре 1919 г. на Вокзальной площади произошла настоящая кровавая бойня, когда во время так называемого Гайдовского восстания верные колчаковскому правительству войска брали штурмом здание вокзала, захваченное мятежниками. В октябре 1922 г. здесь был митинг по случаю вступления во Владивосток войск Народно-революционной армии Дальневосточной республики, а в ноябре 1922 г. здесь же прошел митинг и военный парад по случаю воссоединения Дальневосточной республики с РСФСР и обратного переименования Народно-революционной армии в 5-ю армию.

При всех сменявших во Владивостоке начиная с 1917 г. друг друга с калейдоскопической быстротой властях – при Временном правительстве, при советской власти, при Временном правительстве Автономной Сибири, при правительстве адмирала Колчака, правительстве Приморской земской управы, признавшем над собой правительство Дальневосточной республики, при правительстве братьев Меркуловых, правительстве генерала Дитерихса и, наконец, снова при советской власти, штаб и управления Владивостокской крепости продолжали функционировать в нормальном рабочем режиме. И все это время полковник Маак по-прежнему был одним из руководителей крепостного инженерного управления. Так, в сентябре–октябре 1917 г. Э.О. Маак временно исполнял обязанности начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости на время командировки генерал-майора А.Л. Федорова в Хабаровск, однако приказ об этом наряду с комендантом крепости генерал-майором И.А. Думбадзе подписал комиссар Военной комиссии Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов большевик Алютин [36]. В апреле 1918 г. Э.О. Маак вновь исполнял обязанности начальника

По следам старой фотографии

инженеров и Строителя Владивостокской крепости вместо заболевшего А.А. Федорова, но приказ об этом был подписан начальником штаба крепости Станишевским и председателем Военного комиссариата большевиком Владивостоковым [37].

В 1919 г. Эрнеста Оскаровича постигла тяжелая утрата – в возрасте 19 лет умер его сын Георгий, талантливый молодой человек, с отличием окончивший Владивостокское коммерческое училище.

В 1920–1921 гг. при полубольшевистском Правительстве Приморской земской управы до самого Меркуловского переворота «бывший полковник» Э.О. Маак исполнял обязанности начальника инженеров Владивостокской крепости. После Меркуловского переворота Эрнест Оскарович не проявил должного рвения в службе у белых, поскольку их крах был очевиден для любого здравомыслящего человека. 19 октября 1921 г. приказом N 8 по Военно-морскому ведомству Маак был отстранен от должности начальника инженеров крепости за «*небрежность при выполнении боевого приказа*», однако уволить его с военной службы белые не посмели, оставив его «*в распоряжении начальника снабжения*» [38]. Более того, полковник П.П. Унтербергер, назначенный на его место, должность не принял и в качестве компромисса начальником инженеров назначили полковника И.Х. Шволковского, служившего ранее в Строительной части Владивостокского военного порта. Только в августе 1922 г. [39] Унтербергер принял должность начальника инженеров. Эрнест Оскарович Маак остался на службе и после прихода большевиков в 1922 г.. После отъезда в октябре 1922 г. в эмиграцию начальника инженеров Владивостокской крепости полковника П.П. Унтербергера Эрнест Оскарович Маак

Начальник инженеров Владивостокской крепости бывший полковник Э.О. Маак. 1920 или 1921 г. Погонов на шинели уже нет, но пуговицы с «орлами» еще на месте. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Бывший полковник Э.О. Маак с семьей на крыльце служебного особняка. Слева направо – Тамара Эрнестовна Маак, Анна Ивановна Маак, Елена Эрнестовна Маак и сам Эрнест Оскарович Маак. Сидит, предположительно, А.А. Свидерский, муж Тамары Маак. Осень 1922 г. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Бывший полковник Э.О. Маак в 1920-е годы. Форменные пуговицы с «орлами» с мундира спороты. Из семейного архива Е.А. Андреевой

вновь стал начальником инженеров Владивостокской крепости и находился на этой должности уже вплоть до самого расформирования штабов и управлений крепости в начале 1923 г. Таким образом, он оказался последним начальником инженеров Владивостокской крепости, на долю которого выпала окончательная ликвидация всех дел, связанных с ее строительством [40].

В феврале 1923 г. во Владивосток пришла комиссия по учету военного имущества на Дальнем Востоке под председательством помощника начальника артиллерии Красной армии П.А. Петряева. Реальной задачей комиссии было всестороннее исследование состояния Владивостокской крепости с целью определить перспективы ее дальнейшего использования. В работе комиссии и составлении соответствующего отчета приняли участие два начальника инженеров

Владивостокской крепости бывшие генерал-майор А.Л. Федоров и полковник Э.О. Маак. Комиссия подготовила типографский отчет, который явился фундаментальным научным трудом, всесторонне характеризовавшим крепость и крепостной район. Отчет отпечатали в пятидесяти экземплярах. Комиссия сделала совершенно справедливый вывод о том, что восстановление былой мощи крепости – только вопрос времени.

В заключение отчета председатель комиссии П.А. Петряев особо отметил, имея в виду, прежде всего бывшего полковника Маака: *«В настоящее время во Владивостоке сохранился некоторый кадр работников крепости, преимущественно по военно-инженерному ведомству, являющихся энтузиастами своего дела, работающих на нем десятки лет, знающих его буквально как свои пять пальцев, вложивших в это дело свою жизнь, и, несомненно, всеми мерами оберегавших его от разрушения, как интервенты, так и белыми. Кадр этот постепенно тает и необходимо принять какие-либо меры к его сохранению»* [41].

Может быть, именно поэтому большевистский режим обошелся с Эрнестом Оскаровичем и его семьей относительно мягко. Их, разумеется, выселили после официального расформирования Владивостокской крепости из служебного особняка на углу Первой морской и Алеутской, но взамен предоставили квартиру в двухэтажном деревянном многоквартирном доме № 8 на улице Посьетской, некогда принадлежавшем Военному ведомству. Кроме того, Мааку оставили загородный дом на Седанке, хотя об имении в Вологодской губернии в тех условиях лучше было вообще не вспоминать.

Служебный дом, который ранее занимал Э.О. Маак с семьей, снесли при реконструкции Вокзальной площади в 1930 г. при возведении на ней памятника Ленину. Судьба дома, в котором Э.О. Маак прожил до самой своей смерти, также оказалась несчастливой. В 1987 г. он был принят на государственную охрану как памятник истории,

Тамара Эрнестовна Маак с дочерью Екатериной. 1928 г. Из семейного архива Е.А. Андреевой

Тамара Эрнестовна Маак в 1920-е годы. Из семейного архива Ф.М. Свидерского

Вокзальная площадь, 1930 г. Бывший дом Э.О. Маака уничтожен во время реконструкции площади при установке памятника В.И. Ленину. Фото из собрания авторов

поскольку в одной из его квартир когда-то собиралась подпольная большевистская организация. В 1992 г. дом был передан какой-то коммерческой структуре для дальнейшего использования в качестве нежилого помещения. Все его жильцы были расселены, а сам дом остался заброшенным, и в 1994 г. он «случайно» сгорел. Поскольку историческая ценность его после крушения советской власти несколько снизилась, то по поводу уничтожения исторического памятника даже не стали проводить какого-либо расследования. А на освободившемся участке земли построили огромное высотное здание.

Мы не знаем точно, на какие средства существовал Эрнест Оскарович после упразднения Владивостокской крепости и ухода с военной службы, однако нет никаких сомнений, что он не испытывал недостатка в деньгах, поскольку как и до революции мог их заработать инженерным трудом столько, сколько ему было нужно для безбедного существования. В частности, он достаточно регулярно выезжал на Запад в гости к родственникам. В письме от 6 октября 1928 г. к своей сестре Эльзе (ее также называли Ольгой) он писал, например: *«пребывание в Вологде кажется мне каким-то хорошим сном»* [42]. Он также старался помогать родственникам материально. Дело в том, что его брат Владимир попал в довольно тяжелое положение, поскольку был буквально ограблен властями на основании «Декрета ВЦИК и СНК от 29 марта 1925 года» о выселении бывших помещиков. Он имел небольшой хутор Нагорное-Логиново Тошне-Емской волости Вологодского уезда, где единолично занимался сельским хозяйством исключительно с целью собственного пропитания. И вот этот хуторок с одиннадцатью десятинами земли был объявлен «помещечьим хозяйством» и у новоявленного «помещика» конфисковали помимо земли *«постройки в количестве одного жилого дома и одной служебной постройки, сельскохозяйственный инвентарь: косилка - 1, грабли - 1, плуг - 1, соломорезка - 1, веялка - 1, борона - 1»* [43].

В том же письме от 6 октября 1928 г. Эрнест Оскарович написал сестре – *«Дорогая Оля! По приезде во Владивосток перевел тебе 35 рублей, из них 25 руб. стоимость взятого нами варенья, а 10 руб., как я обещал тебе, от нас на квартирные расходы до поступления Тани на место. Володя, хотя и говорил мне, что он вместе с Маней хотят подарить нам это варенье, но, зная их тяжелое материальное положение, я теперь этого подарка принять не могу»* [44].

Летние сезоны в 20-е годы семья Мааков проводила на Седанке на даче. Перед домом был разбит небольшой палисадник, но сама дача буквально утопала в лесу, который не был вырублен, а большая открытая веранда была оплетена виноградной лозой. Даже на сохранившейся фотографии того времени огромные деревья маньчжурского ореха и заросли винограда отражают величие природы этого райского уголка. На Седанке также была дача сестры Анны Ивановны – Глафиры Ивановны Андреевой, где она проживала с мужем и детьми. Кроме того, на Седанке жили оставшиеся во Владивостоке представители бывшей «бизнес-элиты» города, у которых отобрали всю городскую недвижимость, но дачи оставили. Все это позволяло Эрнесту Оскаровичу и Анне Ивановне сохранять привычный им круг общения и чувствовать себя в какой-то степени независимыми от происходящих политических перемен.

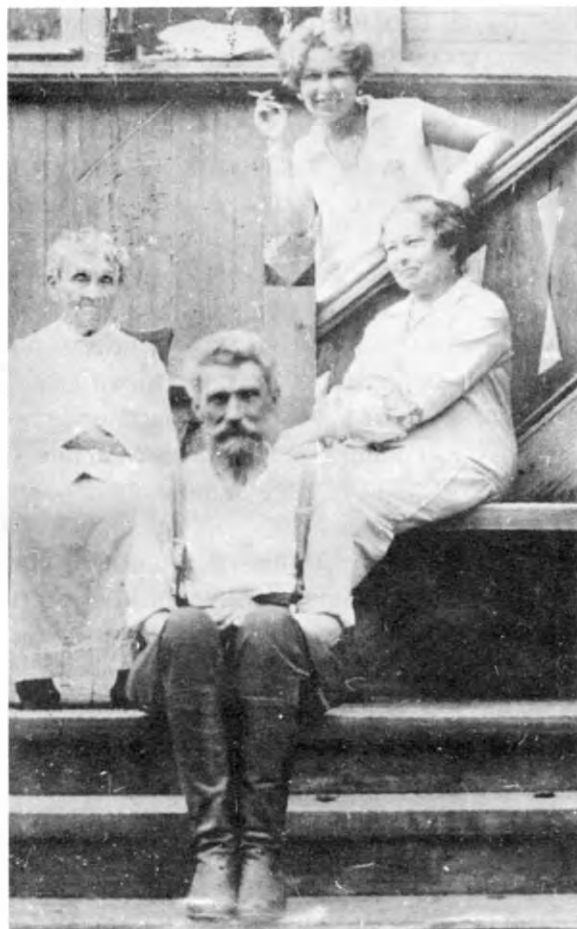
Однако, ставший уже привычным, стиль жизни благополучного отставника Эрнесту Оскаровичу пришлось очень резко поменять. В 1931 г. японские войска вторглись в соседнюю с Приморьем Маньчжурию, что создало прямую угрозу захвата японцами Дальнего Востока СССР. Соппротивление китайских войск продолжалось около полутора лет, что позволило советскому руководству в экстренном порядке провести целый ряд мер по укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей, включая обширную программу сухопутного и берегового оборонительного строительства.

По следам старой фотографии

Анна Ивановна Маак (справа) с сестрой Глафирой Ивановной Андреевой. 1920-е годы.

Эрнест Оскарович Маак (на переднем плане) возле своего загородного дома на Седанке. Слева – предположительно Анна Александровна Захарова, тетка Анны Ивановны Маак, справа Анна Ивановна Маак, на заднем плане – Елена Эрнестовна Маак. 1920-е годы. Из собрания авторов

Загородный дом семьи Маак в пригороде Владивостока на Седанке на ул. Чайковского. Слева возле дома Эрнест Оскарович и Анна Ивановна Маак. На веранде – Елена Эрнестовна Маак. 1920-е годы. Из семейного архива А.И. Володина

В первую очередь требовалось надежно укрепить морские подступы к Владивостоку, важнейшему тихоокеанскому порту СССР и единственному, который имел со страной железнодорожное сообщение. В этих условиях позволить Эрнесту Оскаровичу Мааку – инженеру, имевшему огромный опыт оборонительного строительства во Владивостоке и лучше, чем кто-либо другой знавшему Владивостокскую крепость – продолжить жизнь обычного пенсионера было бы непозволительной роскошью.

В феврале 1932 г. во Владивосток из Москвы прибыл военный инженер Я.Е. Розенталь – инженер по спецработам 5-го сектора Военно-строительного управления РККА, специально командированный для выбора позиций батарей и проверки на месте условий для развертывания крупного оборонительного строительства. Розенталь разыскал Эрнеста Оскаровича и получил от него подробнейшие консультации. В частности, он узнал от Маака, что в качестве инертных материалов для изготовления бетона можно использовать щебень, получаемый при бойке местного гранита, а также песок из карьера в б. Холуай на южном побережье Русского острова. Допускалась возможность использования песка из б. Сидими (западное побережье Амурского залива) и из карьеров в окрестностях станции Раздольное севернее Владивостока. Маак предупредил Розенталя, что строительство обойдется дороже, чем в европейской части страны, не менее чем в полтора раза, из-за необходимости дополнительной морской транспортировки грузов и дороговизны рабочей силы, которой на месте просто нет. Ситуация была намного более сложная, чем в царское время, поскольку в стране, разоренной коллективизацией, элементарно не хватало продовольствия и будущих строителей было нечем кормить, что не позволяло завести во Владивосток достаточное количество рабочей силы и эффективно использовать имеющуюся [45].

Эрнест Оскарович, как человек экономически грамотный и опытнейший хозяйственник, не мог не понимать, что вести строительство объектов Береговой обороны Дальнего Востока во Владивостоке и других стратегически важных пунктах побережья будет несомненно тяжелее, чем во времена постройки Владивостокской крепости. Тем не менее, он согласился принять в этом строительстве посильное участие. В возрасте 72 лет его зачислили, как военного инженера, в кадры Военно-морских сил РККА, и таким образом бывший полковник Маак начал военную службу по второму кругу. После многолетнего перерыва он мог снова надеть военный мундир, с которого не пришлось бы под страхом репрессий спарывать форменные пуговицы. Надо заметить, что морская форма была очень к лицу Эрнесту Оскаровичу, сохранившему, несмотря на преклонный возраст, отменную строевую выправку, и он не расставался с ней и после выхода в отставку, верный своей привычке всегда носить только военную одежду. Снова надев настоящую военную форму, Эрнест Оскарович несколько изменил прическу, аккуратно подстриг бороду и усы и внешне даже помолодел.

Он не ограничился только ролью опытного консультанта, а включился в текущую работу наравне с более молодыми и здоровыми коллегами и принял назначение на должность начальника Проектного отдела Управления начальника инженеров Морских сил Дальнего Востока [46]. Нет сомнений, что ему было легко найти общий язык со своими непосредственными начальниками – начальником 2-го отдела (оборонительного строительства) УНИМСДВ А.И. Васильковым и начальником инженеров МСДВ К.А. Розе, поскольку последние, хотя и относились к совершенно другому поколению инженеров, тем не менее, заканчивали ту же самую бывшую Николаевскую инженер-

ную академию, которая сохранила не только традиции, но даже и основной костяк дореволюционного преподавательского состава. Таким образом, руководители морского оборонительного строительства относились к той же самой русской инженерной школе, что и сам Э.О. Маак.

1932 год – первый год строительства был, наверное, наиболее тяжелым для Проектного отдела. Требовалось внимательно изучить типовые проекты сооружений, присланные из Москвы Управлением начальника инженеров РККА и осуществить их привязку к местности, сделав, в случае необходимости, нужные изменения. Вызывает удивление, насколько быстро Эрнест Оскарович смог включиться в военно-инженерную деятельность, будучи оторванным от нее около десяти лет. За это время в результате опыта Первой мировой войны и прогресса в военной технике существенно изменились сами принципы размещения на местности и устройства фортификационных сооружений, коренным образом изменилась технология, поскольку от трамбованного бетона перешли к армированному (железобетону), появились совершенно новые требования к вентиляции, химической защите, приборному составу, электротехническому оборудованию и средствам связи. Судя по последующим событиям, Маак практически сразу освоил все инженерные нововведения.

Рассмотрев типовой проект для береговой батареи среднего калибра (152-мм пушек Канэ), присланный из Москвы, Маак сделал вывод о его существенных недостатках и в инициативном порядке разработал новый [47]. В этом проекте он использовал идею, заложенную в типовом проекте блока для 180-мм артустановки МО-1-180, где орудия были установлены поверх погребов боезапаса. Он разместил орудия в двухорудийных блоках, причем сами орудия располагались поверх погребов боезапаса, а между ними

размещались убежища для личного состава, оборудованные системами жизнеобеспечения (коллективная противохимическая защита, отопление, вентиляция). Фундаментами для орудий служили не специально набитые массивы, а весь орудийный блок, который, благодаря армированию, работал, как единое целое. В Москве согласились с критикой типового проекта, а поскольку готовить новый уже не было времени, то согласились с постройкой двух батарей во Владивостоке по проекту Маака, но в качестве типового его все же не утвердили. Это были батареи N 904 на о. Шкота (остров у южного побережья Русского острова, соединенный с последним дамбой), и N 912 у б. Филипповского на западном побережье Русского острова. К сожалению, строительство батареи N 912 было остановлено по экономическим соображениям, и батарею достроили в облегченном варианте только в 1937 г. по совершенно другому проекту, но батарея N 904 была введена в строй уже в конце 1932 года. Таким образом, Эрнест Оскарович Маак спроектировал в 1932 г. батарею, отвечавшую тогдашним самым современным требованиям, и добился ее постройки.

Маак выполнил массу других работ, связанных с проектированием оборонительных сооружений, например, производил расчеты по материальному снабжению постройки батальонного района обороны, так, как будто всегда занимался их постройкой. Он смог выдержать напряженнейший темп работы в самый тяжелый, первый год строительства и не менее напряженную работу в 1933 году, когда на оборонительном строительстве во Владивостоке были выполнены основные общестроительные работы. Само собой разумеется, что продолжать столь напряженную службу в достаточно преклонном возрасте ему было очень тяжело, и Маак принял решение уйти в отставку, тем более, что за два первых года строительства ин-

Здание на углу Светланской (в то время Ленинской) и Посыетской улиц, в котором в 1932–1933 гг. размещалось Управление начальника инженеров Морских сил Дальнего Востока, где служил Э.О. Маак. Фото Д.А. Анчи

женерные штаты были укомплектованы молодыми специалистами, набравшимися уже практического опыта. Эрнест Оскарович по окончании службы собирался перебраться доживать свой век на родину, в Вологду, что было бы относительно легко сделать, поскольку ему, как демобилизовавшемуся на Дальнем Востоке командиру, полагался бесплатный вагон для перевозки вещей. Однако планам этим сбыться так и не удалось.

По окончании строительного сезона 1933 г. Эрнест Оскарович взял отпуск и отправился вместе с Анной Ивановной в Ленинград (в н. вр. Санкт-Петербург) на встречу с родственниками. Туда прибыли из Вологды его брат Владимир и сестра Эльза, там же

собрались и родственники Анны Ивановны [48]. К тому времени в Ленинград переехала младшая дочь Эрнеста Оскаровича, Елена, вышедшая замуж за полярного капитана-гидрографа Иннокентия Ивановича Вологодина. Впоследствии у них родился сын Андрей, но внука Эрнест Оскарович уже не увидел. Осенью 1937 г. Иннокентий Иванович Вологодин был арестован после катастрофы гидрографического судна «Хронометр», который выбросило штормом на камни, но в 1939 г. с него сняли политическую статью и амнистировали [49]. Он умер в 1952 году [50]. А Елена Эрнестовна и ее сын, несмотря на репрессии, которым подвергся Иннокентий Иванович, сохранили семейный архив с

Иннокентий Иванович Вологдин, капитан-гидрограф, муж Елены Эрнестовны Маак. Из семейного архива А.И. Вологодина

Военный инженер Эрнест Оскарович Маак (справа) с сестрой Эльзой и братом Владимиром. Ленинград, 1933 г. Из семейного архива А.И. ВОлогдина

Анна Ивановна и Эрнест Оскарович Маак в квартире на Посьетской 8. 1935 г. Из семейного архива Е.А. Андреевой

многочисленными фотографиями Эрнеста Оскаровича в царской военной форме, на что в те времена решались немногие.

Общеизвестно, что в 1933 году в стране, буквально истерзанной коллективизацией, разразился страшный голод. Многие тысячи крестьян, спасаясь от неминуемой голодной смерти, прорывались в города, оцепленные войсками, перемешались по всей стране, пытались найти хоть какие-то источники пропитания, болели и умирали. Все это привело к усилению эпидемических заболеваний, подобно тому, как это было в Гражданскую войну, хотя и в несколько меньших масштабах. Приморье, где столь массового голода не было, тем не менее, также затронули эти несчастья.

И вот в декабре 1933 г. в Ленинград из Владивостока поступила страшная телеграмма о том, что во Владивостоке от брюшного тифа умерла Тамара Эрнестовна Маак – старшая дочь Эрнеста Оскаровича и Анны

Ивановны. Телеграмма пришла на имя ее сестры Елены Эрнестовны, но она просто боялась сказать об этом несчастье родителям. Потом все же решилась сообщить отцу, и Эрнест Оскарович решил утаить информацию от Анны Ивановны до их возвращения во Владивосток, поскольку опасался, что она не доедет до дома живой. Поскольку о несчастье знали все, кроме Анны Ивановны, то семейного праздника уже не получилось [51]. На фотографии, снятой в Ленинграде в те дни, запечатлен Эрнест Оскарович в морской форме и глубоко сочувствующие ему брат Владимир и сестра Эльза. Видно, что житейские испытания буквально согнули Эрнеста Оскаровича, но не сломили этого невероятно сильного духом человека.

По возвращении домой и несколько оправившись от шока, Эрнест Оскарович и Анна Ивановна решили уехать из Владивостока доживать свой век поближе к родственникам. Поскольку поселиться в Ленинграде

в квартире Елены Эрнестовны было бы для них крайне неудобно из-за тесноты, то они решили купить домик в Вологде. В феврале 1935 года Эрнест Оскарович написал своим родственникам, что его бы устроил небольшой деревянный или кирпичный домик комнаты на четыре с теплой кухней и небольшим участком для огорода [52]. Но каких-либо практических действий в плане переезда он предпринять уже не успел. В мае 1935 года в одной из владивостокских газет появилось траурное объявление: *«Жена, дочь и внучка с глубоким прискорбием извещают родных и знакомых о смерти любимого мужа, отца и дедушки, военного инженера Эрнеста Оскаровича Маак, последовавшей 14 мая с.г. Вынос тела из квартиры по Посъетской ул., дом N 8, - в 4 часа дня 16 мая на военно-морское кладбище»* [53]. Таким образом, Эрнест Оскарович Маак остался во Владивостоке навсегда.

Анна Ивановна пережила своего мужа ненадолго, а все документы и фотографии, имевшиеся у Эрнеста Оскаровича, сохранила Глафира Ивановна Андреева, сестра Анны Ивановны и вывезла их из Владивостока в 1941 году, незадолго до начала Великой Отечественной войны, переселившись на жительство в Пятигорск [54]. В настоящее время эти бесценные материалы хранятся у ее дочери Елены Андреевны Андреевой.

* * *

Эрнест Оскарович Маак обладал очень ценным для управленца-хозяйственника качеством – умением договариваться с самыми разными людьми и находить общий язык, как с подчиненными, так и с начальством. Не случайно именно ему поручали улаживать разного рода хозяйственные споры между подрядчиками и управлением Строителя крепости. Он был доверенным лицом и ближайшим помощником генерала Жигалковского, который, по словам тогдашнего коменданта

крепости генерала Ирмана, мог развить в служебных вопросах невероятную энергию лишь в тех случаях, когда это приносило ему личную выгоду и злоупотребления которого вызывали вполне обоснованное раздражение начальства и проверяющих инстанций. В то же время Маак стал незаменимым помощником и для генерала Шошина, человека совершенно другого склада характера, по словам того же Ирмана *«ответственного и талантливого исполнителя всех работ и первого работника на постройке»*. Действительно, в своих весьма откровенных мемуарных записках А.П. Шошин не сказал про полковника Маака ни одного дурного слова, а в семейных архивах потомков Шошина сохранился ряд документов сугубо личного характера, связанных с разного рода имущественными и юридическими вопросами, подписанных Э.О. Мааком, что свидетельствует о полном доверии А.П. Шошина к своему помощнику. По видимому, эти свойства характера помогли Эрнесту Оскаровичу не только сохранять свое положение в крепостном инженерном управлении при всех, сменявших друг друга, властях вплоть до самого упразднения крепости в 1923 г., но и вполне нормально сработаться с красными командирами и комиссарами в 1932–1933 гг.

Эрнест Оскарович Маак оставил весьма значительный след в фортификационной истории Владивостока. С его именем связано долговременное оборонительное строительство на Русском острове и на материке в 1899–1904 гг., широкомасштабная реконструкция Владивостокской крепости в 1910–1917 гг., а также береговое оборонительное строительство во Владивостоке в 1932–1933 гг. Он сыграл уникальную роль настоящего хранителя бесценного практического опыта, накопленного военными строителями совершенно разных поколений и стал связующим звеном между бывшей Владивостокской крепостью и вновь сформированным Вла-

дивостокским укрепленным районом Тихоокеанского флота. Он служил во Владивостоке при Николае II и Александре Керенском, при всех сменявших друг друга белогвардейских, большевистских и полубольшевистских правительствах, служил он и при Иосифе Сталине, однако нет никакого сомнения, что во всех случаях он служил своей стране и в первую очередь Владивостоку, который стал для него родным и в котором он остался навсегда.

Не меньший интерес представляет собой и история семьи полковника Маака. Много житейских невзгод обрушилось на Эрнеста Оскаровича и Анну Ивановну. Это, прежде всего, смерть 19-летнего сына, трагическая гибель в Японии во время Токийского землетрясения 1923 года мужа старшей дочери и одного из братьев самого Эрнеста Оскаровича, последующая смерть старшей дочери от брюшного тифа. Но и в радости, и в горе Эрнест Оскарович и Анна Ивановна были надежной опорой друг для друга. Политические репрессии прошли стороной от семьи бывшего полковника. Когда проводились первые чистки среди военных специалистов, некогда служивших в царской армии, Эрнест Оскарович давно был на пенсии и никакого интереса для органов ОГПУ не представлял. А когда он вернулся на военную службу в 1932 г., то репрессии временно прекратили. Он «вовремя» умер в 1935 г., не дожив до широкомасштабных репрессий 1937–1938 гг., когда были арестованы, расстреляны или замучены до смерти все без

исключения руководители оборонительного строительства на Тихоокеанском флоте. В данном случае Эрнеста Оскаровича не спас бы и статус пенсионера, поскольку компрометирующие его уже посмертно показания были выбиты из несчастных подследственных сталинскими палачами.

Отдельного разговора заслуживает судьба семейного архива Эрнеста Оскаровича. В 1937 г. по ночам над крупными городами висели облака специфического мелкого пепла. Люди сжигали свои архивы и в первую очередь фотографии близких, особенно, если те были запечатлены с действительными или мнимыми врагами тогдашней власти, а также были одеты в мундиры военных или чиновников. И опасения людей были небеспочвенны – семейные фотографии в поисках компромата при обысках изымались в первую очередь. Страна теряла историческую память, и тем самым распадалась связь времен между поколениями. Тем не менее, эта судьба не постигла фотографии и письма, попавшие к потомкам Эрнеста Оскаровича и родственникам Анны Ивановны. Эти люди не прогнулись перед трагическими обстоятельствами и сохранили для истории все. Таким образом, в наше распоряжение теперь попали буквально десятки интереснейших фотографий. Даже не смотря на то, что муж Елены Эрнестовны Маак Иннокентий Иванович Вологдин пробыл в тюрьме с 1937 по 1939 год, семейные фотографии Вологдиных и Мааков были сохранены в неприкосновенности. Огромное им всем за это спасибо!

Глава 6. СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА. К БИОГРАФИИ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОВ ГЕНРИХА БРОНИСЛАВОВИЧА КРИГЕРА ВОЙНОВСКОГО И АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА ФЕДОРОВА

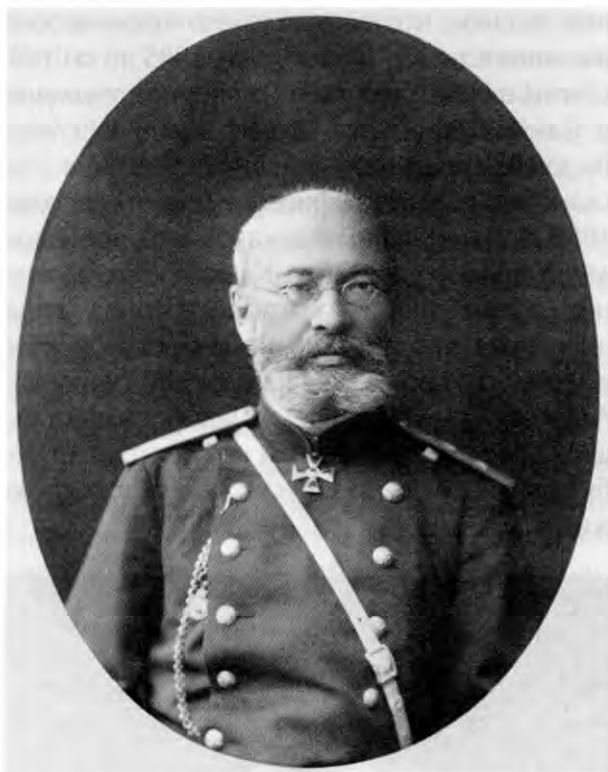
История о том, как нам совершенно случайно удалось идентифицировать четырех участников торжественной съемки, включая одного из самых важных ее участников, ради которого она и была сделана, уже излагалась в главе 2 настоящей книги, однако не поленимся изложить ее несколько более подробно, поскольку это был важнейший этап в датировке фотографии, которой посвящена данная книга.

Итак, мы получили письмо от Татьяны Георгиевны Федоровой, внучки бывшего начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости генерал-майора А.А. Федорова, в котором она прислала семейную фотографию Александра Львовича и его супруги Изабеллы Брониславовны с детьми, причем сообщила, что Изабелла Брониславовна – родная сестра помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского полковника Генриха Оскара Брониславовича Кригера-Войновского [1]. Александра Львовича и его супругу удалось сразу же опознать, причем Изабелла Брониславовна сидела в первом ряду слева от «загадочного» полковника, а их портретное сходство было видно, как говорится, невооруженным взглядом, что позволяло предполагать, что это действительно брат и сестра. Чем-то была похожа на них и женщина, сидевшая справа от полковника. Через какое-то время с нами связался внук Генриха Брониславовича Кригера-Войновского – Игорь Степанович Пашковский, который прислал нам ряд копий

документов из семейного архива, включая удостоверение личности Генриха Брониславовича Кригера-Войновского с фотографий и печатью [2]. Таким образом, центральная фигура на фотографии была установлена абсолютно надежно. Поскольку справа от Генриха Брониславовича сидела его супруга Евгения Константиновна, то благодаря Татьяне Георгиевне Федоровой и Игорю Степановичу Пашковскому мы достоверно установили еще четырех участников съемки. А вот ответ на вопрос о поводе столь торжественной съемки и ее датировке могли дать только подробности деталей биографии самого Г.Б. Кригера-Войновского, которую мы сейчас и обсудим.

Военный инженер генерал-майор Г.Б. Кригер-Войновский

Генрих-Оскар Брониславович Кригер-Войновский родился 17 октября 1867 г. в г. Владикавказе и был крещен по лютеранскому обряду 1 сентября 1868 г. в Ставрополе [3]. Его отец надворный советник Бронислав Онуфриевич Кригер-Войновский, был обедневшим дворянином Минской губернии и католиком по вероисповеданию, он закончил Медицинский факультет Московского университета; стал доктором медицины и служил военным врачом на Кавказе. Он был старшим ординатором Владикавказского военного госпиталя, а последние пятнадцать

Действительный статский советник доктор медицины Бронислав Онуфриевич Кригер-Войновский. Из семейного архива И.С. Пашковского

лет своей жизни занимал должность старшего врачебного инспектора Терской области в чине действительного статского советника. Мать Генриха Брониславовича Фанни Альбертовна Гольдшмидт была лютеранкой. В семье было пятеро детей – Генрих, Александр, Эдуард, Анна и Изабелла [4].

Семья Кригеров-Войновских принадлежала к среде служивой российской интеллигенции и ее нельзя было отнести, как вспоминал впоследствии Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, «ни к развитой аристократии, ни к помещикам, ни к капиталистам, ни даже к мелкой буржуазии, вообще ни к одной из тех клочков, которые так распространены в революционной и социалистической литературе и которые противопоставляются пролетариату и крестьянам...» [5]. Семья не имела какого-либо недвижимого имущества и жила только на те деньги, которые зарабатывались лишь трудом Бронислава Онуфриевича – на содержание по службе и средства,

Фанни Альбертовна Кригер-Войновская, урожденная Гольдшмидт. Из семейного архива И.С. Пашковского

выручаемые от частной врачебной практики. Родители Генриха Брониславовича были талантливыми высокообразованными людьми, свободно владели четырьмя европейскими языками (русским, польским, немецким и французским). Имея довольно ограниченные средства, они, тем не менее, смогли дать детям хорошее образование, позволившее им впоследствии успешно закончить высшие технические учебные заведения.

Из детей Бронислава Онуфриевича и Фанни Альбертовны наиболее известен Эдуард Брониславович Кригер-Войновский – действительный статский советник, видный инженер-железнодорожник, закончивший Санкт-Петербургский технологический институт и Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I. По окончании учебы он служил на Николаевской железной дороге в Инспекции вагонов императорских поездов, конструировал для этих поездов специальные вагоны, включая вагоны для

перевозки скаковых лошадей, занимал крупные посты в службах тяги, движения и подвижного состава ряда железных дорог, был управляющим Владикавказской железной дороги, занимал в годы Первой мировой войны ряд ответственных постов в Министерстве путей сообщения, а в 1916–1917 гг. был министром путей сообщения – последним министром путей сообщения в царской России. После гражданской войны, в ходе которой он участвовал в Белом движении, работая по своей железнодорожной специальности, Эдуард Брониславович вместе со своей семьей эмигрировал и умер в 1938 г. в Берлине [6].

Инженер путей сообщения Эдуард Брониславович Кригер-Войновский. Из семейного архива И.С. Пашковского

Генрих Брониславович получил среднее образование во Владикавказском реальном училище. Учился хорошо, но особенным прилежанием не отличался. Однако по физике и начертательной геометрии имел отлич-

ные оценки, что выдавало его технические наклонности [7]. В сентябре 1885 г. он поступил в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге, начав военную службу юнкером рядового звания. В 1886 г. он становится унтер-офицером, а в августе 1888 г. высочайшим приказом его производят в подпоручики 2-го Кавказского саперного батальона. В сентябре того же года он отправляется в Тифлис к месту службы вместе со своим товарищем по училищу Александром Львовичем Федоровым, ставшим впоследствии мужем его сестры, дружбу с которым он пронесет через всю свою жизнь.

Юнкер Николаевского инженерного училища Г.Б. Кригер-Войновский. Из семейного архива И.С. Пашковского

20 августа 1890 г. Кригер-Войновский и Федоров направляются в Николаевскую инженерную Академию на приемные экзамены, и оба благополучно выдерживают их. 20 ноября 1890 г. Кригер-Войновский

был зачислен в младший класс, а 30 августа 1891 г. он стал «поручиком по вакансии», со старшинством от 11 августа 1890 г. 6 ноября 1891 г. его перевели в старший класс, а 9 ноября 1892 г. Генрих Брониславович закончил старший класс Академии и продолжил учебу в дополнительном классе. 26 ноября 1892 г. Кригера-Войновского произвели в штабс-капитаны. Наконец 20 апреля 1893 г. он окончил полный курс академии по 1-му разряду, а 5 мая 1893 г. ему присвоили звание военного инженера.

Незадолго до завершения учебы 20 января 1893 г. в церкви Св. Александра Невского при Институте инженеров путей сообщения состоялось бракосочетание Генриха Брониславовича Кригера-Войновского и дочери умершего подполковника К.О. Тржасковского Евгении Константиновны, которой тогда был 21 год и которая была православного вероисповедания. Поручителями при этом были со стороны жениха: студент Института инженеров Путей Сообщения Яков Адольфович Абрагамсон и инженер путей сообщения Эдуард Брониславович Кригер-Войновский (брат жениха), а со стороны невесты товарищи Генриха Брониславовича по академии – штабс-капитан 2-го Кавказского саперного батальона Иван Онисифорович Корженевский и поручик 1-го Кавказского саперного батальона Иван Александрович Крит. Таинство брака совершил священник Павел Городцов [8].

С Евгенией Константиновной Генрих Брониславович, по-видимому, был знаком с самого детства, поскольку она приходилась ему двоюродной сестрой, так как ее мать Каролина Альбертовна (урожденная Гольдшмидт) была родной сестрой матери Генриха Брониславовича – Фанни Альбертовны. Она закончила Педагогические курсы Санкт-Петербургских женских гимназий с серебряной медалью, что давало ей право на получение свидетельства «домашней наставницы» без дополнительных испытаний. Евгения Константиновна проявляла большой ин-

Евгения Константиновна Кригер-Войновская, урожденная Тржасковская. Из семейного архива И.С. Пашковского

терес к природе и естественным наукам, что, по-видимому, передалось и ее детям. Так, во Владивостоке она состояла действительным членом Общества изучения Амурского края [9], собирала гербарий и привлекала к этому занятию детей. Вполне возможно, что двое братьев Шошиных – Аполлинарий и Алексей – сыновья начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости генерал-майора А.П. Шошина – стали крупными учеными биологами под влиянием Евгении Константиновны, поскольку дети Кригеров-Войновских и Шошиных поддерживали между собой дружеские отношения. Гербарий, собираемый Евгенией Константиновной и ее детьми, систематизировался, растения определялись, снабжались этикетками с описанием мест сбора и т.д. Эта коллекция, насчитывавшая около 200 экземпляров, прожила более полувека и уже в 1970-х годах была передана в Ботанический институт АН СССР ее дочерью Тамарой [10].

24 мая 1893 г. Кригер-Войновский приказом по Военному Ведомству N 14 на-

По следам старой фотографии

значается в распоряжение начальника инженеров Виленского военного округа и 8 октября 1893 г. после положенного по окончании академии отпуска прибывает к месту службы в Виленское окружное инженерное управление, а 4 января 1894 г. его переводят в Виленскую инженерную дистанцию. Здесь, в Вильно 2 декабря 1894 г. у Генриха Брониславовича и Евгении Константиновны родился первенец – сын Константин.

4 февраля 1895 г. приказом по Военно-инженерному ведомству от 13 февраля № 4 штабс-капитан Кригер-Войновский был назначен делопроизводителем Комитета при Ковенском крепостном инженерном управлении, 6 декабря 1895 г. его произвели в капитаны, а 14 мая 1896 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

10 мая 1896 г. капитан Кригер-Войновский назначается производителем работ Ковенской крепости (приказ Военно-Инженерного ведомства № 8) и 1 февраля 1897 г. принимает должность. Он выполняет множество работ, связанных с модернизацией старых кирпичных фортов и постройкой новых сооружений, занимаясь строительной и проектной работой в Ковенской крепости более семи лет.

27 июля 1897 г. у Генриха Брониславовича и Евгении Константиновны родился сын Виктор, однако малыш умер, прожив лишь полтора года [11].

Жизнь, однако, шла своим чередом. За отличия в службе 6 декабря 1899 г. капитан Кригер-Войновский награждается орденом Св. Анны 3-й степени. В октябре 1902 г. у Генриха Брониславовича и Евгении Константиновны родилась дочь Тамара, а 6 декабря 1903 г. Генриха Брониславовича наградили орденом Св. Станислава 2-й степени. 24 апреля 1904 г. Кригера-Войновского назначают исполняющим должность штаб-офицера Ковенского крепостного инженерного управления, в этой должности он служит до 10 ноября 1904 г., когда закончился ковенский период его военной службы.

О том, как оценивалась служба Кригера-Войновского в крепости Ковно, свидетельствует приказ начальника инженеров Виленского военного округа № 256 от 25 ноября 1904 г.:

«И.д. штаб-офицера Ковенского крепостного инженерного управления военный инженер капитан Войновский-Кригер Высочайшим приказом от 23 сего ноября назначен и.д. делопроизводителя канцелярии Главного крепостного комитета.

Капитан Войновский-Кригер в течение почти десятилетней своей службы в Ковенском крепостном инженерном управлении с выдающимся успехом производил строительные работы, которые отличались безукоризненным качеством, как в общем, так и в детальном выполнении. Точно также составляемые им проекты не оставляли желать ничего лучшего своей обдуманностью и детальной разработкой, что показывало, что капитан Войновский-Кригер любит военно-инженерное дело и следит за его развитием.

Расставаясь ныне с сожалением с этим достойным обер-офицером, я от лица службы объявляю ему мою сердечную благодарность и глубокую признательность за его выдающуюся службу, с пожеланием ему полного успеха на новом месте служения.

Начальник инженеров округа генерал-лейтенант Янушковский» [12]

6 декабря 1904 г. Генрих Брониславович был произведен в подполковники, а 7 декабря 1904 г. он прибыл в Главный крепостной комитет. Начинаясь петербургский этап жизни семьи Кригеров-Войновских. Они поселились в Петербурге в доме № 4 по Ковенскому переулку в квартире № 7 [13]. С этим домом будет впоследствии связано много как счастливых, так и трагических страниц в жизни этой большой и дружной семьи.

Главный крепостной комитет Военного министерства был образован 26 июля 1904 г. вместо упраздненной Комиссии по

Военный инженер подполковник Г.Б. Кригер-Войновский.
Из семейного архива И.С. Пашковского

вооружению крепостей. Он обсуждал предлагаемые управлениями Военного министерства проекты устройства, вооружения и снабжения крепостей, а также осадной артиллерии. Подчинялся комитет непосредственно военному министру. Работы в комитете было очень много. Предстояло осмыслить опыт русско-японской войны и, в частности, обороны Порт-Артура, чтобы выработать типы фортификационных сооружений, соответствующих новым условиям борьбы. Требовалось в срочном порядке разработать планы усиления важнейших приморских крепостей, поскольку в результате поражения в русско-японской войне ослабленный флот уже не мог защитить берега империи, а на его восстановление требовались огромные средства и длительное время. Особое внимание пришлось уделить Кронштадту, защищавшему морские подступы к тогдашней столице России – Санкт-Петербургу и Владивостоку, оставшемуся после падения Порт-Артура последней обо-

рудованной базой для русских морских сил на Тихом океане и единственным железнодорожным выходом к Тихому океану. Члены комитета рассматривали также возможные планы инженерной подготовки Передового театра военных действий, т.е. Варшавского военного округа, общие планы инженерной подготовки всего Западного театра военных действий, связанные с отнесением линии развертываний войск по мобилизации с рубежей по Висле и Нареву на рубеж Ковно – Гродно – Брест-Литовск по новому мобилизационному плану, принятому в 1909 г.

Должность делопроизводителя канцелярии Главного крепостного комитета позволяла Г.Б. Кригеру-Войновскому ознакомиться во всех подробностях со всей огромной работой, проводившейся тогда по проектированию и строительству крепостей в России, существенно расширить свой теоретический и практический кругозор, лично познакомиться со всеми ключевыми участниками оборонительного строительства, принимавшими участие в заседаниях Главного крепостного комитета, а также во время служебных командировок. Так, с 27 мая по 3 июня 1906 г. Кригер-Войновский был командирован в крепость Варшаву на опыты по стрельбе из капониров, а в период с 15 по 24 февраля 1908 г. он находился в крепости Осовец для участия в сравнительных испытаниях противотурмовых орудий. С 21 июля по 3 сентября 1908 г. Генрих Брониславович был командирован в Брест-Литовск для участия в комиссии по составлению проектов усиления этой крепости.

Кригер-Войновский не остался в стороне и от военно-теоретической работы, переведя с немецкого фундаментальный труд «Крепость в войнах Наполеона и в войнах новейшего времени, издание Прусского Большого ген. штаба, 1907». Ревностная служба Генриха Брониславовича в Главном крепостном комитете была должным образом оценена – 12 июня 1906 г. его наградили орденом Св. Анны 2-й степени, а 6 декабря 1908 г. произвели в полковники.

Военный инженер полковник Г.Б. Кригер-Войновский. Из семейного архива И.С. Пашковского

22 декабря 1909 г. Главный крепостной комитет был расформирован, а его функции были частично переданы Крепостной комиссии Главного управления Генерального штаба, причем комиссия подчинялась уже не военному министру или начальнику генштаба, а генерал-квартирмейстеру Главного управления. Таким образом, статус комиссии был существенно понижен, а процесс выработки решений по оборонительному строительству распылен между Крепостной комиссией ГУГШ, Комитетом Генерального штаба и Главным инженерным управлением. Перед тем, как планы строительства тех или иных крепостей представлялись военному министру для последующего доклада царю, они проходили долгую бюрократическую процедуру согласования и переделки в соответствии со вкусами и воззрениями тех или иных начальствующих лиц. В результате этого, как показала практика, от момента принятия решения об усилении или строитель-

стве какой-либо крепости до практического начала работ проходило не менее четырех лет [14]. В условиях быстро меняющейся военно-политической обстановки это приводило к катастрофическим последствиям в деле инженерного оборудования театров будущих военных действий. Исключение составляли лишь те крепости, в которых оборонительное строительство разворачивалось в так называемом особом порядке. При таком порядке назначалось одно ответственное лицо, облеченное особым доверием императора, которое принимало на себя всю ответственность за разрабатываемые проекты и утверждавшее их на месте сразу же после их составления. Таким порядком в 1909 г. принялись за укрепление Кронштадта, а в 1910 г. – Владивостока.

В этих условиях работа в комитетах и комиссиях представляла не слишком большой интерес, поскольку реальные дела, связанные с проектированием и постройкой оборонительных сооружений, разворачивались в первую очередь в крепостях, строившихся в особом порядке, причем наиболее интересной крепостью для инженеров-фортификаторов был Владивосток, где одновременно возводились как мощные сухопутные пехотные форты, так и многочисленные береговые батареи. Полковник Кригер-Войновский, как человек, служивших в учреждениях, близких к принятию основных фортификационных решений, безусловно, понимал эту ситуацию лучше многих, и, несомненно, что перевод на службу во Владивосток был инициирован им самим. Более того, вместе с ним во Владивосток направился его ближайший друг, женатый на его сестре, военный инженер полковник А.Л. Федоров, которого Кригер-Войновский уговорил принять участие в живом и необыкновенно интересном деле. Вполне возможно, что Кригер Войновский принимал участие в подборе для вновь формирующегося Управления Строителя Владивостокской крепости и других инженеров или, во всяком случае, мог влиять на этот процесс.

Итак, 19 мая 1910 г. военный инженер полковник Кригер-Войновский назначается во Владивосток в Управление Строителя Владивостокской крепости и уже 3 июня 1910 г. вместе с семьей прибывает во Владивосток. Буквально на следующий день он назначается помощником Строителя Владивостокской крепости и заведующим канцелярией управления, что было очень ответственным назначением, поскольку управление создавалось заново и нужно было организовывать все делопроизводство с нуля. 25 августа 1910 г. Кригер-Войновский был зачислен в число штаб-офицеров, положенных по штату в распоряжение ГИУ, но это никак не отразилось на его обязанностях. За службу в первые, наиболее тяжелые годы строительства, когда предстояло развернуть огромную стройку и ввести ее жизнь в рабочую колею, Генрих Брониславович 6 декабря 1911 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени – очень высокой по тому времени наградой. К тому времени в крепости были выполнены проекты основных сооружений (в основном, это было сделано еще в 1910 г.), произведен огромный объем земляных и скальных работ на семи фортах на п-ове Муравьева-Амурского и четырех фортах Русского острова, орудия на большинстве новых береговых батарей были установлены на бетонные основания. Широко разворачивались бетонные и тоннельные работы и форты, даже в незаконченном виде, начали приобретать реальную боевую силу.

Помимо прямых служебных обязанностей Генрих Брониславович также исполнял различные поручения коменданта крепости, требовавшие наличия большого административного опыта и инженерной квалификации. В частности, приказом по Владивостокской крепости N 15 от 12 января 1911 г., подписанном генерал-лейтенантом В.А. Ирманом, он был назначен в комиссию по пересмотру абонентов крепостных телефонных линий *«с целью возможности сокращения таковых»* [15]. До 17 июня 1914 г., т.е. до своего отъезда из Владивостока он был представителем Во-

енного ведомства в Торговом по портовым делам Присутствии, где его сменил полковник Э.О. Маак [16].

По мере развертывания стройки на полную мощность особое значение приобретали вопросы ее материально-технического снабжения. 28 июля 1912 г. полковник Кригер-Войновский был назначен помощником Строителя Владивостокской крепости по хозяйственной части. 1 мая 1913 г. приказом по Военному ведомству N 95 его наградили светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Дома Романовых». 9 июля 1913 г. по Высочайшему соизволению (приказ Военно-инженерного ведомства N 27) Кригер-Войновский вновь был переведен в Управление Строителя Владивостокской крепости, а 12 сентября 1913 г. его назначили помощником Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского, где строились наиболее мощные форты. 6 декабря 1913 г. его наградили орденом Св. Владимира 3-й степени, что отражало его исключительные заслуги на строительстве оборонительных сооружений. Во время длительной командировки начальника инженеров и Строителя крепости генерал-майора А.П. Шошина в Петербург Генрих Брониславович одновременно со своими прямыми обязанностями с 11 февраля по 4 мая 1914 г. временно исполнял должность начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости, хотя уже 19 марта 1914 г. он был назначен Высочайшим приказом назначен исполнять должность генерала для поручений при Главном военно-техническом управлении. Интересно, что сам Генрих Брониславович принял временное исполнение должности начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости не от самого Шошина, который отбыл в Петербург в командировку 22 января 1914 г., а от своего друга и родственника А.Л. Федорова [17]. Ликвидация всех служебных дел Кригера-Войновского по Управлению Строителя Владивостокской крепости затянулась и лишь 30 мая 1914 г. он получил возможность отправиться в Петербург к месту новой службы.

По следам старой фотографии

Владивостокский период службы Г.Б. Кригера-Войновского наиболее ярко оценивается в приказе по Владивостокскому крепостному инженерному управлению и Временному управлению Строителя Владивостокской крепости № 144 от 24 мая 1914 г., подписанном начальником инженеров и Строителем Владивостокской крепости генерал-майором А.П. Шошиным:

«Высочайшим приказом, состоявшимся 19-го марта с.г., помощник мой по работам на полуострове Муравьев-Амурском военный инженер полковник Войновский-Кригер назначен и.д. генерала для поручений при Главном военно-техническом управлении.

Военный инженер полковник Войновский-Кригер, прибыв в крепость 3-го июня 1910 года, т.е. при самом начале формирования вверенного мне Управления, и, прослужив, таким образом, в Управлении около 4-х лет, в течение которых последовательно занимал ответственные должности помощников Строителя крепости: Заведующего Канцелярией, по хозяйственной части и по работам на полуострове Муравьев-Амурском, – за все это время своей служебной деятельности с неутомимой энергией, знанием дела и любовью к нему неослабно руководил сначала канцелярией Управления, затем хозяйственной частью и, наконец, работами на полуострове, внося в каждое порученное ему дело большой служебный опыт, знания и любовь и тем способствуя в значительной степени общему успеху постройки крепости.

Зная отлично подчиненных ему офицеров, классных и нижних чинов и вольнонаемных служащих и идя навстречу нуждам своих подчиненных, полковник Войновский-Кригер заслужил общее уважение и любовь их, наглядно свидетельствующие о высоких служебных качествах полковника Войновского-Кригера, как начальника, который надолго оставил о себе хорошую память.

Ныне, расставаясь с военным инженером полковником Войновским-Кригером, я от лица службы благодарю его за полезную во всех отношениях службу его в Управле-

нии и, вместе с сим, прошу принять мои личные и всех бывших его подчиненных и сослуживцев наилучшие пожелания здоровья и полного успеха в новом месте его службы и дальнейшей жизни» [18]

Прочтение этого приказа не оставляет никаких сомнений в том, что торжественная групповая фотография Владивостокских военных инженеров с женами, на которой полковник Г.Б. Кригер-Войновский сидит в первом ряду в центре вместе с сестрой и женой, сделана в конце мая или начале июня 1914 г. по случаю его прощания с сослуживцами перед отъездом в Санкт-Петербург.

Владивостокский период жизни был, несомненно, наиболее счастливым в жизни Генриха Брониславовича и его семьи. Помимо того, что у полковника Кригера-Войновского здесь была интереснейшая инженерная работа, во Владивостоке собралась удивительная родственная компания – помимо семьи самого Генриха Брониславовича, здесь жила семья его друга и родственника полковника Александра Львовича Федорова, женатого на его родной сестре Изабелле Брониславовне. Их дети дружили между собой, а между сыном Генриха Брониславовича Константином и его двоюродной сестрой Ириной Александровной Федоровой дружеские отношения переросли в глубокое взаимное чувство любви. Семья Кригеров-Войновских жила на Пушкинской улице в доме 53, на квартире, которую специально для Генриха Брониславовича снимало Инженерное ведомство.

Генрих Брониславович и его семья любили проводить свободное время на Русском острове, представлявшем тогда райский уголок почти нетронутой природы, где всеми оборонительными работами руководил Александр Львович Федоров. Взрослые и дети купались в море, ловили рыбу, собирали гербарии и коллекции насекомых. Семья Кригеров-Войновских имела собственную дачу на Канале и часто совершала пешие и автомобильные прогулки по полуострову Саперный. В то время как Евгения Константи-

новна, супруга Генриха Брониславовича собирала гербарий, сам Генрих Брониславович интересовался геологическими достопримечательностями – обнажениями слоистых песчаников на восточной стороне острова [19]. Эти песчаники были богаты ископаемыми остатками животных, и полковник Кригер-Войновский даже продал за символическую плату Музею Общества изучения Амурского края два собранных им интересных образца по палеонтологии [20]. Нет никакого сомнения, что страсть его сына Константина, который стал впоследствии известным геологом, к палеонтологии возникла именно здесь, на Русском острове. В доме Кригеров-Войновских во Владивостоке также кипела необыкновенно интересная жизнь – здесь собирались представители интеллигенции Владивостока, часто заезжал известный писатель и путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев, здесь бывал преподаватель литературы Владивостокского коммерческого училища Степан Гаврилович Пашковский – первый учитель литературы будущего писателя Александра Фаддеева и будущий муж дочери Генриха Брониславовича Тамары, но наиболее частыми гостями были, естественно, коллеги-военные инженеры, которым Кригеры-Войновские наносили ответные визиты. Проживание во Владивостоке Кригеры-Войновские долгие годы вспоминали потом, как прекрасный сон.

Возвращение Генриха Брониславовича в Петербург предполагалось превратить в своего рода увлекательный семейный праздник. Для этого во Владивосток на каникулы приехал его сын Константин, ставший к тому времени студентом петербургского Института инженеров путей сообщения, и семья в полном сборе, включая Каролину Альбертовну (тещу и тетку Генриха Брониславовича), Евгению Константинову, Константина и Тамару собралась отправиться к новому месту службы ее главы на пароходе морем через тропические моря и океаны. Однако, праздника не получилось, поскольку началась Первая мировая война и в свежепереи-

менованный Петроград пришлось спешно выехать поездом. Так семья Генриха Брониславовича вновь вернулась в свою старую питерскую квартиру в дом № 4 по Ковенскому переулку [21].

О петроградском периоде службы Генриха Брониславовича не известно почти ничего. Он, приняв должность генерала для поручений Главного военно-технического управления, был произведен в генерал-майоры. Нет никаких сомнений, что он нес службу в тяжелое военное время с полной самоотдачей. Русская армия отступала и по всей европейской части страны, включая дальние подступы к Петрограду, приходилось строить все новые и новые оборонительные рубежи, чтобы хоть как-то задержать технически превосходящего неприятеля. Требовалось разрабатывать новые типы фортификационных сооружений, учитывать боевой опыт, осуществлять общее руководство невиданным ранее по размаху полевым оборонительным строительством, организовывать снабжение этого строительства всем необходимым. Продолжалась работа по усилению крепостей, оставшихся в глубоком оперативном и стратегическом тылу, предпринимались даже новые фортификационные проекты, такие как строительство системы весьма впечатляющих бетонных охранных блокаузов на линии Китайско-Восточной железной дороги, по которой шли стратегические грузы, получаемые от союзников через Владивосток и японский порт Дайрен (бывший русский порт Дальний) [22]. И всю эту деятельность координировало Главное военно-техническое управление, на офицеров и генералов которого легла огромная нагрузка.

Февральская революция 1917 г. нарушила нормальный ход службы генерал-майора Генриха Брониславовича Кригера-Войновского. В городе шли повальные аресты высших сановников, министров, генералов. Арестованные доставлялись в Таврический дворец, в здание Государственной думы, где стихийно организовывался один из

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТЪ

Членовъ Государственной Думы

1го Марта 1917 года.

У Д О С Т О В Ъ Р Е Н І Е.

Дано сіе отъ Временнаго Комитета. *Ваш.*

Кригеру Генриху Брониславовичу. . . .
Войновскому Кригеру, шир. для поруч.
на право свободного выхода изъ Государствен-
ной Думы.

За Предсѣдателя Временнаго
Комитета

Мас Пашков

Удостоверение на право свободного выхода Г.Б. Кригера-Войновского из Государственной думы. Из семейного архива И.С. Пашковского

центров новой революционной власти. Там импровизированная следственная комиссия проводила разбирательства и большую часть задержанных отпускали, снабдив специальным пропуском на право выхода из здания Государственной думы. Среди арестованных был и последний царский министр путей сообщения Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, которого впрочем, быстро выпустили, поскольку сочли его сугубо техническим специалистом, а не политиком, что было совершенно справедливым. Задержали и Генриха Брониславовича. За что его арестовали, сейчас установить наверно невозможно. Его могли захватить случайно, просто, как генерала, могли перепутать с братом, а могли задержать как брата министра. Первого марта 1917 г. ему был выдан пропуск на право свободного выхода из здания Государственной думы [23].

Дальнейшие революционные годы стали для семьи Кригеров-Войновских време-

нем суровой борьбы за выживание. Главное военно-техническое управление, переименованное в Главное военно-инженерное управление Рабочее-Крестьянской Красной Армии, переехало в Москву, в то время как Генрих Брониславович остался с семьей в Петрограде в своей любимой квартире N 7 в доме номер 4 по Ковенскому переулку. Чтобы сохранить жизнь и не быть захваченным в заложники и расстрелянным в порядке «красного террора», как бывший генерал, отстоять право на жилье и не подвергнуться «уплотнению», а также иметь продовольственный паек для семьи, Генриху Брониславовичу пришлось стать советским служащим и работать в различных советских военных и гражданских организациях. В обмен на лояльность советские организации выдавали специальные удостоверения, служившие охранными грамотами от вышеупомянутых «страховых случаев», столь характерных для революционного Петрограда,

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

В. С. Н. Х.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Государственных
Сооружений.

УПРАВЛЕНИЕ
по сооружению железнодоро-
жных линий въ Петро-
градскомъ военномъ
районѣ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

29 " ноября

1918 г.

№. 3523/161

Питеръ, Сергіевская, 29.

Симъ удостовѣряется, что предъ-
явитель сего *Темрихъ Юромисла =*
Вовилъ Войновскій - Кригер

состоить на службѣ въ Управленіи
по сооруженію железнодорожныхъ
линій въ Петроградскомъ военномъ
районѣ и имѣетъ право на прожива-
ніе и свободное передвиженіе въ
пределахъ района, съ оказаніемъ
ему, при исполненіи имъ служебныхъ
обязанностей, полного содѣйствія
всеми Совдепами, Управленіями и
частями войскъ Военнаго и Морско-
го Вѣдомствъ.

Удостовереніе это действитель-
но по *31 Декабря* 1918 года.

Начальникъ работъ,

И н ж е н е р ь

Комиссаръ

Завѣдывающій Канцеляріей

где откровенный бандитизм, как и во всей стране, был возведен в ранг государственной политики и поддерживался всей мощью государственного репрессивного аппарата. В семейном архиве Кригеров-Войновских сохранилась весьма впечатляющая коллекция подобного сорта бумаг.

Так, 15 октября 1918 г. ему было выдано удостоверение «... в том, что он действительно есть Старший делопроизводитель Канцелярии Управления Уполномоченного ГЛАВНАЧСНАБа по Петроградскому району и имеет право на свободное проживание и передвижение в Петрограде и его окрестностях. Вышеназванное лицо, как вполне необходимое в деле снабжения Советской Армии, не подлежит задержанию или аресту без ведома Уполномоченного ГЛАВНАЧСНАБа во избежания нанесения ущерба делу снабжения Красной Армии». Не менее интересно удостоверение, выданное этой же организацией 23 октября 1918 г.: «Дано сие Старшему делопроизводителю Канцелярии Управления Уполномоченного Главного Начальника Снабжения Генриху Брониславовичу Войновскому-Кригеру в том, что он проживает на частной квартире по Ковенскому переулку в доме N 4 кв. 7, и так как он служит в Советском Учреждении и живет личным трудом, то квартира его и принадлежащие ему вещи не должны считаться буржуазными, почему квартира его и мебель и вещи в ней подлежат дальнейшему сохранению за ним, как за Советским Служащим». Аналогичное удостоверение было выдано Генриху Брониславовичу 29 ноября 1918 г.: «Дано сие служащему Г.Б. Войновскому-Кригеру, проживающему по Ковенскому пер. д. 4 кв. 7 в том, что он, действительно являясь необходимым работником, по роду служебных своих обязанностей должен заниматься в не-присутственное время у себя дома, поэтому ему необходима занимаемая им квартира и обстановка.

Подходя под вторую категорию опубликованного в Известиях Центрального Исполнительного Комитета от 9-го сентября с.г. за N 194 постановления о порядке реквизиции

жилых помещений и движимого имущества на основании ст.ст. указанного постановления он выселению из своей квартиры без согласия Совета Управления Уполномоченного Главначснаба по Петроградскому району не подлежит, а в случае необходимости занять это помещение, Жилищная комиссия Литейного района обязана предоставить ему помещение в том или другом доме, что подписью с приложением печати удостоверяется» [24].

В ноябре 1918 года Генрих Брониславович переходит на службу в Управление по сооружению железнодорожных линий в Петроградском военном районе, о чем свидетельствует удостоверение, выданное ему 2 декабря 1918 г. Управлением по сооружениям железнодорожных линий: «Дано сие служащему Управления по сооружению железнодорожных линий в Петроградском военном районе Г.Б. Войновскому-Кригер, занимающемуся конторско-канцелярским трудом в учреждении, обслуживающем Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, в том, что ему, как обладающему, – что усматривается из представленной выписки из домовой книги, – семьей, считая прислугу, из 1 членов, предоставляется, в силу декретов Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны от 6 и 11 сентября 1918 года о беспрепятственном ввозе в Петроград до 1,5 пудов разного рода продовольственных продуктов, в том числе и хлеба на человека, право хранения на дому до 1,5 пудов разного рода продовольственных продуктов, причем продукты эти в таковых пределах не могут подлежать, по силе упомянутых декретов, реквизиции или конфискации» [25].

Помимо занятий в советских учреждениях, которые далеко не всегда приносили необходимые для выживания семьи средства и не были постоянны, Генрих Брониславович и его семья активно и успешно занимались пошивом обуви. Бывший генерал-майор Кригер-Войновский подошел к новому для себя делу настолько основательно, что закончил курсы шитья обуви, о чем и получил

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано *Войновскому-Кригеру Генриху Брониславовичу*

в том, что пройдя теоретический и практический курсы шитья обуви в Симеоновской школе „Труд“, на испытании оказал следующие успехи:

по теории *О-т-л-и-ч-н-ы-е*

по практич. работе *О-т-л-и-ч-н-ы-е*

за что и получил звание. *подмастерья I разряда*

Заведующая Школой: *М. Корни*

Преподаватели: *К. А. Симеоновский*

Испытатели: _____

24 *Мая* *1919* г.

Удостоверение о присвоении Г.Б. Кригеру-Войновского квалификации подмастерья I разряда по пошиву кожаной обуви. 1919 г. Из семейного архива И.С. Пашковского

24 мая 1919 г. соответствующее свидетельство: «выдано Войновскому-Кригеру Генриху Брониславовичу в том, что пройдя теоретический и практический курсы шитья обуви в Симеоновской школе „Труд“, на испытании оказал следующие успехи: по теории отличные, по практической работе отличные, за что и получил звание подмастерья I разряда» [26].

В августе 1919 г. он вновь получает работу в советских учреждениях в качестве Инспектора Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), выполняя функции ревизора Петрокоммуны [27]. Жизнь в условиях постоянных опасностей, полуголодного существования, связанных с этим унижений, включая «чудесное» превращение квалифицированного военного инженера и бывшего

Бывший генерал-майор Г.Б. Кригер-Войновский. 1918 г. Фотография с удостоверения личности. Из семейного архива И.С. Пашковского

генерал-майора в подмастерье I разряда, не могла пройти без последствий для здоровья. На этом фоне у Генриха Брониславовича развилось злокачественное малокровие или, по современной терминологии, лейкоemia – заболевание, с трудом поддающееся какому-либо лечению даже сейчас, а в то время совершенно неизлечимое. Он знал о своем заболевании, но продолжал работать, совершая изнурительные для его здоровья командировки. 17 июня 1920 г., будучи в одной из таких командировок в г. Луге, он умер в возрасте 52 лет и был там же и похоронен [28].

СЕМЬЯ КРИГЕРОВ-ВОЙНОВСКИХ

Евгения Константиновна в 1919–1925 гг. работала в должности «воспитательницы-обследовательницы» Подотдела правовой защиты несовершеннолетних и Комиссии по делам несовершеннолетних Губернского отдела народного образования. И в дальнейшем, всю свою жизнь она посвятила педагогической работе с беспризорными или трудновоспитуемыми детьми. Умерла Евгения Константиновна в 1953 г. в Москве, пережив своего мужа более чем на 30 лет [29].

Судьба Константина Генриховича Кригера-Войновского – сына бывшего генерал-майора – сложилась совершенно фантастически. В 1913 г. он уехал из Владивостока и поступил в Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I, «заразившись» интересом к железнодорожному делу у своего дяди Эдуарда Брониславовича Кригера-Войновского, причем в институт он поступал вместе со своим двоюродным братом Сергеем Эдуардовичем Кригером-Войновским, который был одним из его лучших друзей. В институте Константин Генрихович увлекся модными тогда социал-демократическими идеями, был близок к меньшевикам-интернационалистам и даже, как он рассказывал впоследствии своим

друзьям, полемизировал в левом социалистическом журнале «Интернационал» с самим Лениным. В 1916 г. Кригер-Войновский был мобилизован в армию, в январе 1917 г. закончил школу прапорщиков инженерных войск и отправился на фронт, где воевал начальником подрывной команды 3-го Заамурского железнодорожного батальона, т.е. скорее всего, служил на бронепоездах.

После Октябрьского переворота прапорщик Кригер-Войновский демобилизовался, и лишь ненадолго задержавшись в революционном Петрограде, отправился ... на противоположный конец страны, во Владивосток, чтобы навестить своих любимых родственников Федоровых и встретиться со своей двоюродной сестрой Ириной. Бывший генерал Александр Львович Федоров после Октябрьского переворота сохранил должность начальника инженеров Владивостокской крепости и по-прежнему занимал большой служебный дом-особняк, который специально для него построили на участке Инженерного ведомства на углу улиц Посьетской и Первой Морской. Этот типовой деревянный дом-временка, возведенный на каменном фундаменте, очень характерный для Владивостокской крепости, сохранился и до настоящего времени.

Догадываясь о главной причине приезда своего племянника во Владивосток, Александр Львович предложил ему задержаться здесь на какое-то время и пожить у него. Однако, ни он сам, ни Константин Генрихович вряд ли могли предположить, что этот визит затянется на три с половиной года, поскольку Владивосток и Петроград все это время будут разделены линиями многочисленных фронтов вспыхнувшей гражданской войны.

Во Владивостоке Константин Генрихович вступил в партийную организацию меньшевиков-интернационалистов, а после того, как эта часть РСДРП, возглавляемая Л.Д. Троцким, была по решению ЦК РКП (б) коллективно принята в ряды большевиков с сохранением старого партийного стажа, он оказался в рядах большевистской пар-

Константин Генрихович Кригер-Войновский. Владивосток, 1918 г. Из семейного архива И.С. Пашковского

тии. Для него практически сразу же нашлась работа. Поскольку он был не просто коммунистом, а бывшим офицером с опытом фронтовой службы, его пригласили стать секретарем Военного комиссариата Владивостокской крепости, в каковой должности он прослужил с января по июнь 1918 г. Кроме того, весной 1918 г. он одновременно служил инструктором по подрывному делу в красногвардейском отряде Драгошевского. После ликвидации в городе Советской власти в июне 1918 г. Константин Генрихович устроился работать делопроизводителем Приморской областной земской управы, находясь одновременно на подпольной партийной работе под конспиративной кличкой «Воробьев». Александр Львович Федоров – колчаковский генерал – будучи человеком, весьма далеким от какой-либо политики, естественно, знал о том, что живущий в его доме любимый племянник является активным большевиком, но не обращал на это

обстоятельство никакого внимания. В то же время для самого Константина Генриховича жизнь в доме колчаковского генерала была хорошим прикрытием его подпольной работы от разного рода случайностей.

31 января 1920 г. во Владивосток вошли партизанские отряды под командованием С.Г. Лазо и перешедшие на сторону большевиков бывшие колчаковские войска. Колчаковский режим в городе был свергнут, а власть перешла к Временному правительству Приморской областной земской управы, в состав которого вошли большевики. Поскольку в городе находились интервенты, то формально советскую власть объявлять не стали, и Приморье перешло под юрисдикцию образованной вскоре «буферной» Дальневосточной республики. От остальной части страны Дальний Восток был отрезан т.н. «Читинской пробкой», т.е. территорией, контролировавшейся войсками атамана Г.М. Семенова и отступившими туда каппелевскими частями. Под председательством С.Г. Лазо был образован Военный совет Приморской области, который, несмотря на оккупацию края интервентами, развернул энергичную работу по формированию войсковых частей. Константин Генрихович был назначен на должность начальника Политического отдела Военного совета Приморской области, занимаясь подбором командных кадров для войск преимущественно из числа бывших колчаковских офицеров. Во время кровавых событий 4–5 апреля 1920 года, учиненных японцами под предлогом ответа на т.н. «Николаевский инцидент», японцы одновременно по всему Дальнему Востоку внезапно напали на русские войска и нанесли им тяжелые потери. Генриху Константиновичу буквально чудом удалось избежать судьбы своих боевых товарищей – Лазо, Луцкого и Сибирцева, арестованных японцами и впоследствии убитых. По-видимому, японцы все же не рискнули сунуться в дом бывшего генерала Федорова, человека в городе известного, в том числе и японцам, да и сам Константин Генрихович происходил из

достаточно известной семьи, и как раз в это время его дядя Эдуард Брониславович активно участвовал в Белом движении на Юге России. Скорее всего, японцы не были осведомлены о подпольном партийном прошлом Кригера-Войновского и посчитали его работу в Военном совете чисто технической.

Кровавая резня вызвала настолько решительные протесты всех слоев общества, что совершив переворот, японцы просто не нашли ни одного из влиятельных местных политиков, который согласился бы сформировать правительство, после чего они вынуждены были вернуть власть Приморской областной земской управе, где образовалась совершенно невероятная коалиция из большевиков и крупной буржуазии. Всякая военная деятельность была строго ограничена, и в крае воцарилось шаткое равновесие, которое продержалось около года. В этот сложный период до апреля 1921 г. Кригер-Войновский находился во Владивостоке на партийной работе, будучи членом Приморского областного комитета РКП(б). К тому времени была ликвидирована Читинская пробка и на короткое время восстановилась почтовая и железнодорожная связь Владивостока с европейской частью России. Этим обстоятельством воспользовались дочери бывшего генерала Федорова, отправившись на учебу в Петроград, и дальнейшее пребывание самого Константина Генриховича во Владивостоке утрачивало смысл. Кроме того, силовая ликвидация Читинской пробки, предпринятая вместо мирного разоружения каппелевских войск, на которое они были, в общем, согласны, привела к тому, что эта наиболее боеспособная часть бывшей колчаковской армии была с боями вытеснена в Маньчжурию. Каппелевцы постепенно, мелкими группами стали просачиваться из Маньчжурии в Приморье, где под прикрытием японцев вновь организовались и стали активно заниматься боевой подготовкой. Дальнейшее развитие событий стало совершенно очевидным, поэтому партийные органы дали согласие на выезд Константина

Генриховича из Владивостока в Читу, поскольку он стал слишком хорошо известен в городе, как активный большевик, и в случае переворота он не смог бы оставаться здесь на подпольной работе. Кригер-Войновский выехал из Владивостока в апреле 1921 года, буквально за несколько недель до Меркуловского переворота. Константин Генрихович задержался на некоторое время в Чите и до августа 1921 г. работал заведующим отделом печати Дальневосточного бюро РКП(б), после чего выехал в Петроград, где с мая 1922 по сентябрь 1923 г. был секретарем правления Северо-Западного отделения Центросоюза.

Номенклатурная партийно-хозяйственная карьера отнюдь не прельщала Константина Генриховича, и с разрешения партийных инстанций он возобновил учебу. В сентябре 1923 г. Кригер-Войновский поступил в Горный институт – палеонтологические увлечения детства перебороли желание стать инженером-железнодорожником. Уже в мае 1924 г. Кригер-Войновский стал штатным научным сотрудником Геологического комитета Высшего совета народного хозяйства и до окончания в 1927 г. Горного института он выполнил ряд экспедиционных исследований на Южном Урале, на Сахалине и в Восточном Забайкалье. В 1925 г. он женился на Ирине Александровне Федоровой, а в 1926 г. у них родилась дочь Ксения. Ирина Александровна старалась сопровождать мужа в геологических экспедициях, приезжая к нему на лето и неоднократно бывала с ним и дочерью в Забайкалье. Летом 1928 года она даже заехала с Ксенией во Владивосток к своим родителям, которые продолжали жить во Владивостоке.

В 1928–1929 гг. Константин Генрихович был отправлен в научную зарубежную командировку в лучшие палеонтологические музеи Германии, Франции и Бельгии. В Берлине он навестил родственников и, в частности, в последний раз пообщался со своим двоюродным братом Сергеем Эдуардовичем Кригером-Войновским. Нет никаких сомне-

ний, что этот вполне нормальный по человеческим понятиям контакт с родственниками, был отмечен агентурой ОГПУ, которой был буквально напицкан Берлин, и не было ничего удивительного в том, что по возвращении из командировки Константин Генрихович был арестован. Дело в том, что тогда активно раскручивали одно из первых громких «вредительских» дел – дело Геологического комитета, и общение Константина Генриховича с родственниками было очень удобно подогнать под вредительскую статью, точнее статью 58 пункт 4 *«оказание каким бы то ни было способом поддержки той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению»*. Пункт был расстрельным и Константина Генриховича не спасали ни одиннадцатилетнее членство в РКП (б), ни боевые и революционные заслуги. Он «отделался» относительно легко, получив 10 лет заключения исправительно-трудовых лагерей. Его этапировали в Печорский край с правом работы по специальности, куда он прибыл в феврале 1930 г. Вскоре, оставив дочку Ксению на попечении бабушек, в эти края выехала и Ирина Александровна, чтобы находится поближе к мужу. Это ей и удалось сделать, благодаря медицинскому образованию, поскольку врачей в тех гиблых местах не хватало.

Константин Генрихович провел на Севере долгие годы, до 1932 года, как заключенный, а затем до 1956 г., как ссыльный. За открытие крупного угольного месторождения его досрочно освободили, переведя в разряд т.н. колонизированных, т.е. ссыльных, и к нему уже официально могла выехать семья. Он внес выдающийся вклад в исследование геологии Полярного Урала. За заслуги в создании новой топливной базы СССР он получил ряд правительственных наград (ордена Красной Звезды и Знак Почета, а также медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»), защитил кандидатскую и докторскую диссертации,

Горный инженер К.Г. Кригер-Войновский в ссылке в Воркуте. 1934 г. Из собрания авторов

создал целую научную школу из репрессированных, обучив их геологическому ремеслу, однако до 1956 года, пока у него не была погашена судимость, он не мог выехать с Севера. Впоследствии он стал профессором Казахстанского политехнического института в Алма-Ате, долго и плодотворно занимаясь научной и преподавательской работой. Удивительно, но он так и не подал прошение о реабилитации. Это вряд ли было случайностью, ибо общественная реабилитация однозначно поставила бы вопрос о реабилитации партийной. Пережитое не убило в Константине Генриховиче революционных идеалов молодости, он по-прежнему считал, что социальный переворот был неизбежен и в чем-то полезен для страны, но под влиянием личного опыта разочаровался в нравах той политической секты, которая волею случая захватила власть в России. Он глубоко презирал Сталина, а Ленина, как вспоминал один из его друзей, вообще считал предателем дела русской интеллигенции [30]. Естественно, что восстановление членства в той самой «ленинской» партии было бы для него насилием над собственными убеждениями, почему он, скорее всего, от реабилита-

ции уклонился. Тем не менее, он принял и с гордостью носил орден Красной Звезды, который ему вручили в 1968 г. в связи с 50-летием Октябрьской Революции за заслуги в борьбе за установление Советской власти на Дальнем Востоке.

Он очень часто вспоминал о Владивостоке, о счастливых детских годах, о подпольной борьбе «под пятой японской интервенции», о погибших боевых товарищах. В 1969 г. Константин Генрихович и Ирина Александровна совершили ностальгическое путешествие во Владивосток, где их принимал местный краеведческий музей, организовав для них даже проживание на Посъетской, неподалеку от бывшего служебного дома генерала А.Л. Федорова, на углу Посъетской и Первой Морской, где в то время размещался детский сад и столь памятного для них по событиям 1918–1921 гг. Они съездили на Русский остров, совершив там чудесную пешую прогулку от Канала до Пospelова, прогулялись по Пушкинской до дома N 53, где

когда-то жила семья Кригеров-Войновских, поднялись на Орлиное гнездо. Это было их прощание с любимым городом [31]. 2 марта 1979 г. Константин Генрихович скоропостижно скончался от инсульта сразу же после заседания диссертационного совета, на котором успешно защитил докторскую диссертацию один из его бывших аспирантов. Ирина Александровна ушла из жизни через год.

Военный инженер генерал-майор Александр Львович ФЕДОРОВ

Военный инженер Александр Львович Федоров родился 23 августа 1866 г. в Малмыжском уезде Вятской губернии в семье отставного подпоручика [32]. Его отец Лев Федоров начал службу рядовым в 1835 г. в карабинерном полку. В 1843 г. он получил чин унтер-офицера, а в 1856 г. был произведен в прапорщики, т.е. получил первый офицерский чин. В 1858 г. был «уволен за болезнью от службы подпоручиком с мундиром и пенсионом полного жалованья». В походах и делах против неприятеля находился: в 1849 г. по случаю войны в Венгрии (т.н. Венгерский поход для усмирения революции) он участвовал в выдвижении войск к западным границам империи. В 1854–1856 гг. активно участвовал в Крымской войне – в сражениях на реке Альме, у Черной Речки и у Инкермана, а также во всей героической обороне Севастополя, в том числе при «вылазках охотников» (добровольцев) против неприятеля, вплоть до отступления русских войск по наплавному мосту на Северную сторону. За защиту Севастополя Лев Федоров был «награжден серебряной медалью, а в память войны этой получил бронзовую медаль на Андреевской ленте, а за выслугу в низшем звании 20 лет был награжден знаком отличия Св. Анны под N 432414». С 13 марта 1855 г. по 28 августа 1855 г. он сражался в составе гарнизона г. Севастополя, «за что и прибавлено к общему сроку службы 5 лет, 5 меся-

Профессор Казахстанского политехнического института доктор геолого-минералогических наук К.Г. Кригер-Войновский. Из собрания авторов

цев и 6 дней». (Отвага и мужество защитников Севастополя потрясли современников, император Николай I издал указ о том, что один месяц службы в осажденном Севастополе считать за год). В 1858 г. отставной подпоручик Федоров женился на купеческой дочери Екатерине Александровне Серебряковой. Свою дочь Елизавету он определил на воспитание в Казанский Родионовский институт благородных девиц, а сына Александра – в Симбирский кадетский корпус, на что его дети имели право, как дети отставного офицера [33]. В 1905 г. к 50-летию юбилею обороны Севастополя был установлен ряд памятников в память героев-защитников Севастополя. На одном из них значится имя Льва Федорова. В память героев-солдат, принимавших участие в вылазках был установлен отдельный обелиск.

Александр Львович Федоров по окончании кадетского корпуса поступил в Николаевское инженерное училище, где 13 сентября 1885 г. вступил в службу юнкером рядового звания. 16 января 1886 г. он был произведен в унтер-офицеры, а 29 октября 1887 г. стал старшим портупей-юнкером. В училище Федоров подружился с Генрихом Брониславовичем Кригером-Войновским, и они вместе выбрали вакансии во 2-й Кавказский саперный батальон, возможно потому, что сам Генрих Брониславович был родом с Кавказа. 30 октября 1888 г. друзья прибыли в Тифлис к месту службы. Прослужив на Кавказе два года, Федоров вместе со своим товарищем решил поступать в Николаевскую инженерную академию, и до окончания академии их служба протекала совершенно синхронно. 20 августа 1890 г. подпоручик Федоров был направлен в Николаевскую Инженерную Академию для приемных испытаний, которые выдержал успешно и 20 ноября 1890 г. он был зачислен в академию. Учеба у Александра Львовича шла вполне нормально. 30 августа 1891 г. он был зачислен в поручики на вакансию, 6 ноября 1891 г. его зачислили в старший класс Академии, а 9 ноября 1892 г. он его окончил.

26 ноября 1892 г. поручика Федорова произвели в штабс-капитаны, а 20 апреля 1893 г. он окончил полный курс Академии. В Петербурге Александр Львович Федоров часто бывал в доме инженера путей сообщения Эдуарда Брониславовича Кригера-Войновского, брата своего друга Генриха Брониславовича Кригера-Войновского. В зимние месяцы в дом Э.Б. Кригера-Войновского в Петербурге приезжала в гости сестра Изабелла Брониславовна. Александр Львович начал ухаживать за Изабеллой Брониславовной еще зимой 1890–1891 г., продолжил зимой 1891–1892 г., когда сделал ей официальное предложение выйти за него замуж, а в январе 1893 г. состоялась их свадьба [34]. Таким образом, в 1893 г. состоялись две свадьбы, поскольку его друг Г.Б. Кригер-Войновский тоже женился перед окончанием академии.

5 мая 1893 г. штабс-капитану Федорову присвоили звание военного инженера, а уже 24 мая 1893 г. приказом по Военно-инженерному ведомству N 14 его назначили в распоряжение начальника инженеров

Военный инженер штабс-капитан А.Л. Федоров. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Военный инженер штабс-капитан
А.А. Федоров с супругой Изабеллой
Брониславовной (урожденной Кригер-
Войновской). Из семейного архива
И.С. Пашковского

Виленского военного округа. 12 октября 1893 г. штабс-капитана Федорова зачислили в штат Виленского окружного инженерного управления. Интересно отметить, что и штабс-капитан Кригер-Войновский тоже выбрал по окончании академии вакансию в Вильно и друзья, ставшие теперь родственниками, продолжили служить вместе.

20 апреля 1894 г. приказом начальника инженеров Виленского округа № 35 Александра Львовича командировали в Осовецкое крепостное инженерное управление, где он получил 21 июня 1894 г. назначение на должность заведующего чертежной. 28 сентября 1894 г. приказом начальника инженеров Виленского военного округа № 71 его официально перевели в Осовецкое Крепостное инженерное управление. Работа заведующим чертежной продолжалась недолго и 27 октября того же года приказом по Военно-инженерному ведомству № 24 его назнача-

ют производителем работ Хозяйственного комитета при Осовецком крепостном инженерном управлении. Так штабс-капитан Федоров вошел в число строителей знаменитой Осовецкой крепости, героически выдержавшей в 1914–1915 гг. две осады. Здесь, в Осовце, 30 ноября 1894 г. родился его первый ребенок – дочь Елена.

Осовецкий период службы Александра Львовича длился недолго и уже 28 марта 1895 г. приказом начальника инженеров Варшавского военного округа № 59 его переводят в Новогеоргиевское крепостное инженерное управление. Однако в Новогеоргиевск (в настоящее время Модлин) Федоров отправиться не успел, поскольку еще 24 марта 1895 г. приказом по Инженерному ведомству № 7 его назначили делопроизводителем Хозяйственного комитета по постройке Либавских укреплений, о чем начальник инженеров Варшавского военного округа, по-

видимому, не знал. 6 декабря 1895 г. штабс-капитана Федорова производят в капитаны. 26 апреля 1896 г. приказом начальника инженеров Виленского военного округа № 46 его назначают в штатный состав Либавского крепостного инженерного управления. За отличия в работе по постройке Либавских укреплений 14 мая 1896 г. А.Л. Федоров был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 12 июля 1896 г. приказом по Военно-инженерному ведомству № 11 его назначают производителем работ Хозяйственного комитета Либавского крепостного инженерного управления. 1 января 1901 г. его награждают орденом Св. Анны 3-й степени, а 31 января 1901 г. у него родилась дочь Ирина. 1 июня 1904 г. капитан Федоров получает орден Св. Станислава 2-й степени. Всего Александр Львович прослужил в Либаве

Елена и Ирина, дочери А.Л. Федорова. Из семейного архива И.С. Пашковского

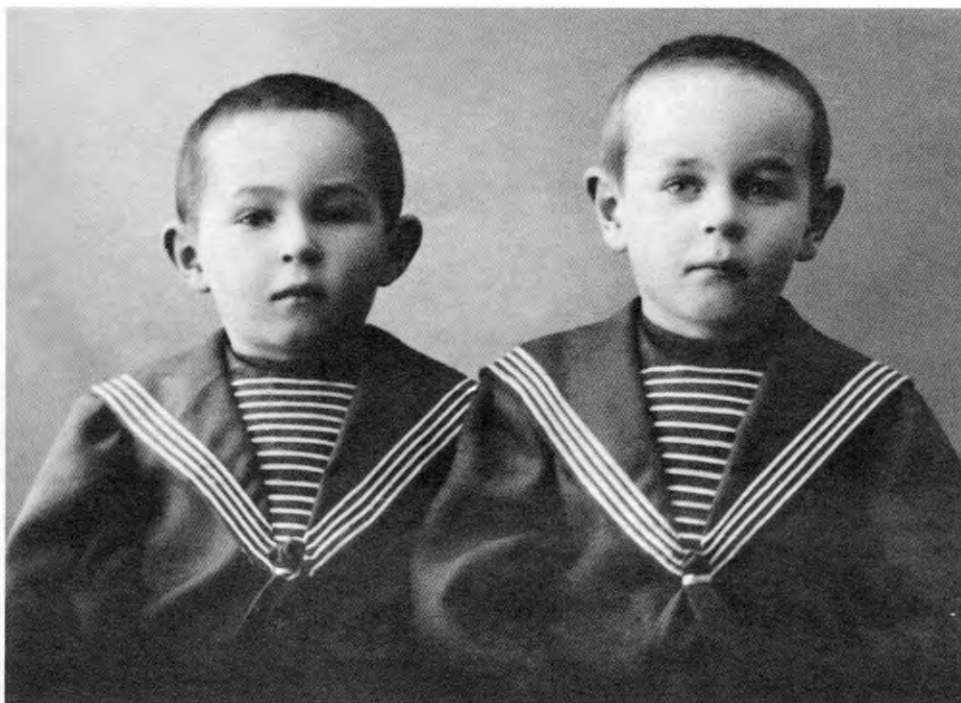
Военный инженер капитан А.Л. Федоров. Из семейного архива И.С. Пашковского

около 9 лет, накопив весьма серьезный опыт берегового оборонительного строительства. Впоследствии этот опыт будет обобщен в его книге, посвященной устройству бетонных оснований для орудий береговых батарей.

6 декабря 1904 г. Федорова производят в подполковники с утверждением в должности делопроизводителя по Строительной части Виленского окружного Инженерного управления, но в Вильне Александр Львович задерживается недолго. 19 июня 1905 г. приказом Инженерного корпуса № 14 он был назначен начальником Хозяйственного отделения Хозяйственного комитета при Ковенском крепостном инженерном управлении. За службу в Ковно 6 декабря 1907 г. его награждают орденом Св. Анны 2-й степени. 3 декабря 1908 г. в Ковно у него родилось двое детей – братья-близнецы Георгий и Сергей. Ковенский период службы Александра Львовича занял почти пять лет.

В гостях у военного инженера капитана Захарина. На переднем плане (в первом ряду, в профиль – братья-близнецы Георгий и Сергей Федоровы). На втором плане (слева направо) – Изабелла Брониславовна Федорова, по-видимому, сын капитана Захарина, Ирина Федорова, Константин Кригер-Войновский, Евгения Константиновна Кригер-Войновская, Тамара Кригер-Войновская. Владивосток, 1912 г. Из семейного архива И.С. Пашковского

Братья-близнецы Георгий и Сергей Федоровы. Владивосток, 1914 г.

В 1910 г. предполагалось развернуть большое оборонительное строительство во Владивостоке. После вскрытых в здешнем крепостном инженерном управлении злоупотреблений большую часть старых инженерных кадров пришлось убрать, а крепостное инженерное управление пришлось формировать фактически заново. Кроме того, огромный масштаб будущей стройки потребовал заново сформировать новое мощное Управление Строителя Владивостокской крепости. Нужда в квалифицированных военных инженерах была во Владивостоке исключительно велика. В послужном списке Федорова уже был довольно долгий период службы в Либавской крепости, что предполагало его большой опыт не только в сухопутном, но и береговом оборонительном строительстве, что было особенно ценно в условиях Владивостока. Предстояли большие и интересные дела, и нет никакого сомнения, что Александр Львович достаточно легко согласился на предложение продолжить службу во Владивостоке. Это, во-первых, открывало большие служебные

Военный инженер полковник А.Л. Федоров. Фрагмент групповой фотографии. Владивосток, 1914 г. Из фондов Дома музеев ДВГТУ

Изабелла Брониславовна Федорова со своим братом военным инженером полковником Г.Б. Кригером-Войновским. Фрагмент групповой фотографии. Владивосток, 1914 г. Из фондов Дома музеев ДВГТУ

Бывший служебный особняк на углу ул. Посыетской и 1-й Морской во Владивостоке. Здесь с 1910 по 1921 г. жил военный инженер генерал-майор А.Л. Федоров с семьей. Фото В.А. Козько

Семья Федоровых. В первом ряду слева направо: Ирина, Георгий, Изабелла Брониславовна и Сергей. Во втором ряду слева направо: Константин Кригер-Войновский, Александр Львович, Елена. Владивосток, лето 1914 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

перспективы, а во-вторых (и, скорее всего, это было главным обстоятельством) позволяло продолжить «сослужение» со старым и верным товарищем и родственником Г.Б. Кригером-Войновским. Во Владивостоке, таким образом, собиралась бы на достаточно долгое время отличная родственная и дружеская компания и туда, безусловно, стоило ехать.

15 февраля 1910 г. А.Л. Федоров, согласно телеграмме начальника инженеров Виленского военного округа № 351, был назначен к переводу в Управление Строителя Владивостокских укреплений. Он отправился к новому месту службы практически немедленно, оставаясь числиться по спискам Ковенского Крепостного Инженерного управления и уже 6 марта прибыл в крепость Владивосток. 28 марта 1910 г. приказом по Военно-Инженерному ведомству № 10 его назначили в число штаб-офицеров, положенных по штату в распоряжение Главного инженерного управления, с назначением в Управление Строителя Владивостокских укреплений. 18 апреля 1910 г. его произвели в полковники, а 26 апреля 1910 г. назначили помощником Строителя Владивостокской крепости по работам на Русском острове.

В сферу ответственности Александра Львовича входила постройка пехотных фортов № 9, 10, 11 и 12, возводимых в районе наиболее десантоопасных участков побережья Русского острова, достройка ряда береговых батарей, начатых строительством в 1909 г., постройка береговых капониров и полукапониров для выкатных орудий, и, наконец, строительство батареи № XIX для двух новейших 305-мм двухорудийных башенных артиллерийских установок. Строились также казармы, дороги, тоннельные пороховые погреба [35]. Под руководством полковника Федорова уже в 1910 г. были разработаны проекты оригинальных расчлененных фортов, в максимальной степени соответствующих задачам противодесантной обороны. Практически сразу началось их строительство, хотя из-за того, что приоритет при по-

стройке отдавался объектам на полуострове Муравьева-Амурского, степень законченности фортов Русского острова оказалась несколько меньше, чем для материковых фортов. 6 декабря 1912 г. за успехи работ на строительстве полковник А.Л. Федоров был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

В конце января – начале февраля 1914 г. А.Л. Федоров согласно приказу по крепости № 39 от 23 января 1914 г., подписанном временно и.д. коменданта крепости генерал-лейтенантом А.М. Слезкиным исполнял обязанности начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости до возвращения 11 февраля из отпуска его друга и родственника Г.Б. Кригера-Войновского, которому он и сдал временное исполнение должности [37]. 12 апреля 1914 г. приказом по крепости № 158 от 12 апреля 1914 г., подписанном комендантом крепости генерал-лейтенантом С.С. Саввичем, А.Л. Федоров был назначен в комиссию для выбора места постройки порохового погреба на Русском острове, а приказом № 188 от 26 апреля 1914 г. его назначили в комиссию «для выяснения всех вопросов по устройству электрического освещения в тоннельных погребах» [38].

Как мы уже отмечали, во Владивостоке Федоров и его семья жили в специально построенном для них на участке Инженерного ведомства на углу Посьетской и Первой морской деревянном служебном особняке – типичном для Владивостока доме, собранном на каменном фундаменте из заранее заготовленных деревянных шитов, которые возводили для начальствующего состава и служащих, занятых на оборонительном строительстве. Соседями Александра Львовича были военный инженер полковник Эрнест Оскарович Маак с семьей, чей дом находился на углу Алеутской и Первой морской, а в конце 1914–первой половине 1915 гг. в новом каменном особняке, построенном между домами Маака и Федорова, поселился начальник инженеров и Стро-

Ирина Федорова и Наталья Шошина. Владивосток, 1915 г.
Из семейного архива Т.Г. Федоровой

итель Владивостокской крепости генерал-майор Алексей Петрович Шошин.

Дочери Александра Львовича Елена и Ирина учились в городской «коричневой» гимназии (гимназистки, обучающиеся в них, носили коричневую форму), а воспитанием братьев-близнецов Сергея и Георгия занималась сама Изабелла Брониславовна. Братья Федоровы потом учились в городском реальном училище, преобразованном в советское время в трудовую школу. Летнее время семья проводила на собственной даче на Седанке – пригороде Владивостока, в довольно скромном небольшом домике по адресу ул. Бородина, д. 5 [38]. На Седанке был и роскошный тогда лес, было чистое и теплое море – Амурский залив, по самому берегу которого проходила железная дорога, оставляя отдыхающим лишь узкую полоску пляжа. В отличие от Г.Б. Кригера-Войновского, который работал преимущественно на материке

и имел дачу на Русском острове, Александр Львович, для которого остров был постоянным местом работы, построил дачу на максимальном удалении от него.

С началом Первой мировой войны работ у Александра Львовича не убавилось. Сначала строительство продолжалось полным ходом и лишь в 1916 г. его масштаб начал сокращаться. 15 августа 1915 г. начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости генерал-майор А.П. Шошин был вызван телеграммой в действующую армию. Вызов не был неожиданностью, поскольку Шошин сдал дела еще 11 августа и с этого дня полковник Федоров стал исполнять должность начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости. Уже после Февральской революции 2 апреля 1917 г. А.Л. Федоров был произведен за отличие в чин генерал-майора [39].

Согласно приказу N 362 от 18 декабря 1915 г., подписанном комендантом Владивостокской крепости генерал-лейтенантом Д.Д. Крыловым 19 декабря А.Л. Федоров выехал в Шанхай вместе с комиссией для приемки ледокольного катера «Генерал-Адьютант Сухомлинов», построенного для нужд Владивостокской крепости – того самого ледокола, история с переименованием которого в 1916 г. в «Казак Поярков» была описана адмиралом И.С. Исаковым в его великолепном рассказе «Крестины кораблей» [40].

Впрочем, это чинопроизводство в условиях начинавшейся анархии в армии особой радости Александру Львовичу уже не доставляло. Еще до большевистского переворота приказы по крепости, касавшиеся его служебных дел, подписывал не только остававшийся номинально комендантом крепости генерал-майор Думбадзе, но и председатель военной комиссии большевик Алютин. После октябрьского переворота комендантом крепости стал большевик Станишевский, а комиссаром – большевик Владивосток [41]. Впрочем, Александр Львович как-то уживался с новой властью, и этому обстоятельству явно способствовало то, что секре-

Семья Федоровых. В первом ряду (слева направо): Изабелла Брониславовна, Сергей, Георгий, Александр Львович. Во втором ряду (слева направо): Елена, Ирина. Владивосток, 1916 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

тарем той самой Военной комиссии Владивостокского совета, реально руководившей всеми делами крепости, был его любимый племянник Константин Генрихович Кригер-Войновский, живший с ним под одной крышей в служебном доме-особняке на Посыетской. Таким образом, и при большевиках А.А. Федоров продолжал оставаться начальником инженеров крепости.

После того, как 29 июня 1918 г. Советская власть во Владивостоке рухнула в результате выступления скопившихся здесь солдат и офицеров Чехословацкого корпуса, служебное положение Александра Львовича осталось неизменным. 7 июля 1918 г. его официально представили белогвардейскому командующему сухопутными и морскими силами Приморской области как начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости, и он продолжил выполнять свои обязанности [42].

Как наиболее авторитетный генерал, оставшийся в крепости и хорошо ее знавший, 31 июля 1918 г. Александр Львович Федоров был назначен председателем комиссии по реорганизации управлений крепости Владивосток. Крепость предстояло приспособить к новым реалиям – упразднить управление Строителя Владивостокской крепости и ликвидировать излишки строительных материалов и техники, разработать оптимальные штаты войск, которые позволяли бы поддерживать минимально достаточную в новых условиях боеспособность крепости и организовать охрану ее огромного и весьма ценного имущества, с расчетом использовать его для восстановления в будущем боевой мощи крепости в полном объеме и, наконец, использовать инфраструктуру Владивостокской крепости и ее запасы для обеспечения потребности войск действующей армии, ведущей борьбу с большевиками – для организации боевого снабжения и подготовки командных кадров [43].

После установления в Омске власти адмирала А.В. Колчака, провозглашенного Верховным правителем России, началась

Бывший генерал А.А. Федоров. Владивосток, 1920-е годы.
Из семейного архива Т.Г. Федоровой

реорганизация и упорядочение деятельности государственных учреждений, включая военные. В этой связи приказом Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке № 15 от 23 ноября 1918 г. генерал-майор А.А. Федоров был назначен членом Комиссии по размещению русских учреждений и частей войск во Владивостоке [44]. 8 декабря 1918 г. приказом Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке № 33 начальник инженеров Владивостокской крепости генерал-майор Федоров назначается Председателем межведомственной комиссии, занимающейся снабжением действующей армии [45]. После дальнейшего упорядочения органов государственной власти Александр

По следам старой фотографии

Львович становится представителем военного министерства в г. Владивостоке по инженерной части и начальником инженерной части комиссии по снабжению. В этом качестве в течение 1919 г. он регулярно совершал деловые поездки в Японию, через территорию которой поступала значительная часть военных грузов для правительства адмирала А.В. Колчака [46]. Поскольку эта работа постепенно стала занимать большую часть его служебного времени, то приказом войскам Приамурского военного округа № 352 от 29 июня 1919 г. он был освобожден от обязанностей начальника инженеров Владивостокской крепости, сдав должность полковнику Э.О. Маку [47].

Свержение колчаковской власти во Владивостоке, произошедшее 31 января 1920 г., снова не слишком нарушило жизнь Александра Львовича. Уже 13 февраля 1920 г. на заседании Военного совета при Временном правительстве Приморской областной земской управы было принято решение о назначении на должность Главного начальника снабжения сухопутных и морских сил Временного правительства генерала Федорова [48]. Нет сомнения, что кандидатуру А.Л. Федорова рекомендовал его любимый племянник Константин Генрихович Кригер-Войновский, который тогда был начальником Политотдела Военного совета при Временном правительстве и занимался подбором кадров в новую армию преимущественно из бывших колчаковцев. 20 февраля Федоров вступил в должность [49], а 24 февраля издал первый приказ по управлению, в котором определил организацию его работы и штаты [50]. Федоров и его управление благополучно пережили кровавые события 4–5 апреля, когда японцы напали на войска Временного правительства Приморской области. Может быть, это было связано с тем, что японцы не воспринимали очень хорошо знакомого им бывшего белогвардейского генерала и его племянника как убежденных сторонников большевиков, и считали их просто техническими специалистами.

Александр Львович продолжал работать по снабжению войск, находящихся под фактическим контролем большевиков столь же ревностно, как он выполнял обязанности при колчаковском правительстве, что нашло отражение в приказе сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока № 580 от 12 декабря 1920 г., в котором Главному начальнику снабжения А.Л. Федорову была выражена благодарность [51].

После случившегося 26 мая 1921 г. Меркуловского переворота, когда к власти вновь пришли белогвардейцы, Федоров не мог оставаться на своем посту – его племянник, живший с ним под одной крышей и, к счастью, сумевший буквально за месяц до переворота заблаговременно выехать из Владивостока, получил известность, как активный большевик. Кроме того, сотрудничество самого Федорова с большевиками также, по мнению белогвардейского командования, зашло слишком далеко. Уже 6 июня 1921 г. Федоров сдал должность Главного начальника снабжений интенданту вновь образованной белогвардейской Дальневосточной армии генерал-майору Бырдину, о чем и было объявлено в приказе по войскам Временного приамурского правительства № 16 от 15 июня 1921 г. [52] А уже 2 июля 1921 г. Александра Львовича уволили в отставку по прошению, которое его заставили подать новые власти. Так навсегда закончилась военная служба генерал-майора А.Л. Федорова [53]. Несомненно, что ему пришлось освободить и казенный особняк, в котором он прожил около десяти лет.

Чтобы прокормить семью – жену и младших сыновей (обе дочери оказались теперь по другую сторону фронта) – Александр Львович стал преподавать математику в школе, а затем, как и все отставные владивостокские военные инженеры, занялся гражданской инженерной деятельностью. Дело в том, что, несмотря на все перипетии Гражданской войны, Владивосток, экономическую основу существования которого

составлял транзит сельскохозяйственной продукции из Китая по КВЖД, продолжал активно развиваться и строиться, тем более что благодаря притоку беженцев его население выросло в три раза и составило около 300 тысяч человек [54]. Поэтому высокообразованному инженеру-строителю в городе вполне хватало работы.

В этот период, в частности, он занимался проектированием и строительством кинотеатра «Уссури» на улице Светланской, причем этот кинотеатр, расположенный в самом центре Владивостока, был недавно реконструирован и используется по первоначальному назначению до сих пор. Строительство кинотеатра было затеяно в 1921 г. консорциумом частных фирм, включая торговый дом Кунст и Альберс, который выделил участок земли. Стройка шла быстро и к моменту восстановления Советской власти здание уже подвели под крышу. Однако

стройка прекратилась, поскольку имущество частных фирм, входивших в консорциум, было национализировано, так как их владельцы бежали от Советской власти за границу, а земля и сооружения, принадлежавшие фирме Кунст и Альберс, были сданы ей же в аренду, причем за совершенно неподъемную плату. В этих условиях торговому дому стало не до кинотеатра и пустая коробка здания стояла заброшенной до 1927 года, когда его достроили уже в советском порядке, то есть на государственные деньги [55].

22 октября 1922 года во Владивосток вошли части Народно-революционной армии Дальневосточной республики, и здесь вновь была восстановлена Советская власть. О Федорове, «потерпевшем унижения от белогвардейцев», вспомнили, поскольку новая власть понимала, что сооружения Владивостокской крепости могут быть востребованы вновь и в этом случае сохранение кадров

Члены комиссии по учету военного имущества на Дальнем Востоке с бывшими строителями Владивостокской крепости. В первом ряду первый справа бывший генерал-майор А.А. Федоров. Во втором ряду первый слева техник-строитель по тоннельным работам на фортах № 6 и 3 А.Д. Киселев. Владивосток, 1923 г.

По следам старой фотографии

военных инженеров-строителей может оказаться полезным.

15 ноября 1922 года во Владивосток в адрес председателя Приморского губернского военно-революционного комитета Бельского была отправлена телеграмма: «Срочно прошу выяснить материальное положение строителя крепости инженера Федорова, сохранить его для будущих восстановительных крепостных работ, в случае его нужды выдать пособие, соответствующее его заслугам перед Россией и унижению, понесенному им при белых. N 1396. Предсовмин Кобозев» [56].

На эту телеграмму вскоре последовал ответ из Владивостока: «Чита, Дальревком, Кобозеву. 1396. Инженер Федоров лично для себя ничего не просит. ходатайствует за своих дочерей Ирину Александровну и Елену Александровну Федоровых в Петрограде. Первая стипендиатка Военно-медицинской академии состоит на втором курсе, вторая – Высших женских курсах. Федоров просит устроить их бесплатно. Со своей стороны просьбу поддерживаю, ибо Федоров пострадал при Меркулове. 268. Предпримгубвоенревкома (Бельский)» [57].

Из последней телеграммы видно, что Федоров не воспользовался какой-либо специальной поддержкой властей, будучи способным прокормить себя сам, а ходатайствовал за дочерей, чтобы устроить их бесплатно.

Основной работой А.Л. Федорова было преподавание математики на Рабфаке Государственного Дальневосточного университета. Поскольку он состоял на учете, как бывший генерал, то для засвидетельствования своей лояльности Советской власти он обратился в Бюро ячейки номер N 10 при Доме просвещения. По-видимому, это было бюро соответствующей профсоюзной ячейки. 23 ноября 1923 г. вопрос был рассмотрен на заседании ячейки, о чем был составлен следующий протокол: «Слушали: Заявление Федорова А.Л. о даче ему отрыва для предоставления в Военкомат о работе

его в последний год в учреждениях Губоно. Постановили: Ознакомившись со всеми материалами, представленными Федоровым, а также собрав все сведения о его педагогической деятельности в последний год, считать, что Федоров в своей работе вполне проявляет свою лояльность к Соввласти» [58].

Кроме того, еще в 21 сентября 1923 г. он взял справку о лояльности у большевика В.Г. Антонова, бывшего председателя Правительства Приморской областной земской управы «Справка. Александра Львовича Федорова, бывшего строителя Владивостокской крепости, хорошо знаю по его работе в качестве начальника военного снабжения в период 1920–1921 года, когда я был управляющим ведомством продовольствия, а затем председателем Примоблуправления. А.Л. Федорова рекомендую как в высшей степени честного работника, вполне лояльно относящегося к соввласти и за работу совместно с коммунистами подвергшегося преследованиям в период Меркуловщины» [59]. Возможно, что эту справку он брал по просьбе дочерей, поскольку в то время в высших учебных заведениях Петрограда проходили проверки студенческого состава на предмет наличия лиц, нелояльных Советской власти, и представителей т.н. эксплуататорских классов, которым было запрещено получать высшее образование.

В феврале 1923 г. Александр Львович участвовал в работе комиссии по учету военного имущества на Дальнем Востоке, которая занималась оценкой состояния Владивостокской крепости и выработкой соображений о ее дальнейшем использовании. Он участвовал в составлении отчета комиссии, представлявшего собой увесистую книгу, описывающую историю и текущее состояние крепости и отпечатанную в типографии тиражом 50 экземпляров [60].

Преподавательской работой на Рабфаке ГДУ А.Л. Федоров занимался с 1923 по 1927 г., где он был также председателем математической секции. О его успехах в преподавательской деятельности свидетельству-

ет следующий отзыв: «Отзыв о преподавателе Рабфака ГДУ А.Л. Федорове. Александр Львович Федоров был преподавателем математики на рабочем факультете ГДУ в течение 4-х лет, с 1923 года по 1927-й год, и председателем Математической секции Рабфака в 1925/26 учебном году.

В настоящее время он числится по Рабфаку в отпуску, ввиду назначения его Техническим директором «ВОКТЕХНОСТРОЯ».

За время своей службы на Рабфаке А.Л. Федоров проявил себя знающим и опытным преподавателем, особенно заслуживают упоминания живость и конкретность его преподавания и умелый подход к разновозрастным учащимся, каковыми являются рабфаковцы, вследствие чего полученные им результаты, в отношении усвоения студентами математики должны быть признаны хорошими.

Как председатель Математической секции А.Л. Федоров проявил большой интерес к методическим вопросам преподавания, в частности к проведению лабораторного плана, в котором он стремился дать учащимся максимум навыков к самостоятельной работе над книгой.

Председатель Математической секции Рабфака ГДУ В. Важанов. 30 ноября 1927 г.» [61].

С 20 июня 1925 по 1 мая 1927 г. А.Л. Федоров был главным инженером и заведующим Строительного бюро Приморского государственного мукомольного треста. С мая 1927 г. А.Л. Федоров работал управляющим Строительно-технической конторы, а затем – техническим директором Владивостокского отделения Дальстройтреста. В 1929 г. А.Л. Федорову, как автору проекта и строителю мощного механизированного кирпичного завода на Первой Речке вынесли благодарность и вручили премию, о чем свидетельствуют следующие документы: «Приказ N 5 по Владивостокскому отделению «Дальстройтреста» 27 декабря 1929 г. 1. Осмотрев 25 сего декабря совместно с заместителем предсе-

дателя ДКСНХ тов. Лепиным вновь отстроенный кирпичный завод на Первой Речке и нашел, что работы выполнены в срок, более чем краткий и техническое исполнение постройки завода соответствует основной технической мысли.

Во время осмотра кирпича делательные машины и аппараты были пушены в ход и дали пробный прессованный сырец. Завод мог бы быть уже пушен в ход, если бы «Дальуголь» снабдил его необходимым количеством угля.

Успешной постройке завода в большой степени способствовала энергичная творческая работа инженера Александра Львовича Федорова, автора проекта данного завода и главного распорядителя работами по постройке завода.

Изабелла Брониславовна Федорова. Владивосток, 1920-е годы. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

По следам старой фотографии

Несмотря на чрезвычайно недостаточное и несвоевременное финансирование, на отсутствие потребных стройматериалов и квалифицированных рабочих, инженер А.Л. Федоров со своими сотрудниками по работе приносили всю свою энергию к доведению работы до конца в один строительный сезон.

Отмечая такое исключительное достижение строительства при вышеприведенных чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах, я, от имени Администрации Треста, выражаю свою искреннюю благодарность строителям кирпичного завода инженеру А.Л. Федорову и его сотрудникам, призывая его товарищей техников Владивостокского отделения Дальстройтреста последовать вышеуказанному примеру инженера Александра Львовича Федорова.

Заведующий Владивостокским отделением Дальстройтреста Филинук» [62].

«Д.К.С.Н.Х. Владивостокское отделение Дальневосточного краевого строительного треста. Гор. Владивосток, Ленинская, 33. Тел. NN 7-32, 167-24, 16-25, 16-63. 29 июня 1930 г. N 1513.

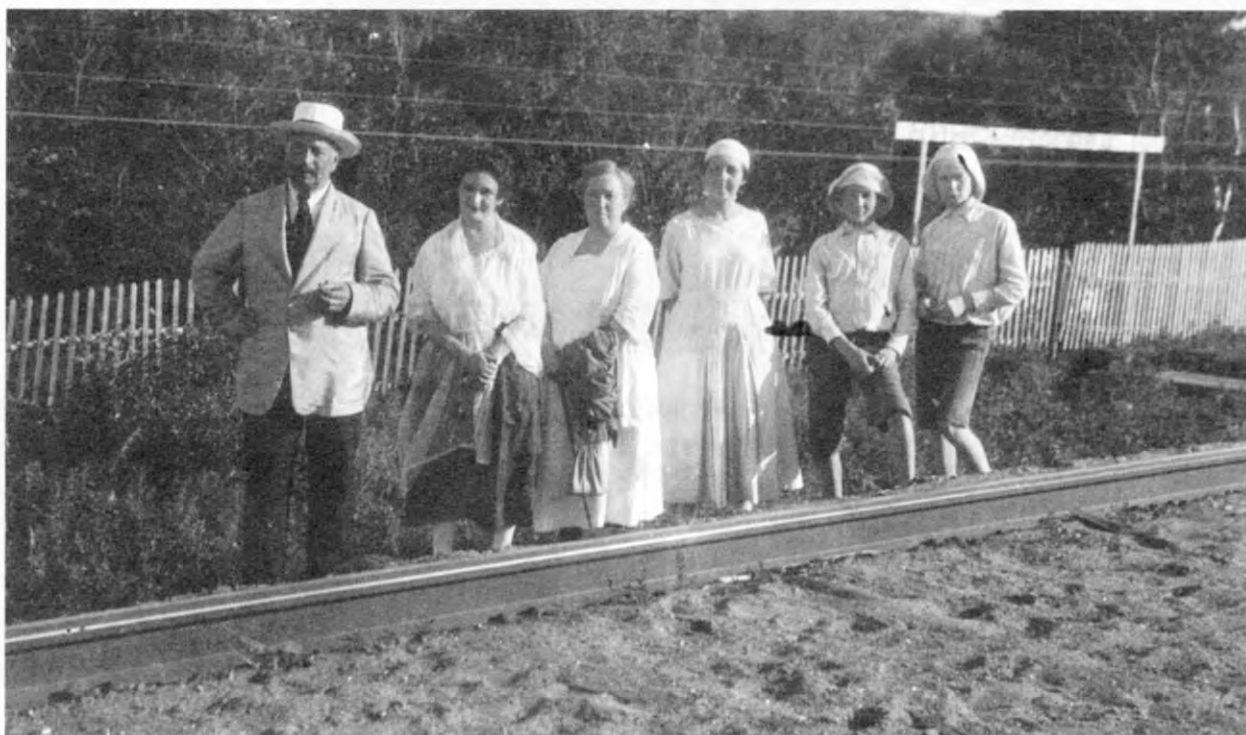
Инженер А.Л. Федоров. Владивосток, 1928 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Группа отдыхающих на перроне станции Седанка под Владивостоком. Вторая слева Изабелла Брониславовна, третий слева (в шляпе) А.Л. Федоров, шестой слева (в последнем ряду) Сергей, третий справа (на переднем плане) Георгий. 1920-е годы. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Семья Федоровых со знакомыми на станции Седанка под Владивостоком. На мосту сидят: вторая справа Изабелла Брониславовна, третий справа А.А. Федоров, четвертый справа Сергей, шестой справа Георгий. 1920-е годы. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Семья Федоровых со знакомыми в районе станции Седанка под Владивостоком. Слева направо: А.А. Федоров, третья слева Изабелла Брониславовна, пятый слева Георгий, шестой слева Сергей. 1920-е годы. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Александр Львович, Изабелла Брониславовна и Георгий Федоровы. Владивосток, 1928 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Слева направо: А.А. Федоров, его внучка Ксения Константиновна Кригер-Войновская, Ирина Александровна Кригер-Войновская (урожденная Федорова) и Изабелла Брониславовна Федорова. Владивосток, 1929 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Удостоверение

Дано настоящее Главному инженеру по постройке механизированного кирпичного завода в гор. Владивостоке на 1-Речке, производительностью 9 миллионов штук, Федорову Александру Львовичу, в том, что на постройку его, т.е. кирпичного завода он премирован Премияльной комиссией за отличное выполнение работ и проекта.

Председатель Премияльной комиссии Зав. П.Э.О. Влад. Отделен. Дальстройтреста: Шмуклер» [63]

В 1929 г. во время так называемого конфликта на КВЖД Александр Львович был мобилизован для выполнения строительных оборонительных работ во Владивостоке. Работы, по-видимому, заключались в установке на позициях двух бывших 10-дюймовых батарей на п-ове Басаргина и м. Створном (Русский остров) 120-мм береговых пушек Майдзуру. За блестящее выполнение этой работы Александр Львович был награжден Реввоенсоветом Особой красной знаменной Дальневосточной армии ценным подарком [64].

Помимо интенсивной инженерной работы Александр Львович активно работал в профсоюзной организации, занимая пост председателя Местного бюро Инженерно-технической секции ВССР (предположительно Владивостокского союза строительных работников).

Летнее время Александр Львович и его семья предпочитали проводить на своей старой маленькой даче на Седанке, где его сыновья имели возможность отдыхать на море – узкой полоске пляжа, зажатой между полотном железной дороги и урезом воды. Мелководный в этих местах Амурский залив хорошо прогревался, а вода тогда была изумительно чистой. В 1926 году оба сына уехали на учебу в Ленинград и Александр Львович и Изабелла Брониславовна остались одни, но дети их не забывали и старались в летнее время приезжать во Владивосток. Летом 1927 года во Владивосток из Ленинграда приехали на отдых дети – стар-

шая дочь Елена и сын Георгий. Поскольку дача у Федоровых была маленькой, то для Елены сняли комнату в большом доме у соседей и старых знакомых еще по временам строительства Владивостокской крепости – у военного инженера Эрнеста Оскаровича Маака и его супруги Анны Ивановны [65]. Елена Александровна Федоровна была еще совсем молодой женщиной, ей исполнилось только 32 года. Свободное время позволило ей пройти во Владивостоке медицинское обследование и оно, к сожалению, выявило неизлечимую в то время болезнь. В том же 1927 году старшая дочь Федоровых скончалась. Это был страшный удар для родителей и первая большая трагедия для семьи.

Чтобы поддержать родителей летом, 1928 года во Владивосток из Ленинграда приехала дочь Ирина, ставшая к тому времени женой Константина Генриховича Кригера-Войновского, со своей маленькой дочкой Ксенией. Общение с маленькой внучкой смогло хоть как-то помочь Александру Львовичу и Изабелле Брониславовне смягчить горечь утраты.

Это несчастье в семье оказалось не последним. В 1929 году был арестован Константин Генрихович Кригер-Войновский, а в 1930 г. он отправился отбывать срок на Север, куда к нему отправилась его супруга Ирина Александровна [66]. Ксению пришлось оставить на попечение бабушки Евгении Константиновны Кригер-Войновской. Такое развитие событий делало дальнейшее пребывание Федоровых во Владивостоке лишенным какого-либо смысла. Проблемы дочери в Ленинграде были настолько серьезны, что нужно было срочно ехать туда и помогать растить внучку.

Кроме того, в стране разворачивалась безумная репрессивная кампания против старых инженеров, и продолжение активной инженерной деятельности становилось просто небезопасным. Выход на пенсию существенно снижал этот специфический для СССР профессиональный риск. Если даже племянник и зять Александра Львовича

По следам старой фотографии

К.Г. Кригер-Войновский – заслуженный большевик с одиннадцатилетним стажем – стал политическим заключенным, то положение бывшего колчаковского генерала было еще более опасным. Нужно было уходить на покой и уезжать из Владивостока, где его все слишком хорошо знали, как можно дальше.

Кроме того, международная обстановка на Дальнем Востоке была крайне напряжена, и можно было легко догадаться, что в случае дальнейшего ее обострения во Владивостоке начнется очередной этап широкомасштабного оборонительного строительства, к которому, несомненно, привлекут бы и Александра Львовича. И тогда выехать на постоянное жительство в европейскую часть страны ему было бы намного труднее.

К счастью, наиболее важный строительный проект – возведение кирпичного завода – был к тому времени Александром Львовичем закончен. Кроме того, из-за тяжелого ответственного интенсивного инженерного труда и обрушившихся на семью несчастий у А.Л. Федорова существенно ухудшилось здоровье. Он обратился к руководству треста с просьбой отпустить его на пенсию и разрешить выехать с Дальнего Востока, о чем свидетельствует этот документ: «Выписка из протокола № 8 заседания Владивостокского окружного бюро ИТС ВССР от 11 апреля 1930 года.

Параграф 3.

Слушали: Заявление председателя Местного бюро ИТС Дальстройтреста тов. Федорова об освобождении его от обязанностей председателя и согласования отъезда его с Дальнего Востока.

Ввиду полной необходимости ему по возрасту и по состоянию здоровья прекратить большую тяжелую инженерную работу, которую он долгое время нес, и перейти на более легкую работу.

Тов. Филинук: Считаю возможным просьбу тов. Федорова удовлетворить, так как тов. Федорову 64 года от рождения и он имеет 37 лет инженерного стажа, последние

три года работы тов. Федорова в «ВОКТЕХНОСТРОЕ» на ответственных должностях, совершенно подорвали его здоровье, а в особенности вредно отразилась на здоровье тов. Федорова последняя проведенная им работа по постройке кирпичного завода, на которую тов. Федоров затратил максимум энергии. А потому считаю, что инженера Федорова нужно освободить не только от профработы, но и просить Владивостокское отделение Дальстройтреста не препятствовать отъезду его с Дальнего Востока.

Постановили: Освободить тов. Федорова от обязанностей председателя МБ и настаивать перед администрацией Дальстройтреста за согласие на его отъезд с Дальнего Востока, а также просить Дальстройтрест отправить тов. Федорова за счет треста

Георгий Александрович Федоров. Ленинград, 1936 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Сергей Александрович Федоров. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

на курорт еще в настоящем сезоне, ибо он расстроил здоровье на службе и нуждается в серьезном отдыхе и лечении.

*Председатель ОБ ИТС ВССР – Филинюк
Секретарь – Скаржинский» [67]*

Надо отдать должное порядочности руководства Дальстройтреста, которое не только отпустило Александра Львовича, но и обеспечило ему с супругой возможность отдохнуть за счет треста на одном из курортов Кисловодска. Дальний Восток отпустил бывшего генерала Федорова по-хорошему.

Первого октября 1930 г. Александр Львович и Изабелла Брониславовна прописались на жительство в Ленинграде в комнате своей дочери Ирины в старой кригеровской квартире № 7 в доме № 4 по Ковенскому переулку [68]. Вместе с ними здесь первоначально проживали Евгения Константиновна Кригер-Войновская с дочерью Тамарой, а также

переданная на их попечение малолетняя Ксения Константиновна Кригер-Войновская. Однако вместе с внучкой Федоровы жили только три года, поскольку Константина Генриховича в 1932 г. перевели из заключенных в разряд колонистов, т.е. ссыльных и официально разрешили ему жить с семьей. Уже в 1933 г. Ирина Александровна забрала Ксению на Север.

1 декабря 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского горкома ВКП (б) С.М. Киров. Этим убийством, как предлогом для «закручивания гаек», ловко воспользовался секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин, лично возглавивший расследование, а точнее фальсификацию уголовного дела. Он не только расправился со всеми своими оппонентами из числа Ленинградской партийной организации, но произвел тотальную «зачистку» города от бывших чиновников царского режима и их родственников, бывших дворян и представителей других, т.н. эксплуататорских классов. Евгения Константиновна с Тамарой были близкими родственниками репрессированного К.Г. Кригера-Войновского, дворянами, родственниками покойного генерала Г.Б. Кригера-Войновского и что еще хуже – родственниками бывшего царского министра путей сообщения Э.Б. Кригера-Войновского. Георгий Александрович Федоров заблаговременно получил информацию о готовящейся широкомасштабной репрессивной кампании и настоятельно посоветовал родственникам немедленно покинуть Ленинград. Евгения Константиновна и Тамара Генриховна не стали долго мешкать, выписались из квартиры и выехали. Впоследствии семья Тамары Генриховны Пашковской переехала в Москву на постоянное место жительства. Таким образом, дружная семья Федоровых и Кригеров-Войновских избежала еще одной крупной трагедии.

Александр Львович и Изабелла Брониславовна остались в огромной квартире одни, с ними жила только домработница. Сыновья жили отдельно, но в том же самом городе, и старики жили интересами сыновей, отправ-

ляли посылки дочери Ирине и внучке Ксении на Север. Один из сыновей А.А. Федорова – Сергей Александрович Федоров – окончил к тому времени Ленинградский строительный институт, был крупным инженером-строителем, кандидатом технических наук, научным сотрудником, преподавателем. Когда началась война, его не взяли в армию, поскольку у него выявили туберкулезные изменения в легких. Второй сын – Георгий – был преподавателем философии Ленинградского государственного университета, отказался от эвакуации, ушел в народное ополчение и воевал как политработник на Ленинградском и Волховском фронтах. Первое время он имел возможность помогать родителям. Сергей, работавший на оборонном предприятии, также пытался поддерживать стариков за счет собственного пайка. Ирина Александровна старалась присылать деньги, пока работала почта. В письме из Воркуты от 1 октября 1941 г. она пишет, что много хлопотала по поводу посылки телеграммы с разрешением на въезд родителей в Воркуту, но это ей не удалось.

Катастрофа стала неизбежной, когда Георгия Александровича перевели на Волховский фронт и у него пропала возможность передавать в Ленинград посылки с продуктами. 11 января 1942 г. первой ушла из жизни Изабелла Брониславовна. И хотя причиной смерти был назван инсульт, нет никаких сомнений, что истинной причиной смерти было истощение и моральные страдания, связанные с угасанием на ее глазах любимого мужа и сына. Восьмого февраля умер от дистрофии Сергей Александрович. До этого он успел два раза попасть в больницу в связи с туберкулезом, но оказать ему какую-то помощь в условиях отсутствия нормального питания было невозможно. Александр Львович оказался самым крепким, держался до последнего, но умер вскоре вслед за сыном 15 февраля 1942 г. с диагнозом общий атеросклероз. Домработница Елена Анатольевна Дмитриева сделала для своих хозяев не-

возможное в условиях блокады – похоронила их всех на кладбище в отдельных могилах. Впоследствии Елена Анатольевна ухаживала за могилами и несколько раз приезжала в Москву помогать по хозяйству Тамаре Генриховне Пашковской и Георгию Александровичу Федорову. Елена Анатольевна сохранила и семейный архив – письма, фотографии, а также дневниковые записи Изабеллы Брониславовны [69].

СЕМЬЯ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА ФЕДОРОВА

К марту 1942 года от некогда большой и дружной семьи Федоровых осталось совсем немного людей: один из сыновей – Георгий, находившийся на фронте, а также дочь Ирина со своей дочерью Ксенией, которые находились на Севере, где отбывал ссылку Константин Генрихович Кригер-Войновский.

Георгий Александрович Федоров в 1926 г. окончил промышленно-экономический техникум и был командирован для продолжения учебы в Ленинград в Политехнический институт им. Калинина, который он окончил с дипломом экономиста-плановика в 1930 г. Арест двоюродного брата Константина Генриховича Кригера-Войновского в 1929 г. по 58 статье не отразился на его карьере. Трудовая деятельность Георгия Александровича началась с 1929 г., что в определенной степени было связано с арестом К.Г. Кригера-Войновского и необходимостью помогать сперва сестре, а затем и переехавшим в Ленинград родителям, поскольку Александр Львович Федоров тогда болел. Он занимался преподавательской деятельностью, был сперва ассистентом, затем получал ставку доцента в различных высших учебных заведениях Ленинграда (ЛГУ, Педагогическом институте им. Герцена на кафедре философии, Медицинском институте им. Павлова, Институте философии, истории и лингвистики и др.). Он преподавал исторический материализм и марксизм-ленинизм,

поскольку сфера интересов молодого экономиста намного раньше сдвинулась в область философии, о чем свидетельствуют его сохранившиеся рефераты, доклады и рабочие записи студенческих лет.

Георгий Александрович прошел переобучение на философа в заочной аспирантуре при Философском факультете ЛГУ. В апреле 1939 г. он сдал кандидатские экзамены, а в июне этого же года решением Совета Московского государственного института истории, философии и литературы Г.А. Федорову присудили степень кандидата философских наук.

Тема диссертации первоначально звучала, как «Исторический материализм против экономического фатализма», но перед защитой ее исправили на «Ленин и Сталин против экономического фатализма». В условиях того времени любое неосторожно сказанное преподавателем слово могло приве-

Майор Г.А. Федоров. Карельский фронт, 1944 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

сти к непоправимым для него последствиям, но философия, как занятие более отвлеченное, все же оставляла хоть какую-то степень свободы. В декабре 1939 г. решением Высшей аттестационной Комиссии Г.А. Федоров был утвержден в ученом звании доцента по кафедре диалектического и исторического материализма. Несмотря на то, что Г.А. Федоров более десяти лет работал в области преподавания общественных наук, он вступил в партию только в 1940 г. Такая осторожность для сына бывшего колчаковского генерала была более чем понятна.

3 июля 1941 г., в самом начале Великой Отечественной войны Г.А. Федоров добровольно вступил в Ленинградскую армию Народного ополчения, где стал политруком стрелковой роты. 13 августа 1941 г. он был зачислен в кадры РККА на должность политрука батареи Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 44-й стрелковой дивизии. Во время решающих сентябрьских боев за Ленинград Георгий Александрович был ранен в голову под Красным Селом и попал в медсанбат. Он считал, что это ранение

Майор Г.А. Федоров. Волховский фронт, 1943 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

По следам старой фотографии

спасло ему жизнь, в противном случае он просто бы погиб в этих тяжелейших за все время обороны Ленинграда боях. В октябре 1941 г. Г.А. Федорова переводят в политотдел дивизии инструктором по пропаганде, и в этом качестве он служит в политотделах различных дивизий на Ленинградском и Волховском фронтах. Почти все время Г.А. Федоров находился на передовой, заменил выбывшего из строя командира батальона и водил батальон в контратаки, управлял огнем батареи, выдвинутой на плацдарм, то есть принимал непосредственное участие как в оборонительных сражениях, так и наступательных боях под Тихвином в декабре 1941 г., на реке Волхов в 1942 г., а затем в районе станции Мга, на Синявинском направлении и под Новгородом. В августе–сентябре 1942 г. он служил лектором Дома Красной Армии 4-й армии, а затем был агитатором Политуправления Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Он участвовал в наступательных операциях Волховского фронта под Новгородом, Карельского фронта на Ухтинском, Мурманском и Печенгском направлениях, а затем на направлении главного удара 1-го Дальневосточного фронта на Муданьдзянском направлении, закончив войну в звании майора [70].

По окончании Второй мировой войны он остался на Дальнем Востоке и служил лектором Политуправления Приморского военного округа, получив в феврале 1946 г. звание подполковника. Служба в Приморье, там, где прошли детские годы Георгия Александровича, скорее всего не была ему в тягость. Ворошилов-Уссурийский, в котором располагался штаб округа, отделяло от Владивостока не более сотни километров, и нет никакого сомнения, что Федоров не один раз побывал в городе своего детства и юности. В 1945–1948 гг. Федорова неоднократно командировали в Маньчжурию и Северную Корею, где тогда располагались советские войска. В становлении новых органов власти в Маньчжурии и, особенно, в

Корее активную роль играли советские политработники. В служебной характеристике Г.А. Федорова от 26 апреля 1946 г., подписанной заместителем начальника Политуправления Приморского военного округа полковником Кауровым, указано: «Товариш Федоров проделал большую работу по изучению аграрных отношений в Северной Корее, и принимал непосредственное участие в подготовке и проведении аграрной реформы» [71]. В это же время он много выступал в окружной военной печати, выступал с лекциями и давал консультации командованию. В частности, им была составлена для командующего Приморским военным округом маршала Советского Союза К.А. Мерешкова письменная консультация на семи страницах, озаглавленная «Что такое наука?». Приведем здесь этот весьма любопытный документ целиком:

*«Маршалу Советского Союза
тов. Мерешкову*

ЧТО ТАКОЕ НАУКА?

У классиков марксизма-ленинизма нет общего определения того, что такое наука. Если постараться суммировать многочисленные высказывания их о различных сторонах вопроса о науке, то можно дать следующее определение науки, которое, разумеется, отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту.

Наука – логически-стройная объективно-истинная система знаний, воспроизводящая в форме понятий явления, причинные связи и законы развития материальной действительности или духовной жизни.

Важнейшим моментом науки является учение марксистско-ленинской философии об объективной истине, которому ЛЕНИН посвятил специальный параграф своей книги «Материализм и эмпириокритицизм» (Глава II, парагр. 4).

Объективная истина – содержание человеческих представлений, которое не зави-

сит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества (Ленин, Собр. соч. том 13. Стр. 100). Иначе говоря, объективная истина – содержание человеческих представлений, воспроизводящее в человеческом сознании явления реальной действительности так, как эти явления существуют вне познающего субъекта и независимо от него. Объективная истина не зависит от человеческих интересов, вкусов, воли, капризов, произвола, фантазий, а целиком обуславливается объективной действительностью. Наличием объективной истины наука в корне отличается от религии и всяческих других видов фантастического, т.е. искаженного отражения действительности.

Наука также отличается от отдельных, отрывочных, случайных, единичных знаний о действительности, даже если эти знания отражают действительность правильно. Наука предоставляет из себя систематическую совокупность знаний о явлениях, их классификацию, обобщение, выражающееся в понятиях, а главное, имеет своей целью открытие законов и нахождение причин, обуславливающих возникновение, изменение и смену явлений.

Марксистско-ленинское учение о науке прежде всего противоположно субъективному идеализму и агностицизму. Субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Ницше эмпириокритицизм Маха и Авенариуса) отрицает существование внешнего мира, т.е. реальной действительности, существующей вне человеческого сознания и независимо от него. Агностицизм (Юм, Кант) отрицает существование внешнего мира, т.е. реальной действительности, существующей вне человеческого сознания и независимо от него. Агностицизм (Юм/Ю Кант) отрицает возможность познания действительности. Оба эти тесно связанные друг с другом направления философии считают, что наука является субъективной конструкцией человеческих мыслей, лишенной объективной истинности и построенной или на основании человеческих желаний, интересов, воли (Ницше, эмпириокритицизм) или

на основании прирожденных законов человеческого разума, законов совершенно автономных, оторванных от объективной действительности и не имеющих с ними ничего общего (Кант).

Одно из наиболее существенных различий в понимании науки марксистско-ленинской философии и философии Гегеля состоит в том, что Гегель был крайним рационалистом (от латинского слова «рацио» – разум). Гегель считал, что истинная наука должна исходить не из фактов, получаемых из опыта, а из человеческого разума, который должен развить чисто логически, умозрительным путем все содержание наших знаний. Диалектический материализм в противоположность этим взглядам Гегеля считает, что единственным источником всех наших знаний является опыт и что наука представляет из себя обобщение, систематизацию, логическую, рациональную переработку материала, получаемого нами из опыта.

Важным вопросом в понимании науки является вопрос о разделении и классификации наук. Очень многие философы пытались разделять науки на основании тех или иных человеческих интересов, способностей, точек зрения и т.д. Так, например, английский философ Бэкон соответственно разделению человеческих душевных способностей на память, воображение и рассудок делил все знания на историю, поэзию и философию. Неокантианцы (Вильдебранд, Риккерт) считали, что все науки делятся на две совершенно противоположные области соответственно различным точкам зрения, с которыми люди подходят к ним. В естествознании люди интересуются только общими свойствами, повторяющимися однообразно во времени, а в исторических науках интересуются только неповторимыми, индивидуальными событиями, выражающими те или иные высшие нравственные ценности.

В противоположность подобным взглядам марксистско-ленинская философия считает, что науки должны делиться соответственно тем различиям, которые

По следам старой фотографии

существуют в самой объективной действительности. Каждая наука имеет свой определенный объект для изучения, т.е. ту или иную часть или сторону действительности, обладающую качественными особенностями или специфическими закономерностями. Отношения между науками определяются отношениями между объектами их изучения. Энгельс писал: – «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собою и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением согласно внутренне присущей им последовательности, самих этих форм движения» («Диалектика природы». Изд. 1946 г. Стр. 200).

Биологические науки представляют из себя самостоятельные науки по отношению к физике, химии и другим наукам, изучающим неорганическую жизнь, потому, что органическая жизнь подчиняется в своем развитии законам, отличным от законов развития мертвой природы. Социальные науки выделяются марксизмом-ленинизмом из других наук потому, что общественное развитие подчинено законам, которых нет в природе. Военные науки представляют из себя отдельные науки потому, что военная деятельность подчиняется особым законам, отличающимся от законов экономической, политической или духовной деятельности, хотя тесно с ними связана.

В совокупности наук существует определенная иерархия и соподчинение, сообразно иерархии и соподчинению законов объективной действительности. Самой высшей и общей наукой является философия. Она изучает общие законы развития, и в равной мере присущие развитию природы, общества и человеческого мышления. Философия дает методы, т.е. законы, способы познания другим более частным и конкретным наукам – естествознанию и социальным наукам. Из всех социальных наук наиболее высшей и общей является марксистско-ленинская социология, т.е.

исторический материализм, который устанавливает общие законы развития всех обществ и всех сторон общественной жизни. Политическая экономия, юриспруденция (наука о праве), лингвистика (наука о языке), военные науки и др. социальные науки изучают специфические законы, присущие отдельным сторонам общественной жизни. Для всех этих наук исторический материализм является методологией.

Науки отличаются друг от друга также большей или меньшей близостью к непосредственной практике, которая является в конце концов целью всех наук. Теоретическая механика изучает общие законы механического движения. На ней основываются более конкретные науки – сопротивление материалов, аэродинамика, строительная механика, баллистика и т.д. На этих науках основываются еще более близкие к практике науки, изучающие законы, способы, приемы конструирования и построения машин, зданий, гидростроительных сооружений, артиллерийских орудий и т.д. Из этих наук уже непосредственно исходят инженеры и конструкторы в своей практической деятельности.

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО

Термин «искусство» в русском языке, – согласно словарю Даля, – означает: знание, умение, развитая навыком ученая способность; ветвь или часть людского образования и просвещения; наука, знание, прилагаемое к делу; рукоделье, ремесло, мастерство, требующее большого умения и вкуса». Поэтому в русском языке употребляются выражения: инженерное искусство, врачебное искусство, военное искусство; более конкретные выражения: искусство книгопечатания, искусство меткой стрельбы, искусство верховой езды и т.д. Во всех этих выражениях термин «искусство» означает совокупность способов, приемов, методов деятельности в той или иной сфере практики.

Термин «искусство» приобрел особое значение в применении к духовной деятельности в сфере художественной литературы, архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, пении, танца, театра, кино. Когда употребляют термин «искусство» без какого-нибудь прилагательного, всегда имеют в виду именно эту сферу духовной деятельности, которую еще называют иногда «изящными искусстваами».

Искусство является (наряду с наукой, религией, правом, нравственностью, языком) особой формой общественного сознания. Оно представляет из себя отражение объективной действительности или психической жизни людей, но – в отличие от науки – не в виде абстрактных понятий и законов, а в виде чувственно-конкретных эмоционально-воспринимаемых индивидуальных образцов. Так, например, Маркс в «Капитале» дал абстрактное общее понятие функции денег как сокровищ и законы их накопления, а Гоголь те же явления выразил в образе всем хорошо известного Плюшкина.

ЧТО ТАКОЕ ЭСТЕТИКА?

Эстетика – наука об общих законах развития искусства, т.е. художественной литературы, архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, пения, танца, театра, кино.

Лектор Политуправления Приморского военного округа

Подполковник

/Федоров/

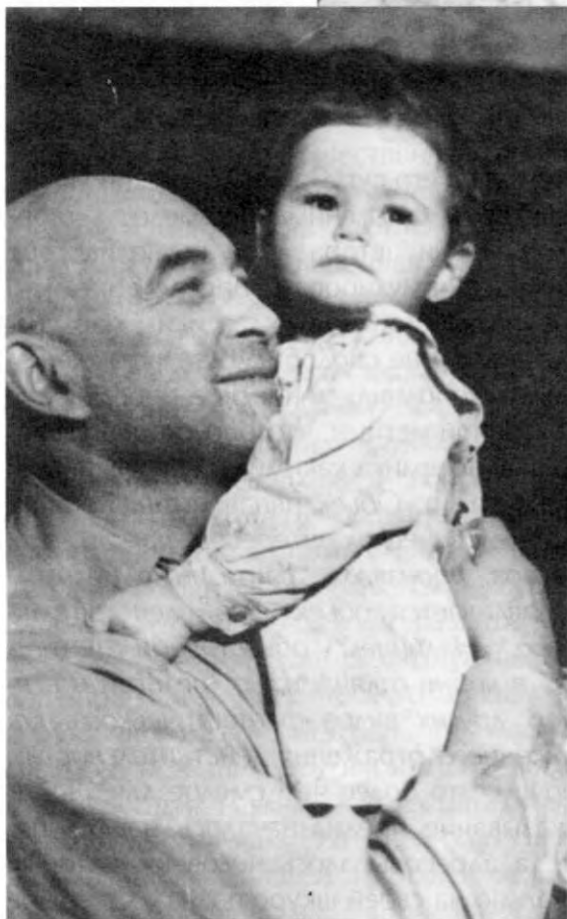
“__” апреля 1947 г.» [72]

Нет ничего удивительного, что Кирилл Афанасьевич Мерецков мог не вполне точно представлять себе сущность науки и ее роль в обеспечении обороноспособности государства в современных условиях, однако стремление маршала досконально разобратся в этом вопросе заслуживает всяческого уважения. Ну а в самом документе,

Полковник Г.А. Федоров. Москва, 1953 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

несмотря на его сугубо марксистский уклон, обращает на себя внимание смелость творческой мысли автора – он позволил себе самому сформулировать определение, что такое наука, которое «классики» марксизма дать так и не сподобились. Он также настолько «дополнил» ленинское определение объективной истины, что оно скорее выглядело, как полемика какими-то неназванными оппонентами: «Объективная истина не зависит от человеческих интересов, вкусов, воли, капризов, произвола, фантазий, а целиком обуславливается объективной действительностью. Наличием объективной истины наука в корне отличается от религии и всяческих других видов фантастического, т.е. искаженного отражения действительности». Впрочем, это более чем смелое для 1947 г. высказывание предназначалось не для печати, а адресовывалось человеку, который буквально на своей шкуре познал, что такое

Г.А. Федоров с женой Ириной Евгеньевной Балакиной и дочерьми – Натальей (слева) и Татьяной (справа). Москва, 1960 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Г.А. Федоров с дочерью Натальей. Москва, 1956 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

капризы и произвол, порожденные фантазиями тогдашнего советского «Вождя» и буквально чудом остался в живых, хотя и был изрядно покалечен «умельцами» из НКВД. Подполковник и Маршал Советского Союза очень хорошо понимали друг друга.

В сентябре 1948 г. Георгий Александрович был переведен на службу в Москву, где стал доцентом кафедры философии Военно-политической академии им. Ленина и был произведен в полковники. Академия, как ни странно, всегда имела репутацию очага вольнодумства, а ее слушатели и преподаватели отличались самостоятельностью мышления, хотя и соблюдали всю необходимую коммунистическую обрядность. Советское руководство традиционно не доверяло академии, особенно после истории с т. н. толмачевской оппозицией 1928 г. Более того, личный состав Академии отличала особая товарищеская спайка, что существенно затрудняло деятельность органов госбезо-

пасности по ведению в академии оперативной работы с целью искоренения «крамолы». В академии друг на друга не доносили. В этой связи на Георгия Александровича, как на сына бывшего генерала, имевшего личное дворянство, и пусть не очень активно, но участвовавшего в Белом движении, было обращено особое внимание. В 1950 г. отдел кадров затребовал от него дополнительные подтверждения лояльности Советской власти его давно умершего отца, причем старая справка 1923 года не в меру бдительных кадровиков не устроила, и они потребовали дополнительных доказательств. К счастью, человек, выдавший такую справку А.Л. Федорову – старый большевик В.Г. Антонов, возглавлявший в 1920–1921 г. Временное правительство Приморской земской управы, – оказался жив и подтвердил данную в свое время А.Л. Федорову рекомендацию, о чем свидетельствует пометка на цитированном ранее документе *«Рекомендацию, дан-*

Г.А. Федоров с двоюродной сестрой Тamarой Генриховной Пашковской (урожденной Кригер-Войновской). Из семейного архива Т.Г. Федоровой

Г. А Федоров с дочерьми Татьяной (слева) и Натальей (справа). Москва, сентябрь 1964 г. По-видимому, это последняя фотография Г.А. Федорова. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

ную А.А. Федорову в 1923 г. подтверждаю. В. Антонов, член Партии с 1903 г. Партбилет N 1221350. 22/XI 1950 г.» [73].

Десятилетие, последовавшее после смерти И.В. Сталина (т.н. хрущевское «Великое десятилетие»), было, наверное, самым счастливым периодом в жизни Георгия Александровича Федорова и наиболее плодотворным для него в творческом плане. В 1954 г. он женился на Инне Евгеньевне Балакиной 1926 года рождения, врач-фтизиатре и кандидате медицинских наук. До смерти Сталина Г.А. Федоров завести семью не рисковал. В 1954 г. у него родилась старшая дочь Наталья, которая стала впоследствии врачом и кандидатом медицинских наук, а в 1957 г. — младшая дочь Татьяна, окончившая Физический факультет МГУ и Юридический факультет Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, которая стала юристом. Из ссылки вернулся К.Г. Кригер-Войновский и у Георгия Александровича появилась возможность чаще встречаться с семьей своей

сестры Ирины, которая была очень похожа на него по характеру и с которой они очень дружили.

Хрущевская «оттепель» временно раскрепостила общественные науки. В стране стали выходить достаточно объективные и честные работы по военной истории, зашевелилась и общественная мысль. И Георгий Александрович воспользовался этим «окном возможностей» в полной мере. Несмотря на напряженную преподавательскую деятельность, он с головой погрузился в научную работу. Поскольку Г.А. Федоров, помимо хорошего экономического и философского образования, получил еще и бесценный практический военный опыт, он смог творчески реализоваться в области знаний, лежащих на стыке философии и теории военного дела. В течение десяти лет он руководил 13 адъюнктами, диссертации которых требовали большого внимания, сам опубликовал более 70 научных трудов по различным общефилософским и военно-теоретическим темам. В известном в свое время сборни-

ке «Марксизм-ленинизм о войне и армии», изданном кафедрой философии Военно-политической академии им. Ленина, он был автором нескольких разделов, составлявших треть всего объема. Этот сборник выдержал пять переизданий, был переведен на немецкий, чешский, венгерский и румынский языки, причем Г.А. Федоров был главным редактором 2, 3 и 4-го изданий.

Редакторская работа отнимала много времени и задерживала завершение докторской диссертационной работы. Над диссертацией он начал работать в 1950 г., на ко-

Полковник Г.А. Федоров. Москва, 1963 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой

нечном этапе тема звучала так: «Современные проблемы войны в свете марксистско-ленинской философии». Им первым в советской военно-философской литературе было выдвинуто понятие «научного потенциала», как необходимой составляющей, определяющей военную мощь государства наряду

с экономикой, моралью и т.д. Впервые в отечественной литературе он рассматривал вопрос о целеустремленности и планомерности ведения вооруженной борьбы и др. Диссертация была посвящена философскому анализу наиболее важных и сложных проблем войны и мира в современную эпоху. 25 марта 1964 г. Г.А. Федоров защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук. Советом было принято решение издать эту диссертацию в виде монографии. Это была первая докторская диссертация, защищенная в ВПА им. Ленина. На кафедре шутили – «Федоров прорубил окно в Европу» [74]

Однако столь напряженный труд на износ в течение десяти лет надорвал здоровье Георгия Александровича. Работа советского обществоведа, стремившегося делать добросовестную научную работу, а не заниматься перепевом пропагандистских клише «сталинской школы фальсификаций», неизбежно вступала в противоречие с господствующими тогда коммунистическими догмами, и ему всегда нужно было находить очень тонкий баланс между возможным и недозванным, чтобы не быть обвиненным в идеологической диверсии, но в то же время и честно выразить свое видение тех или иных вопросов науки. Как однажды сказал сам Георгий Александрович, – «моя профессия – это хождение по апельсиновым коркам» [75].

В начале учебного года 20 сентября 1964 г. Г.А. Федоров скоропостижно скончался от сердечного приступа. А буквально через несколько недель в стране сменилась власть, хрущевская «оттепель» закончилась, и «окно возможностей» для ученых, работающих в гуманитарных науках, захлопнулось на многие десятилетия. Георгий Александрович успел использовать это «окно» в полной мере. Похоронен он был на Преображенском кладбище в Москве.

За время военной службы Г.А. Федоров был награжден четырьмя орденами и десятью медалями. В числе его наград были два ордена Красной Звезды (за бои по прорыву блокады Ленинграда и за выслугу лет),

По следам старой фотографии

орден Отечественной войны 2-й ст. за бои на Карельском фронте и Отечественно войны 1-й ст. за бои в Маньчжурии, а также медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Георгий Александрович, по отзывам современников, был веселым, жизнерадостным, запоминающимся своей порядочностью и широкой образованностью человеком. Он не любил носить военную форму вне службы, на просьбу рассказать о войне – отвечал: *«Война – это очень тяжелая и грязная работа. Читайте лучше про забавные случаи на фронте»* [76]. После него остались военные дневники, где нашли отражение и «грязная работа» и «забавные случаи». Они еще ждут своего исследователя.

* * *

Семьи Кригеров-Войновских и Федоровых, история которых так тесно переплелась между собой, представляли собой весьма причудливую смесь различных этносов и сословий, характерных для Российской империи. Этих людей объединяло то, что они сами не имели каких-то унаследованных крупных состояний или крупного недвижимого имущества, а то высокое положение, которого они достигли в обществе, определялось, прежде всего, их собственным трудом и талантом. Это были необыкновенно интересные люди. Сын обедневших дворян Бронислав Онуфриевич Кригер-Войновский был действительным статским советником и крупным военным врачом. Его сын Генрих Брониславович стал крупным военным инженером, дослужившимся до генеральского чина, а другой сын Эдуард – крупнейшим специалистом-железнодорожником и последним министром путей сообщения царской России. Не менее талантливы были и его внуки. Сергей Эдуардович Кригер-Войновский, несмотря на то, что был вынужден эмигрировать, смог себя реализовать как выдающийся инженер и за рубежом. Его фундаментальный труд, относящийся к

одному из разделов теории сопротивления материалов, был издан в Югославии, после окончания Второй мировой войны переведен на русский язык и издан в СССР, а затем эту книгу перевели с русского на английский и она стала классической в соответствующей тематике. Константин Генрихович Кригер-Войновский стал выдающимся советским популярным геологом и палеонтологом, доктором геолого-минералогических наук. Георгий Александрович Федоров, внук Бронислава Онуфриевича по линии дочери Изабеллы Брониславовны, стал выдающимся ученым-философом, доктором философских наук, сумевшим внести достойный вклад в развитие общественных наук, несмотря на очень неподходящие для этого условия, существовавшие в СССР. Среди правнуков Бронислава Онуфриевича Кригера-Войновского также много весьма успешных людей творческих профессий.

Оставшиеся в России Кригеры-Войновские, Федоровы и их потомки пережили немало трагических моментов. Борьба за выживание в революционном Петрограде закончилась для Генриха Брониславовича Кригера-Войновского безвременной смертью от неизлечимой болезни. Его сын Константин Генрихович познал унижения тюрем и лагерей, а его дочь Тамара Генриховна и вдова Евгения Константиновна были вынуждены бежать из обжитой квартиры и любимого города, спасаясь от сталинских чисток. Александр Львович Федоров, его супруга Изабелла Брониславовна и их сын Сергей Александрович погибли от голода в блокадном Ленинграде. А до этого они потеряли умершую от неизлечимой болезни взрослую дочь. И, несмотря на все превратности судьбы, Кригеры-Войновские, Федоровы и их потомки всегда, пока позволяли силы, работали на благо своей страны, вне зависимости от того, какой политический режим находился у власти. Особенно ценно для нас то, что они сохранили уникальные материалы семейных архивов, позволяющие лучше понять нашу историю и извлечь из нее уроки на будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фотография группы инженеров из Управления Строителя Владивостокской крепости с женами, снятая в конце мая или в июне 1914 г. придворным фотографом Ф.И. Подзоровым в его ателье на ул. Светланской по случаю проводов помощника Строителя Владивостокской крепости по работам на полуострове Муравьева-Амурского полковника Генриха Брониславовича Кригера-Войновского, переведенного Петербург с повышением в должности, будет еще долго волновать воображение исследователей. В настоящее время идентифицировано уже десять участников этой торжественной съемки – начальник инженеров и Строитель Владивостокской крепости генерал-майор Алексей Петрович Шошин, помощник Строителя Владивостокской крепости полковник Эрнест Оскарович Маак и его супруга Анна Ивановна, помощник Строителя Владивостокой крепости полковник Генрих Брониславович Кригер-Войновский и его супруга Евгения Константиновна, помощник Строителя Владивостокской крепости по работам на Русском острове полковник Александр Львович Федоров и его супруга Изабелла Брониславовна, старший производитель работ Управления Строителя Владивостокской крепости капитан Петр Васильевич Заглядимов и его супруга Екатерина Никифоровна, а также старший производитель работ Управления Строителя Владивостокской крепости подполковник Владимир Алексеевич Свинын. Поскольку всего на фотографии изображено 49 человек, поле для исследований остается очень большим, но мы надеемся, что неоднократная публикация этой фотографии существенно поможет в дальнейших поисках.

Фотография отражает очень интересный период не только в строительстве Владивостокской крепости, но, пожалуй, и всей страны, находившейся тогда на переломном этапе своей истории. У людей на фото спокойные, удовлетворенные, светлые лица. Им

было чем гордиться – к лету 1914 года они в невиданно короткие сроки смогли построить могучую крепость, равных которой было не так много в мире, построить качественно, на века. Они смотрят в будущее уверенно, как смотрела вся Россия в начале лета 1914 года и еще не подозревают, что страна вступает в черную полосу разорительных войн, революций, социальных и политических катастроф, полоса которых не закончилась и по сей день. Вряд ли брат и сестра, Изабелла Брониславовна Федорова и Генрих Брониславович Кригер-Войновский догадывались тогда, что это их последняя встреча, и что больше они никогда не увидят друг друга, разделенные фронтами гражданской войны. Не мог предполагать и Александр Львович Федоров, что он больше никогда не увидит своего старого верного товарища и родственника Генриха Брониславовича Кригера-Войновского. Не предвидел он и страшный финал своей и его верной супруги жизни – гибель от голода в блокадном Ленинграде. Не предвидел конца своей жизни в хабаровской тюрьме и Владимир Алексеевич Свинын. Ни в каком кошмаре не могли предугадать Алексей Петрович Шошин и Петр Васильевич Заглядимов, что они станут воевать в рядах Красной Армии против оказавшихся по воле судьбы в рядах белых своих же владивостокских коллег и друзей – Свинына, Маака и Федорова. Ни о чем подобном не думали и не могли думать они летом 1914 года, накануне грозных кровавых событий, буквально перевернувших страну вверх дном. Участники съемки явно уверены в прекрасном будущем своей активно развивающейся страны и в своих личных перспективах, и эта спокойная уверенность отражается на их лицах. Не их вина, что жизнь сложилась совсем иначе. Запомним их именно такими, в момент их торжества, удовлетворенными сделанным на благо своей страны делом.

Авторам очень повезло в том, удалось не только определить, кто из офицеров и их жен изображен на фотографии, примерную дату и повод для съемки, но и получить доступ к материалам семейных архивов, бережно сохраненным родственниками сфотографированных людей, что сделало рассказ о них и о судьбах их семей живым и весьма подробным. И, тем не менее, в истории этой фотографии остаются две очень большие загадки. Семейные архивы, которые с риском для жизни сохранили родственники владивостокских инженеров, достаточно подробны и всяческих фотографий там довольно много. Логично предположить, что эта групповая фотография печаталась не в одном экземпляре и была вручена многим участникам торжественной съемки. Однако, ни в одном семейном архиве, включая архивы потомков Генриха Брониславовича Кригера-Войновского, эта фотография не была обнаружена. Вполне возможно, что люди, сохраняя свои личные снимки, все же старались не хранить у себя фото, на котором изображено так много людей в погонах, часть из которых потом оказалась в рядах Белого движения. Слишком к трагическим последствиям могло привести хранение такого «компромата». И, тем не менее, по меньшей мере, один экземпляр этого замечательного фото все же дошел до наших дней и попал в руки именно тех, кому это было нужнее всего – тех, кто занимается историей Владивостока и Владивостокской крепости. А вот каким путем это чудом сохранившееся фото, причем в идеальной сохранности, оказалось в одной из московских антикварных лавок, и кто все же осмелился его сохранить для потомков – так пока и остается для всех загадкой.

* * *

В заключении мы хотели бы поблагодарить всех, кто помог в работе над книгой. Авторы выражают признательность Ларисе Витальевне Александровской за предоставление копии дневниковых записей А.П. Шошина, сделанной ею в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), а также руководству этого музея за предоставленные документы к биографии А.П. Шошина, Татьяне Ивановне Шошиной (Бухарест, Румыния) за многочислен-

ные фотографии из семейного архива и ценные воспоминания, а также Максиму Мараеву (Воронеж), Сергею и Александру Заглядимовым (Москва) за предоставленные уникальные материалы из семейных архивов. Авторы выражают признательность Ирине Сувориной (Москва) за уникальные фотографии из семейного архива. Авторы признательны Ирине Дмитриевне Андреевой (Москва) (урожденной Заглядимовой) за интересные воспоминания. Авторы выражают признательность польским историкам фортификации Анатолию Вапу (Белосток) и Ярославу Хоржемпе (Прасныш), а также воеводе Ломжинскому Славомиру Згрживе за организацию поездки одного из авторов в крепости Ломжу и Новогеоргиевск (Модлин). Авторы также признательны Юрию Витальевичу Королеву и Дмитрию Алексеевичу Анче и Юрию Владимировичу Иванову (Владивосток) за предоставленные архивные документы. Авторы благодарны Искре Игоревне Вашук (Свиньиной) за предоставленные материалы, касающиеся биографии В.А. Свинына. Авторы выражают искреннюю признательность Ульяне Владимировне и Валерии Просвиркиным (г. Санкт-Петербург), а также Владимиру Павловичу Хохлову (Кавалерово, Приморский край) за предоставленные исторические сведения о семье Мааков. Авторы также благодарят Феликса Маратовича Свидерского (Израиль), Андрея Иннокентьевича Володина и Елену Андреевну Андрееву (г. Санкт-Петербург), за предоставленные уникальные фотографии. Авторы также признательны Галине Васильевне Тимошенко (г. Владивосток) за информацию о старожилах Седанки. Авторы выражают признательность Татьяне Георгиевне Федоровой и Игорю Степановичу Пашковскому (г. Москва) за предоставленные исторические сведения и фотографии, касающиеся семей А.Л. Федорова и Г.Б. Кригера-Войновского. Авторы выражают признательность Роману Сергеевичу Авилову (Владивосток), Ольге Борисовне Лынше и Валерию Алексеевичу Лынше (г. Уссурийск) за ценные консультации, Александру Евгеньевичу Панасенко (г. Владивосток) за редактирование и полезное обсуждение текста и обработку фотоматериалов, а также Олегу Борисовичу Балашову (г. Санкт-Петербург) за предоставление информации о датах прописки семьи А.Л. Федорова в Ленинграде.

**Некоторые ордена, медали
и нагрудные знаки, которыми были
награждены лица,
упомянутые в тексте книги**

1. До 1917 г.

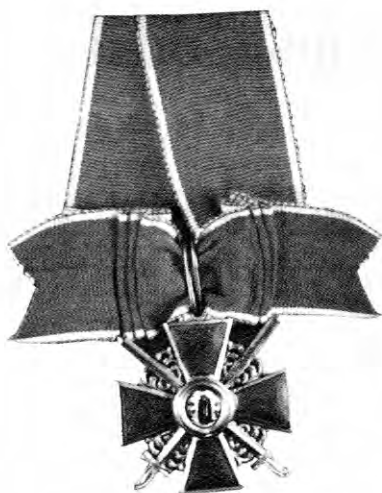
Орден Святой Анны
1-й степени

Звезда к ордену Святой Анны
1-й степени

Орден Св. Анны
2-й степени

Орден Святой Анны с мечами
и бантом 3-й степени

Орден Св. Анны
3-й степени

Орден Святой Анны
4-й степени

Наградное Анненское оружие
(орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость»)

Орден Святого Станислава
1-й степени

Звезда к ордену Святого Станислава
1-й степени

Орден Святого Станислава
2-й степени

Орден Святого Станислава
3-й степени

Орден Святого Владимира
2-й степени

Орден Святого Владимира
3-й степени

Орден Святого Владимира
3-й степени с мечами

Орден Святого Владимира
4-й степени

Аверс медали
«За поход в Китай»

Реверс медали
«За поход в Китай»

Аверс медали «В память
войны с Японией»

Реверс медали «В память
войны с Японией».

Аверс медали «В память
Отечественной войны
1812 года»

Реверс медали
«В память Отечественной
войны 1812 года»

Аверс медали
«В память 300-летия Дома
Романовых»

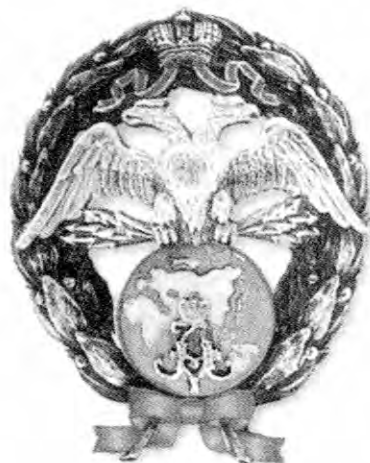
Аверс медали «В
память 300-летия Дома
Романовых»

Знак «Об окончании Николаевского инженерного училища»

Знак «Об окончании Николаевской инженерной академии»

Знак «Об окончании Военно-топографического училища»

Знак «За отличную стрельбу из винтовки»

2. После 1917 г.

Орден Ленина

Орден «Знак Почета»

Медаль лауреата Сталинской премии

Орден «Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней

Орден «Красной Звезды»

Медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»

Медаль «За оборону Советского Заполярья»

Медаль «За победу над Японией»

Медаль «За победу над Германией»

Медаль «За боевые заслуги»

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Хильковский А.Е. «Пропавший» фотограф Подзоров. // Филокартия. 2010. N 8/13. С. 41–43.

2. Турмов Г.П. Китай на почтовых открытках: 100 лет назад. -Владивосток – Харбин: Изд-во ДВГТУ. 2006. 320 с.

3. Голубев И. В подарок городу – «Старый Владивосток» // Комсомольская правда. Владивосток. 5 июля 2005 г.

4. Турмов Г.П., Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Владивостокская крепость. История одной фотографии // Россия и АТР. 2007. N 4. С. 164–169.

5. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн: БГУ, 1999.

6. Хильковский А.Е., указ. соч.

7. Кандель Ф. Дикое поле. <http://www.midrasha.net/article.php?id=2104>

8. Клименко И.Н. Миг между прошлым и будущим... Фотосалоны Владивостока конца XIX–начала XX в. Каталог фотографий. Владивосток: ПГОМ им. В.К. Арсеньева, 2001.

3. РГВИА, Ф. 409, Оп.1, Д. 66785 п/с 13-892.

4. РГВА, Ф. 22, Оп. 32, Д. 1334.

5. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 10 февраля 2007 г.

6. Турмов Г.П., Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Владивостокская крепость. История одной фотографии // Россия и АТР. 2007. N 4. С. 164–169.

7. РГВИА, Ф. 409, Оп.1, Д. 66785 п/с 13-892.

8. РГВИА, Ф. 409, Оп. 1,-п/с 366371.

9. Электронные письма Т.Г. Федоровой В.И. Калинин от 17 и 18 декабря 2009 г. и приложения к ним.

10. Электронное письмо И.С. Пашковского В.И. Калинин от 20 января 2010 г. и приложения к нему.

11. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

12. Приказ по Владивостокскому крепостному инженерному управлению и Временному управлению Строителя Владивостокской крепости N 144 от 24 мая 1914 г. Из семейного архива И.С. Пашковского

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Приказы по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу. 1911–1915 гг. Государственный архив Приморского края, Научно-справочная библиотека.

2. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Краткий путеводитель. Пятое издание. Ленинград: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 1966.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Первая публикация настоящей главы: Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Военные инженеры генерал-майор Алексей Петрович Шошин и подполковник Петр Васильевич Заглядинов. История одной семьи // Крепость Россия, Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 130–187; Kalinin W., Ajuszyn M. General Major Inzynier Aleksiej Piotrowicz Szoszin // Twierdze i Dzialania Wojenne na Ziemiach Polskich Podczas I Wojny Swiatowej. Materiały

По следам старой фотографии

z Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Osowiec-Twierdza 16–18 Październik 1998 r. Białystok, Przasnysz: Forteca, 2000. S. 87–94.

2. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. СПб.: Остров, 2001; Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.

3. Коллекция документов А.П. Шошина. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург.

4. Электронные копии всех материалов из семейных архивов Татьяны Ивановны Шошиной (Бухарест, Румыния), Сергея и Александра Заглядимовых (Москва), Максима Мараева (Воронеж), а также копии писем, на которые приводятся ссылки в настоящей работе, имеются в распоряжении авторов.

5. Выписка из метрической книги города Костромы Успенской, что при реке Волге церкви. Семейный архив Максима Мараева.

6. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина. Составлен 11 июня 1913 г. с приложениями. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург. Каталог единого учета (KEY) 5201–5204.

7. Выписка из метрической книги полковой церкви Лейб-гвардии Московского стрелкового полка. Из семейного архива Максима Мараева.

8. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

9. Краткая автобиография Шошина Аполлинария Алексеевича. 9 июня 1953 г. Из семейного архива Максима Мараева.

10. Турмов Г.П., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость. История одной фотографии // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 164–169.

11. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

12. Gruszecki A., Wap A. Twierdza Lomza 1883–1915 // Twierdze i Działania Wojenne na Ziemiach Polskich Podczas I Wojny Światowej. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Osowiec-Twierdza 16–18 Październik 1998 r. Białystok, Przasnysz: Forteca, 2000. S. 41–46.

13. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

14. Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. М.: Госвоениздат, 1931.

15. Juskiewicz R. Walki o przedmościa: Rozan, Pultusk, Plock 1939. Warszawa, 1992.

16. Генерал-лейтенант А.В. фон Шварц. Рассказы о жизни за границей. Отрывок из рукописных воспоминаний, опубликованный на сайте <http://www.xxl3.ru/kadeti/shwartz.htm>.

17. фон-Шварц А.В. Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей. СПб., 1910.

18. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 16 января 2007 г.

19. МКА. Lomzyska twierdza byla początkiem kariery rosyjskiego fortyfikatora. General do spraw najtrudniejszych // Narew. Extra Tygodnik. Rok II. Nr. 7. 8 stycznia 2008 r. S. 6. Lomza.

20. фон-Шварц А.В. Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей. СПб., 1910.

21. Шварц А.В. Оборона Иваногорода в 1914–1915 гг. Из воспоминаний коменданта крепости Ивангород А.В. Шварца. Пер. с французского А.А. Крживицкого. М., 1922.

22. Juskiewicz R. Walki o przedmościa: Rozan, Pultusk, Plock 1939. Warszawa, 1992.

23. Chorzepa J. Przasnysz luty 1915 – “naiciekawsza bitwa I wojny światowej”. Przasnysz: Forteca, 2008.

24. Krolikowski L. Twierdza Warszawa. Warszawa: Bellona, 2002.

25. Шварц А.В. Оборона Иваногорода в 1914–1915 гг. Из воспоминаний коменданта крепости Ивангород А.В. Шварца. Пер. с французского А.А. Крживицкого. М., 1922.

26. Шошин А.П. Дневниковые записки за 1910–1914 гг. Коллекция документов А.П. Шошина. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.

27. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

28. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.

29. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

30. Турмов Г.П., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость. История одной фотографии // Россия и АТР. 2007. N 4. С. 164–169.

31. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 5, Д. 718.

32. РГИ ДВ, Ф. 1, Оп. 6, Д. 173, Л. 322.

33. Шошин А.П. Дневниковые записки за 1910–1914 гг. Коллекция документов А.П. Шошина. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.

34. Шошин А.П. Духовное домашнее завешание. Из семейного архива Максима Мараева.

35. Виттенбург П.В. Геологическое описание полуострова Муравьева-Амурского и архипелага Императрицы Евгении. Петроград, 1916.

36. Приказ по Владивостокской крепости N 135-а от 25 апреля 1915 г. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

37. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

38. Объявление по Владивостокской крепости N 118 от 6 октября 1914 г. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

39. Послужной список Начальника Инженеров и Строителя Владивостокской крепости Военного инженера генерал-майора Шошина.

40. Коллекция документов А.П. Шошина. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург.

41. Письмо И.Н. Родзевича А.П. Шошину. 18 мая 1921 г. Из семейного архива Максима Мараева.

42. Наставление по специальному образованию инженерных войск Р.К.К.А. Часть II техническая. Полевые оборонительные постройки // Штаб РККА. Военный вестник. 1927.

43. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 17 января 2007.

44. Там же.

45. Переписка Н.А. Шошина по поводу перезахоронения А.П. Шошина. Из семейного архива Максима Мараева.

46. Письмо начальника Центрального исторического военно-инженерного музея полковника Жукова Н.А. Шошину. Из семейного архива Максима Мараева.

47. Краткая автобиография Шошина Аполлинария Алексеевича. 9 июня 1953 г. Из семейного архива Максима Мараева.

48. Отчеты Общества изучения Амурского края за 1911–1914 гг. Владивосток, 1914; Калинин В.И. Роль офицеров Владивостокской крепости в деятельности Общества изучения Амурского края (ОИАК) // Краеведческий вестник. Владивосток, 1994. С. 17–20.

49. Справка об освобождении А.А. Шошина от 1 ноября 1934 г. Из семейного архива Максима Мараева.

50. Справка об освобождении А.А. Шошина от 21 октября 1946 г. Из семейного архива Максима Мараева.

51. Справка об отмене постановления коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. в отношении Шошина А.А. и прекращении в отно-

По следам старой фотографии

шении него уголовного дела. 3 июля 1957 г.; Справка об отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 23 августа 1939 г. в отношении Шошина А.А. и прекращения в отношении него уголовного дела. 7 января 1957 г. Из семейного архива Максима Мараева.

52. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинину от 17 января 2007.

53. Там же.

54. Там же.

55. Выписка из метрической книги Ново-георгиевского крепостного собора. Из семейного архива Т.И. Шошиной

56. Копия Аттестата И.А. Шошина об окончании полного восьмиклассного курса Владивостокской гимназии. Заверена 12 июня 1913 г. нотариусом Владивостокского окружного суда А.П. Бужко. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

57. Автобиография И.А. Шошина. Из семейного архива Т.И. Шошиной

58. Заявление И.А. Шошина о приеме в Петроградское отделение Всероссийского союза оркестрантов. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

59. Свидетельство начальника 2-й Туркестанской казачьей дивизии за № 1763 от 23 сентября 1916 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

60. Удостоверение Штаба Петроградского военного округа на театре военных действий за № 3905 от 24 апреля 1917 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

61. Письмо Председателя Исполнительной комиссии Совета солдатских и рабочих депутатов Василеостровского района № 71 от 24 ноября 1917 г. Уполномоченному по дому № 23 Шошину по 12 А. кв. 11. с исправленными И.А. Шошиным грамматическими ошибками; Письмо Председателя Исполнительной комиссии Совета солдатских и рабочих депутатов Василеостровского района без номера и даты гражданину Шошину, проживающему в доме № 23 по 12 линии В.О. с резолюцией «27/XI 1917. Читал с удовольствием»; аналогичное письмо без номера от 28 ноября

1917 г. с резолюцией И.А. Шошина «Читал с удовольствием. Ив. Шошин. 28/XI-1917». Из семейного архива Т.И. Шошиной.

62. Удостоверение коменданта Штаба Петроградского военного округа Красной Армии за № 554 от 2 мая 1918 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

63. Письмо заведующего Учетным отделом Штаба Петроградского военного округа Рабочее-крестьянской Красной армии за № 821 от 29 мая 1918 г. в Военно-техническое управление Ярославского военного округа. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

64. Заявление служащих Автоотдела ГВИУ Н.П. Цветковой, Н.Н. Карповича и И.А. Шошина Комиссару ГВИУ т. Коросташевскому от 22 октября 1918 г. о невыдаче 11/2 пуд. пайка муки Продовольственным комитетом ГВИУ; Удостоверение 1-го отделения Автоотдела ГВИУ № 1877 от 17 октября 1918 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

65. Предписание заведующего Физическим институтом 1-го Петроградского университета профессора Д. Рождественского И.А. Шошину. Петроград, 4 декабря 1918 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

66. Рапорт корреспондента Автоотдела ГВИУ И.А. Шошина № 23 от 13 декабря 1918 г. начальнику Автоотдела ГВИУ; Удостоверение 1-го отделения Автоотдела ГВИУ № 22834 от 25 декабря 1918 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

67. Удостоверение Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии и Флота Совета народного хозяйства Северного района № 3026 от 22 февраля 1919 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

68. Удостоверение от Управления городской советской рабоче-крестьянской милиции г. Петрограда № 24325 от 20 июля 1919 г.; Удостоверение от директора Государственного оптического института № 339 от 11 апреля 1919 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

69. Удостоверение от Председателя правления Завода оптического стекла и директора Государственного оптического института

профессора Д. Рождественского за N 494 от 21 мая 1919 г.; Удостоверение от директора Государственного оптического института профессора Д. Рождественского за N 254 от 2 марта 1920 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

70. Удостоверение Организационного сектора Наркомпроса N 56 от 13 августа 1920 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

71. Удостоверение об окончании полного курса наук Физико-математического факультета Петроградского государственного университета N 195 от 12 июля 1922 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

72. Копия диплома лауреата Сталинской премии третьей степени Шошина Ивана Алексеевича. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

73. <http://www.lomo.ru>

74. <http://www.navycollection.narod.ru/fleets/Russia/vpk/lomo/lazar/lomo1.html>

75. Сухопаров С. Вторая жизнь // Университет ИТМО. 2004. N 46 (1551), январь 2004 г.

76. Мобилизационное предписание Петроградского районного военного комиссариата N 16/233 от 23 августа 1942 г. выданное гр-ну г. Ленинграда Шошину Ивану Алексеевичу. Из семейного архива Т.И. Шошиной

77. Автобиография И.А. Шошина. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

78. С. Цуккерман. Светлой памяти Ивана Алексеевича Шошина. Некролог из многотиражной газеты ЛИТМО. Из семейного архива Т.И. Шошиной; Иван Алексеевич Шошин (1895–1958). Некролог в заводской многотиражной газете. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

79. Временное удостоверение Петроградского райвоенкомата N 31 от 29 июня 1949 г., выданное взамен военного билета (бессрочно). Из семейного архива Т.И. Шошиной.

80. Иван Алексеевич Шошин (1895–1958). Некролог в заводской многотиражной газете. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

81. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 17 января 2007.

82. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 21 февраля 2007 г.

83. Справка Петроградского стола записей актов гражданского состояния Административного отдела Ленгубисполкома N 1314 от 17 февраля 1925 г. Из семейного архива Т.И. Шошиной.

84. Удостоверение о службе военного инженера П.В. Загладимова, подписанное А.П. Шошиным 30 июля 1932 г. г. Москва. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

85. Электронное письмо Т.И. Шошиной В.И. Калинин от 20 февраля 2007 г.

86. Там же.

87. Электронное письмо И.Д. Андреевой В.И. Калинин от 27 ноября 2007 г.

88. Указ Императора Николая II от 31 августа 1907 г. о награждении поручика Загладимова орденом Св. Анны 4-й ст. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

89. Послужной список военного инженера капитана Загладимова. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

90. Выписка из метрической книги за 1907 г., выданной причтом Петропавловской, при Николаевской инженерной академии и училище церкви г. Санкт-Петербурга от марта 18 дня 1908 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

91. Письмо Сергея Загладимова В.И. Калинин от 11 февраля 2007 г.

92. Удостоверение о военной службе военного инженера П.В. Загладимова, подписанное А.П. Шошиным 30 июля 1922 г. г. Москва. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

93. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.

94. Удостоверение N 2205 от 1 мая 1913 г., данное производителем работ Временного управления Строителя Владивостокской крепости военным инженером подпол-

ковником Тороповым в том, что крестьянин Гродненской губернии Т.Д. Тиханюк работал на форту в его бытность производителем работ с 21 июля 1910 г. по 1 мая 1913 г.; Удостоверение N 1327 от 17 сентября 1914 г., данное производителем работ Временного управления Строителя Владивостокской крепости военным инженером капитаном Яковлевым в том, что крестьянин Гродненской губернии Т.Д. Тиханюк работал на форту в его бытность производителем работ с 1 мая 1913 г. по 15 сентября 1914 г.; Удостоверение N 700 от 25 июня 1915 г., данное производителем работ Временного управления Строителя Владивостокской крепости военным инженером капитаном Загладимовым в том, что крестьянин Гродненской губернии Т.Д. Тиханюк работал на форту в его бытность производителем работ с 1 ноября 1914 г. по 25 июня 1915 г. Из архива семьи Тиханюк. По Попов С.В. Крепость I класса «Владивосток». Форт N 7 имени Цесаревича Алексея. Владивосток, 2008.

95. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток, Дальнаука: 2006; Калинин В.И., Аюшин Н.Б., Козько В.А. Строитель Седьмого форта. Военный инженер подполковник В.С. Торопов // Россия и АТР. 2002. N 1. С. 133–141.

96. РГА ВМФ, Ф. р-1090, Оп. 1, Д. 978; Ф. р-1173, Оп. 1, Д. 39, Л. 58–65.

97. Сопроводительное письмо к свидетельству о пожаловании П.В. Загладимову медали в память 300-летия Дома Романовых] от 28 сентября 1913 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

98. Письмо Начальника инженеров и Строителя Владивостокской крепости генерал-майора А.П. Шошина за N 714 от 9 декабря 1913 г. военному инженеру капитану Загладимову с объявлением итогов аттестации за 1913 год. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

99. Послужной список военного инженера капитана Загладимова.

100. Сведения о прохождении службы старшего производителя работ военного инженера Петра Васильевича Загладимова за время пребывания его в Управлении Начальника Инженеров III армии. 16 января 1918 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

101. Удостоверение от Управления инспектора инженеров 3 армии N 4459 от 2/15 февраля 1918 г. данное военному инженеру Загладимову в том, что как не избранной на должность, он не удовлетворен деньгами на теплые вещи. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

102. Письмо начальника отдела Гипро-рыбпрома инженера Загладимова заместителю председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну от 17 июня 1961 г. с ходатайством о назначении персональной пенсии. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

103. Мандат от Начальника инженеров Вятско-Слободского укрепленного района N 188 от 31 мая 1919 г., удостоверяющий, что военный инженер П.В. Загладимов является начальником 3-го военно-полевого строительства Восточного фронта по укреплению города Вятки; Мандат от коменданта Пермского крупленного района N 244 от 14 июля 1919 г., удостоверяющий, что тов. Загладимов является начальником инженеров Пермского укрепленного района. Подписан комендантом укрепрайона Блюхером и членами Военного совета. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

104. Удостоверение Совета Трудовой армии N 3736 от 28 апреля 1920 г. в том, что военный инженер Загладимов Петр Васильевич является Руководителем работ Военно-Полевых Строительств Трудовой Армии. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

105. Телеграмма N 1189 командующего 16-й армией Н. Соллогубова и членов Реввоенсовета Мулина и Пятакова Командующему Западным фронтом, Совету обороны и Предреввоенсовета т. Троцкому с ходатайством о

назначении П.В. Загладимова начальником инженеров 16-й армии; Удостоверение Реввоенсовета 16-й армии N 6842 от 31 октября 1920 г. о том, что Петр Васильевич Загладимов является начальником инженеров 16-й армии и подписанное и.о. командарма Шиловским. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

106. Удостоверение от Совета 1-й Революционной армии Труда N 4018 от 27 июня 1920 г. о том, что тов. Загладимов откомандировывается в распоряжение Реввоенсовета 16-й армии. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

107. Удостоверение Реввоенсовета Западного фронта о награждении начальника инженеров 16-й армии П.В. Загладимова золотыми часами. 14 марта 1921 г., г. Смоленск. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

108. Удостоверение Реввоенсовета Западного фронта N 1419/рс от 21 марта 1921 г. о невыдаче П.В. Загладимову наградных золотых часов, в виду отсутствия таковых в распоряжении Реввоенсовета Западного фронта. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

109. Выписка из приказа по Полевому Штабу Революционного Военного Совета Республики за N 50 от 8-го февраля 1921 г., гор. Москва о прикомандировании начальника инженеров 16-й армии П.В. Загладимова к Штабу в распоряжение Инспектора инженеров Штаба с 30 января 1921 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

110. Письмо и. д. председателя совета Московского комбинированного куста при Реввоенсовете Республики Аврова Начальнику снабжений Штаба РККА об откомандировании инженера П. Загладимова в его распоряжение от 17 сентября 1921 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

111. Производственная часть Отдела снабжения Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Рапорт военного инженера П. За-

гладимова об откомандировании его в распоряжении Московского комбинированного куста при Реввоенсовете Республики. 17 Сентября. 1921 г. г. Москва. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

112. Удостоверение от Начальника Николаевской инженерной академии военного инженера профессора Голенкина N 1421 от 30 мая 1918 г., гор. Петроград, данное П.В. Загладимову, что решением конференции академии ему присвоено звание военный инженер и даны соответствующие права, присвоенные военным и гражданским инженерам по производству разного рода строительных работ. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

113. Договор между Зам. заведующего Чечмestхозом М. Курумовым и инженером П. Загладимовым от 20 августа 1925 г.; Отдел местного хозяйства Чеченского областного Центрального исполнительного комитета. Удостоверение N 668 от 19 июня 1926 г, выданное П.В. Загладимову в том, что он состоял на службе в Отделе местного хозяйства ЧАО в качестве заведующего строительными работами с 11 августа 1925 г. по 23 июня 1926 г. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

114. Письмо директора Строительной конторы при Наркомторге РСФСР «Экспортстрой» т. Пискарева председателю правления А/О «Хладострой» т. Адамайтису от 7 февраля 1930 г. о срочном откомандировании инженера П. Загладимова на должность главного инженера Экспортстроя. Из семейного архива Сергея и Александра Загладимовых.

115. Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000.

116. ГУОС НКО СССР 5-е управление оборонительных работ Полевое строительство N 50-а. Справка, выданная Начальнику 1-го сектора инженеру Загладимову П.В. в том,

что он с 1-го ноября 41 года по 23 января 42 года работал на оборонительных работах. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

117. Письмо начальника отдела Гипрорыбпрома инженера Заглядимова заместителю председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну от 17 июня 1961 г. с ходатайством о назначении персональной пенсии. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

118. Свидетельство о смерти Петра Васильевича Заглядимова II-РБ N 300707 от 28 января 1966 г., выданное Отделом ЗАГС Фрунзенского района г. Москвы. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

119. Автобиография Михаила Петровича Заглядимова. 21 октября 1976 г. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

120. Д.П. Заглядимов. Некролог в многотиражной газете Госплана СССР (?) N 125 (17077) от 5 мая 1965 г.; Выписка из автобиографии Заглядимова Дмитрия Петровича, составленная М.П. Заглядимовым. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

121. Заглядимов Д.П., Петров А.П., Сергеев Е.С., Буянов В.А. Организация движения в железнодорожном транспорте. Изд. 6, перераб. и доп. М., 1978.

122. Верховский И.А., Заглядимов Д.П., Кособреев С.И., Орлов Д.А., Ушаков С.С. Развитие единой транспортной сети СССР. М.: Экономиздат, 1963.

123. Электронное письмо И.Д. Андреевой В.И. Калинину от 27 ноября 2007 г.

124. Электронное письмо Александра Заглядимова В.И. Калинину от 13 октября 2007 г.

125. Свидетельство о смерти Петра Васильевича Заглядимова II-РБ N 300707 от 28 января 1966 г., выданное Отделом ЗАГС Фрунзенского района г. Москвы. Из семейного архива Сергея и Александра Заглядимовых.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. Хохлов В.П. Свиньины. Материалы к родословной. Владивосток: ОИАК, 1998.

2. РГВИА Ф. 409, Оп. 1, п/с 366371 от 13 марта 1917 г.

3. Приказ по Владивостокской крепости N 8 от 16 января 1910 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

4. Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Т. 1. Томск, 1973; Свиньин В.А. Автобиография. Архив Общества изучения Амурского края, Владивосток.

5. ЦВМА, Ф. 2457, Оп. 1, Д. 24, Л. 199; Стехов А.В., Иванов Ю.В., Воробьев С.А., Калинин В.И. Артемовский сектор Береговой обороны Главной военно-морской базы Тихоокеанского флота «Владивосток» 1941–1945 гг. Часть 2. Артиллерийские батареи // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 200–245.

6. Свиньин В.А. Автобиография. Архив Общества изучения Амурского края, Владивосток.

7. Письмо И.И. Вашук (Свиньиной) Н.Б. Аюшину и В.И. Калинину от 7 марта 1997 г.

8. Письмо И.И. Вашук (Свиньиной) Н.Б. Аюшину и В.И. Калинину от 7 марта 1997 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Электронное письмо В.П. Хохлова В.И. Калинину от 27 апреля 2009 г.

2. Электронное письмо В.П. Хохлова В.И. Калинину от 27 апреля 2009 г.

3. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинину от 1 июня 2009 г.

4. Хохлов В.П. Шесть колен. Поколенная роспись семьи Маак. Рукопись из коллекции авторов.

5. Повествование о семье Маак, размещенное в Интернете У.В. Просвиркиной <http://rufort.info/index.php?topic=20.20>

6. Маак Ричард Карлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (в 86 томах) Т. 35, СПб., 1896. С. 296.
7. Электронное письмо В. Просвиркина В.И. Калинин от 10 июня 2009 г.
8. РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 66785, п/с 13-892.
9. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинин от 3 июня 2009 г.
10. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 972.
11. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток; Дальнаука, 2006.
12. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 979.
13. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 5, Д. 61.
14. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 521.
15. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 1001.
16. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 129.
17. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 129.
18. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 1001.
19. Приказ по Владивостокской крепости N 224 от 26 марта 1906 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
20. Приказ по Владивостокской крепости N 844 от 15 ноября 1906 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
21. Электронное письмо от У.В. Просвиркиной В.И. Калинин от 10 июня 2009 г.; Электронное письмо В. Просвиркина от 10 июня 2009 г.
22. Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г. Отдел II. Домовладельцы г. Владивостока. Владивосток, 1924. С. 90.
23. Письмо Э.О. Маака родственникам в Вологду от 13 февраля 1935 г. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.
24. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 117 от 6 апреля 1912 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
25. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.
26. Письмо А.А. Захаровой Э.О. Питашиной. Ноябрь 1913 г. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.
27. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинин от 9 июня 2009 г.
28. Письмо Г.В. Тимошенко Калинин В.И. от 11 мая 2009 г.
29. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 263 от 17 июня 1914 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
30. Приказ по Владивостокской крепости N 135-а от 25 апреля 1915 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
31. Приказ по Владивостокской крепости от 18 декабря 1915 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
32. Приказ по Владивостокской крепости N 16 от 14 января 1916 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
33. Приказ по Владивостокской крепости N 240 от 9 сентября 1916 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
34. Объявление по Владивостокской крепости N 118 от 6 октября 1914 г. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
35. Письмо А.А. Захаровой Э.О. Питашиной, декабрь 1914 г. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.
36. Приказ по Владивостокской крепости N 262 от 7 октября 1917 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.
37. Приказ по Владивостокской крепости N 66 от 3 апреля 1918 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, научно-справочная библиотека.
38. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 5, Д. 1275.
39. Тхор В.А. Послужной список полковника Яниса Шволковскиса // Baltfort. 2008. N 4 (05). С. 14–17.

40. Начальник инженеров Владивостокской крепости. 20 декабря 1922 г. № 10946. Свидетельство о службе техника В.М. Самойлова, подписанное начальником инженеров Владивостокской крепости Э.О. Маком. Из семейного архива А.П. Сетяминой.

41. Крепость Владивосток. Доклад комиссии по приему военного имущества на Дальнем Востоке. Владивосток, 1923. Из собрания Ю.М. Зайцева.

42. Письмо Э.О. Маака Э.О. Питашиной. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.

43. Саблин В.А. Судьба помещиков в вологодской деревне в 1920-е годы // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Лепта, 2003. С. 45–52.

44. Письмо Э.О. Маака Э.О. Питашиной. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.

45. Калинин В.И., Иванов Ю.В., Воробьев С.А., Стехов А.В., Гаврилкин Н.В. 305-мм/52 кал. башенная береговая артиллерийская батарея № 981 имени народного комиссара обороны СССР товарища Клина Ворошилова на защите морских подступов к Владивостоку. 1932–1897 гг. // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 8–131.

46. РГВА, Ф. 22, Оп. 32, Д. 1334.

47. РГВА, Ф. 22, Оп. 32, Д. 1334.

48. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинину от 9 июня 2009 г.

49. http://www.polarpost.ru/Library/Popov-avtograph/text-avtograf_na_karte-13.html; <http://lists.memo.ru/index3.htm>

50. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинину от 9 июня 2009 г.

51. Из переписки родственников Э.О. Маака от 8 декабря 1933 г. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.

52. Письмо Э.О. Маака родственникам в Вологду от 13 февраля 1935 г. Из семейного архива У.В. Просвиркиной.

53. Вырезка из газеты, хранящаяся в семейном архиве А.И. Волгодина

54. Электронное письмо У.В. Просвиркиной В.И. Калинину от 8 июня 2009 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинину от 17 декабря 2009 г.; Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинину от 18 декабря 2009 г. с приложением.

2. Электронное письмо И.С. Пашковского В.И. Калинину от 10 января 2010 г.

3. РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 164915, п/с 126-880; Свидетельство о крещении Г.Б. Кригера-Войновского. Из семейного архива И.С. Пашковского.

4. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

5. Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, размышления, мысли о революции. М.: Русский путь, 1999.

6. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

7. Свидетельство об окончании Г.Б. Кригером-Войновским Владикавказского реального училища. Из семейного архива И.С. Пашковского.

8. Свидетельство о браке Г.Б. Кригера-Войновского. Из семейного архива И.С. Пашковского.

9. Отчеты Общества изучения Амурского края за 1911–1914 гг. Владивосток, 1914; Калинин В.И. Роль офицеров Владивостокской крепости в деятельности Общества изучения Амурского края (ОИАК) // Краеведческий вестник. Владивосток, 1994. С. 17–20.

10. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

11. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

12. Приказ начальника инженеров Виленского военного округа № 256 от 25 ноября 1904 г. Из семейного архива И.С. Пашковского.

13. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

14. Павлов А.В. Забытая крепость. Выборгская крепость в 1914–1918 гг. – строительство фортовой крепости // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 188–287.

15. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 15 от 12 января 1911 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

16. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 263 от 17 июня 1914 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

17. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 71 от 11 февраля 1914 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, Научно-справочная библиотека.

18. Приказ по Владивостокскому крепостному инженерному управлению и Временному управлению Строителя Владивостокской крепости N 144 от 24 мая 1914 г. Из семейного архива И.С. Пашковского.

19. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

20. Отчеты Общества изучения Амурского края за 1911–1914 гг. Владивосток, 1914; Калинин В.И. Роль офицеров Владивостокской крепости в деятельности Общества изучения Амурского края (ОИАК) // Краеведческий вестник. Владивосток, 1994. С. 17–20.

21. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

22. Kalinin W.I., Kradin N.P., Obronne blokhauzy na linii kolei wschodniochinskiej // Forteca. 2007. Nr. 1-2 (24-25). S. 32-43.

23. Удостоверение Временного комитета членов Государственной думы, выданное Г.Б. Кригеру-Войновскому на право свободного выхода из здания Государственной думы. Из семейного архива И.С. Пашковского.

24. Удостоверения Управления уполномоченного главного начальника снабжений по Петроградскому району от 15 октября 1918 г., от 23 октября 1918 г. и 29 октября 1918 г., выданные Г.Б. Кригеру Войновскому о том, что он не может подвергаться произвольному аресту и имеет право проживать в собственной квартире и пользоваться собственным имуществом. Из семейного архива И.С. Пашковского.

25. Удостоверение Управления по сооружению железнодорожных линий в Петроградском военном районе Г.Б. Кригеру-Войновскому 2 декабря 1918 г. о праве ввоза в Петроград 1,5 пудов разных продовольственных продуктов на человека, каковые не подлежат реквизиции или конфискации. Из собрания И.С. Пашковского.

26. Свидетельство о присвоении Г.Б. Кригеру-Войновскому звания подмастерья I разряда по шитью обуви от 24 мая 1919 г. Из семейного архива И.С. Пашковского.

27. Удостоверение Петроградского отделения ВСНХ, выданное Г.Б. Кригеру Войновскому 30 августа 1919 г. о том, что он является инспектором ВСНХ, выполняющим обязанности ревизора Петрокоммун. Из семейного архива И.С. Пашковского.

28. Удостоверение о смерти Г.Б. Кригера-Войновского. Из семейного архива И.С. Пашковского.

29. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

30. Леон Коваль Моему городу 150 лет. Часть третья // <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer11/Koval1.htm>

31. Фрагмент письма К.Г. Кригера-Войновского сестре Тамаре. Из семейного архива И.С. Пашковского.

32. РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 164974, п/с 126–879.

33. Копия Указа об отставке, данного уволенному от службы из 4-го резервного батальона Одесского пехотного полка подпоручиком Федорову. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

По следам старой фотографии

34. Федорова Т.Г. Дети А.А. Федорова. Рукопись, составленная 29 декабря 2009 г. по материалам семейного архива.

35. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.

36. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 39 от 23 января 1914 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, научно-справочная библиотека.

37. Приказ по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу N 158 от 12 апреля 1914 г. // Приказы по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу. ГАПК, научно-справочная библиотека.

38. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинин от 20 декабря 2009 г.

39. Приказ по Владивостокской крепости N 106 от 11 мая 1917 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, научно-справочная библиотека.

40. Приказ по Владивостокской крепости N 362 от 18 декабря 1915 г. // Приказы по Владивостокской крепости и 4-му Сибирскому армейскому корпусу.

41. Приказы по Владивостокской крепости N N 262 от 7 октября 1917 г. и N 66 от 3 апреля 1918 г. // Приказы по Владивостокской крепости. ГАПК, научно-справочная библиотека.

42. РГВА, Ф. 39786, Оп. 1, Д. 1, Л. 9.

43. РГВА, Ф. 39786, Оп. 1, Д. 1, Л. 54.

44. РГВА, Ф. 40213, Оп. 1, Д. 834, Л. 13.

45. РГВА, Ф. 40446, Оп. 1, Д. 1, Л. 25.

46. РГВИА, Ф. 13149, Оп. 4, Д. 439 (Приказы по Владивостокскому Крепостному Инженерному Управлению).

47. РГВА, Ф. 39507, Оп. 1, Д. 4, Л. 174.

48. РГВА, Ф. 40294, Оп. 1, Д. 6, Л. 4; РГВА, Ф. 49294, Оп. 1, Д. 1, Л. 30.

49. РГВА, Ф. 40294, Оп. 1, Д. 1, Л. 11.

50. РГВА, Ф. 40287, Оп. 1, Д. 2, Л. 2.

51. РГВА, Ф. 40294, Оп. 1, Д. 1, Л. 689.

52. РГВА, Ф. 40287, Оп. 1, Д. 4, Л. 111; РГВА, Ф. 40213, Оп. 1, Д. 1220, ч. 1, Л. 6.

53. РГВА, Ф. 40213, Оп. 1, Д. 1220, ч. 1, Л. 42; РГВА, Ф. 40261, Оп. 1, Д. 1, Л. 18.

54. Анча Д.А., Калинин В.И., Поздняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919–23 февраля 1920. Хабаровск: Риотип, 2009.

55. Анча Д.А. Личное сообщение В.И. Калинин о истории постройки кинотеатра «Уссури» на основании материалов РГИА ДВ.

56. Телеграмма председателя Дальревкома Кобозева председателю Приморского губвоенревкома Бельскому от 15 ноября 1922 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

57. Телеграмма председателя Примгубвоенревкома Бельского председателю Дальревкома Кобозеву N 1396. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

58. Протокол заседания Бюро ячейки N 10 при Доме просвещения от 23 января 1923 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

59. Справка о лояльности А.А. Федорова Советской власти от 21 сентября 1923 г., подписанная бывшим председателем Правительства Приморской областной земской управы В.Г. Антоновым. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

60. Владивостокская крепость, 1923. Отчет комиссии по учету военного имущества на Дальнем Востоке. Из собрания Ю.М. Зайцева.

61. Отзыв о преподавателе Рабфака ГДУ А.А. Федорове от 30 ноября 1927 г.

62. Приказ N 5 по Владивостокскому отделению «Дальстройтреста» 27 декабря 1929 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

63. Удостоверение, выданное А.А. Федорову о премировании его Дальстройтрестом за постройку кирпичного завода на Первой Речке. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

64. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинин от 31 января 2010 г.

65. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинин от 14 февраля 2010 г.

66. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Кригер-Войновский. 1894–1979. М.: Наука, 2001.

67. Выписка из протокола № 8 заседания Владивостокского окружного бюро ИТС ВССР от 11 апреля 1930 года. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

68. Справка о прописке А.А. Федорова по адресу Ленинград, Ковенский пер., д. 4, кв. 7 выданная 15 февраля 2010 г. О.Б. Балашову. Из собрания авторов.

69. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинину от 5 февраля 2010 г.

70. Федорова Т.Г. Полковник Георгий Александрович Федоров. Рукопись, составленная по материалам семейного архива 13 января 2010 г.

71. Служебная характеристика Федорова Г.А., подписанная заместителем начальника Политуправления Приморского военного округа полковником Кауровым 26 апреля 1946 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

72. Федоров Г.А. Что такое наука? // Письменная консультация для командующего Приморского военного округа Маршала Советского Союза К.А. Мерешкова. Апрель 1947 г. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

73. Справка о лояльности А.А. Федорова Советской власти от 21 сентября 1923 г., подписанная бывшим председателем Правительства Приморской областной земской управы В.Г. Антоновым. Из семейного архива Т.Г. Федоровой.

74. Федорова Т.Г. Полковник Георгий Александрович Федоров. Рукопись, составленная по материалам семейного архива 13 января 2010 г.

75. Электронное письмо Т.Г. Федоровой В.И. Калинину от 31 января 2010 г.

76. Федорова Т.Г. Полковник Георгий Александрович Федоров. Рукопись, составленная по материалам семейного архива 13 января 2010 г.

ТУРМОВ Г.П., КАЛИНИН В.И., АЮШИН Н.Б.

ПО СЛЕДАМ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Технический редактор Н.М. Белохонова
Корректор Л.Ф. Юринова
Компьютерная верстка Г.Ф. Жданович

Отпечатано в ЗАО «ЛИТ». 690078, г. Владивосток,
ул. Комсомольская, 1в. Тел. 45-66-33.

Отпечатано с готовых файлов заказчика.

ЗВЕЗДНЫЙ АТЛАСЪ

НЕБЕСНЫХ НАМЮНЕНИИ.